

Леонид

SEATTLE PUBLIC LIBRARY

0 01 00 5227862 8

ОСОБАЯ ПАПКА

МЮНХЕН 72

Кровавая Олимпиада

**ОСОБАЯ
ПАПКА**

Леонид Млечин

МЮНХЕН 72

Кровавая Олимпиада

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2005

Оформление серии художника *П. Волкова*

Млечин Л.М.

М72 Мюнхен 1972. Кровавая Олимпиада. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 320 с. — (Млечин. Особая папка).
ISBN 5-699-07344-2

В сентябре 1972 года, во время Мюнхенской Олимпиады, палестинские террористы захватили в заложники израильскую команду. В результате неудачной операции, проведенной западногерманской полицией, все заложники погибли. Уцелевшие террористы вскоре оказались на свободе. Тогда охоту за ними начали спецслужбы Израиля...

Об этой кровавой драме в свое время кричала вся мировая пресса.

Эта операция вошла во все учебники по борьбе с терроризмом.

На этот сюжет снят новый фильм самого знаменитого кинорежиссера современности Стивена Спилберга.

Вся правда о мюнхенской трагедии и тайной деятельности израильских «ликвидаторов», досье террористов и секреты спецслужб, сенсационные подробности и малоизвестные факты — в новой книге популярного журналиста и телеведущего Леонида Млечина.

ББК 67.401.212

© Млечин Л. М., 2005

© ООО «Издательство «Яуза», 2005

© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-07344-2

ОТ АВТОРА

5 сентября 1972 года в половине пятого утра восемь палестинцев в спортивных костюмах с рюкзаками за спиной легко преодолели ограду Олимпийской деревни в Мюнхене.

Им надо было всего лишь перелезть через металлическую сетку. Сверху даже не было колючей проволоки. Рядом находились ворота № 25А. На ночь они закрывались, но охрану не выставляли. Руководитель палестинской группы, которого все называли просто по имени — Исса, знал, что именно в этом месте подгулявшие спортсмены ночью легко пробирались в Олимпийскую деревню и никого из них не оставляли.

Когда палестинцы подошли к ограде, то увидели группу смеющихся американских спортсменов, которые возвращались после шумной вечеринки в городе. Они тоже собирались перелезть через ограду. Боевик сопровождал один из тех, кто задумал и подготовил эту операцию. Его псевдоним — Абу Дауд. Он приказал им присоединиться к американцам.

«Наши люди не просто смешались с американцами, — вспоминал Абу Дауд, — мы помогли им забраться наверх, и они помогли нам: «Эй, парень, давай свою рюкзак!» В этой картине было что-то сюрреалистическое — наблюдать за американцами, кото-

рые помогают боевикам «Черного сентября» проникнуть в Олимпийскую деревню».

Абу Дауд остался за оградой. Он не собирался рисковать своей жизнью. Его работа состояла в том, чтобы посылать на смерть других.

Восемь молодых палестинцев прыгнули на землю. Несколько минут они шли вместе с американцами, потом весело распрощались и разделились. Палестинцы спешили как можно скорее добраться до трехэтажного дома № 31 на Конноли-штрассе, где организаторы XX летней Олимпиады разместили израильскую спортивную команду.

Руководитель боевиков Исса (его настоящее имя Луттиф Афиф) прожил в Западной Германии пять лет. Когда началась подготовка к операции, он легко нашел себе временную работу в Олимпийской деревне, как и его помощник по имени Тони (настоящее имя Ясуф Наззал), устроившийся поваром. Днем, в обеденный перерыв, они грелись на солнышке и играли в шахматы — прямо напротив дома № 31, где жили израильтяне.

Исса и Тони легко ориентировались в ночной деревне.

Большинство членов израильской команды тот вечер провели в городе. 4 сентября у них был выходной. Они поехали в Мюнхен и не отказались от возможности посмотреть знаменитый мюзикл «Скрипач на крыше».

Занимавшаяся легкой атлетикой Эстер Рот сидела на представлении рядом со своим тренером Амицуром Шапиро, который разглядел в юной девушке талант спринтера.

Представление шло на немецком языке. Амицур Шапиро, знавший идиш (язык европейских евреев, имеющий много общего с немецким), многое пони-

.....

мал и переводил Эстер. В антракте они с удовольствием нарушили режим и выпили по бокалу вина.

Они говорили о том, сумеет ли Эстер Рот победить в забеге на сто метров. На тренировках она показывала хорошие результаты. В Израиле Рот тренировалась в Национальном институте спорта имени капитана Уингейта.

Британский капитан Чарльз Уингейт появился в Палестине еще до создания Израиля, в 1938 году. Чистокровный англосакс и ревностный христианин, он поддерживал сионистскую идею из религиозных соображений. Он считал, что все евреи имеют дарованное богом право вернуться в Палестину и создать свое государство.

Он взял на себя задачу научить палестинских евреев предупреждать нападения арабов. На боку у него всегда висел револьвер, а в руке он держал маленькую Библию. Уроки капитана Уингейта были простыми. Он постоянно повторял бойцам Хаганы, подпольной еврейской организации самообороны:

— Не ждите нападения, нападайте сами. Никаких компромиссов — нападайте там, где враг не ждет удара. Не позволяйте арабским боевикам вторгаться в еврейские поселения, а уничтожайте их в арабских селах. И не бойтесь воевать ночью. Ночью успех всегда на стороне нападающих.

Среди учеников Уингейта были многие будущие командиры израильской армии, в том числе и министр обороны Моше Даян. Поэтому в Израиле свято хранят память о капитане Уингейте, который погиб во время Второй мировой войны...

Когда поздно вечером 4 сентября 1972 года израильские спортсмены вернулись в деревню, Амицур напомнил Эстер Рот, что утром они встретятся в столовой и после завтрака пойдут тренироваться. Много лет спустя Эстер рассказывала, что в ту ночь ей снились

счастливые сны — сбывались все ее спортивные надежды. Но поделиться приятными эмоциями со своим тренером она уже не сможет. В следующий раз она увидит его мертвым.

Эстер Рот тяжело переживала гибель тренера. Два года не могла бегать. Муж уговорил ее вернуться в спорт. Он же стал ее новым тренером. В 1974 году на Азиатских играх в Тегеране Эстер Рот завоюет три золотые медали. В 1975-м на региональных Играх в Сеуле получит еще две золотых медали...

В этот предрассветный час 5 сентября 1972 года мюнхенские почтальоны, обслуживавшие XX летнюю Олимпиаду, обратили внимание на группу парней, которые куда-то спешили и при этом постоянно оглядывались. Почтальоны сочувственно решили, что это возвращаются подгулявшие спортсмены, которые не хотят попасться на глаза тренерам.

Даже если бы в ту минуту палестинцев остановили мюнхенские полицейские или сотрудники охраны Олимпийской деревни, было бы поздно. Палестинцы не раздумывая убили бы блюстителей порядка и все равно захватили здание, где поместили израильскую команду...

Полная правда об этой трагической истории, ставшей сюжетом многих книг и кинофильмов, возможно, никогда не станет известна. Это тот редкий случай, когда, пожалуй, никто не заинтересован в том, чтобы раскрыть все секреты.

Палестинские боевые организации по понятным причинам не хотят рассказывать о том, как они убивали безоружных людей, немецкая полиция изо всех сил пытается скрыть позорный провал, а израильтяне не намерены раскрывать секреты сложнейшей операции возмездия.

Известный американский кинорежиссер Стивен Спилберг вспомнил об этой истории после терактов

.....

одиннадцатого сентября, когда перед Соединенными Штатами встал тот же вопрос: как ответить на террор? Его заинтересовали чувства, мысли и мотивы израильтян, которые решили отомстить убийцам.

— Мучительные сомнения относительно того, что они делают, — сказал Стивен Спилберг, — поучительны для нас сегодня.

Тем не менее за многие годы, прошедшие после мюнхенской трагедии, многое стало известным. Настало время рассказать эту историю во всех известных мне подробностях.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

.....

ЗАХВАТ

В три часа дня 26 августа 1972 года греческие спортсмены под гром аплодисментов вступили на залитый солнцем новенький Олимпийский стадион в Мюнхене. Появление греческих спортсменов символизировало начало XX летних Олимпийских игр. Пять тысяч голубей взмыли в воздух. Шестьдесят человек в баварских национальных костюмах выстрелили в воздух из антикварных пистолетов, возвещая о появлении олимпийского огня, доставленного из столицы древних Олимпиад.

Одна команда за другой проходили перед воодушевленными зрителями. Они съехались со всего мира и восторженно приветствовали своих любимцев национальными флагами.

Организаторы Олимпийских игр надеялись, что они укрепят репутацию Федеративной Республики Германии как демократической и свободной страны, не имеющей ничего общего с нацистским государством. Западные немцы всеми силами старались доказать, что Германия изменилась. Немецкие власти искренне желали, чтобы в них перестали видеть наследников Гитлера, чтобы спортсмены и гости со всего мира наслаждались жизнью в баварской столице.

МЮНХЕН, АВГУСТ 1936 ГОДА

Все дело в том, что в 1936 году и зимние, и летние Олимпийские игры проходили в Германии, где у власти уже три года находились национальные социалисты Адольфа Гитлера. Эти игры оставили тягостное впечатление.

Во время зимних Олимпийских игр 1936 года, которые проходили с 6 по 16 февраля в Гармиш-Партенкирхене, нацисты приняли экстраординарные меры безопасности. С улиц убирали потенциальных противников режима, чтобы они ничего не рассказывали иностранцам. Полиция, гестапо, эсэсовская служба безопасности заранее арестовали одиннадцать с лишним тысяч человек, подозревавшихся в симпатиях к социализму и коммунизму.

Повсюду можно было видеть эсэсовцев в зловещих черных мундирах. На игры перебросили «Лейб-штандарт Адольф Гитлер» — полк дворцовой охраны фюрера, сформированный в 1933 году. Полком командовал Зепп Дитрих, который получал указания непосредственно от фюрера.

В Берлине опасались покушения на Гитлера.

Убийство в Марселе югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Луи Барту 9 октября 1934 года повергло охрану Гитлера в панику. В Берлине спецслужбам и полиции показывали документальный фильм о покушении, чтобы все увидели, как может быть организовано такое преступление. Больше всего боялись выстрелов из толпы, а также из окон верхних этажей, с балконов и крыш.

Все местные начальники полиции и службы безопасности получили строгое указание в случае теракта не дать толпе линчевать террористов, а им самим не позволить совершить самоубийство, чтобы нацистские

власти получили возможность их допросить и выяснить, кто устроил заговор.

6 февраля, в день открытия Олимпиады, личный поезд Гитлера прибыл из Мюнхена на станцию Кайнзенбад в начале одиннадцатого утра. Его встречали имперский министр внутренних дел Вильгельм Фрик, военный министр генерал-полковник Вернер фон Бломберг, гауляйтер Верхней Баварии и баварский министр внутренних дел Адольф Вагнер, имперский руководитель спорта группенфюрер СА Ганс фон Чаммер унд Остен.

Гитлер обошел почетный караул и отправился на лыжный стадион. Охраны было много, некоторых ээсовцев поставили на лыжи. На зимней Олимпиаде фюрер побывал всего несколько раз. Зато игры летней Олимпиады, которая проходила в Берлине с 1 по 16 августа, Гитлер посещал практически ежедневно.

«Олимпиада, которая вскоре заканчивается, отвратительна мне вдвойне, — записал в дневнике дрезденский профессор Виктор Клемперер. — Во-первых, как безумная переоценка спорта как такового. Честь народа тут зависит от того, прыгнет ли соотечественник на десять сантиметров выше, чем другие.

Кстати, выше всех прыгнул негр из США, а серебряную медаль за фехтование выиграла для Германии еврейка Хелена Майер (я не знаю, в чем больше бесстыдства — в ее выступлении за третий рейх или в том, что ее выступление было засчитано как успех третьего рейха)...

Мне ненавистна Олимпиада еще и потому, что это вовсе не спортивное — я имею в виду у нас, но целиком и полностью политическое мероприятие. Народу и иностранцам непрерывно внушается, что они видят здесь подъем, расцвет, новый патриотический дух, единство, крепость и величие третьего рейха».

Темнокожий американец Джесси Оуэнс завоевал на берлинской Олимпиаде четыре золотые медали — три в беге и одну за прыжок. Гитлер, который надеялся, что игры в Берлине продемонстрируют физическое превосходство арийцев, был настолько раздражен, что на церемонии награждения отказался пожать американцу руку.

Через много лет после войны возникла идея назвать в память Джесси Оуэнса одну из улиц в Западном Берлине, например, проспект, ведущий к стадиону. Это предложение много раз ставилось перед властями города. Всякий раз находилась вежливый предлог для отказа. Основной причиной было правило: должно пройти не меньше пяти лет после смерти человека, в чью честь хотят назвать улицу.

Джесси Оуэнс как мог шел навстречу берлинским бюрократам. Он умер от рака легких в возрасте шестидесяти шести лет. Сменилось несколько правящих бургомистров Западного Берлина, пока идея наконец не реализовалась.

В 1984 году, накануне Олимпиады в Лос-Анджелесе, решение было принято. На торжественной церемонии 11 марта выступал президент Национального олимпийского комитета ФРГ Вилли Дауме. Он объяснил, что неправильно считать, будто Гитлер отказался пожать руку темнокожему американскому спортсмену.

— На самом деле, — рассказал Вилли Дауме, — до этого Гитлер пожал руку немецкой спортсменке, и глава Международного олимпийского комитета поправил фюрера, напомнив, что рукопожатие противоречит олимпийским традициям. Гитлер прислушался к его словам, поэтому и не пожал руку темнокожему американцу. Вот и все. Как видите, никакого расизма, просто соблюдение традиций.

Словам Вилли Дауме поверили только те, кто не читал воспоминаний руководителя гитлерюгенда рейхс-лейтера Бальдура фон Шираха:

«Звездой Олимпиады 1936 года стал спринтер Джесси Оуэнс, цветной американец. Когда Гитлер приезжал на стадион, он сам поздравлял победителей. Когда Джесси Оуэнс выиграл забег на сто метров, Гитлер сказал:

— Это позор для американцев, что они отправляют негров выиграть им медали. Я этому негру руки не подам.

И напрасно имперский руководитель спорта Ганс фон Чаммер унд Остен уговаривал фюрера все-таки поздравить героя Олимпийских игр...»

Что же заставило Вилли Дауме изложить выгодную для Гитлера версию тех событий? Может быть, его собственный партийный билет? Будущий президент Олимпийского комитета ФРГ Дауме тоже состоял в нацистской партии. Ему вручили партбилет № 6098980.

МЮНХЕН, АВГУСТ 1972 ГОДА

Берлин в 1936 году был разукрашен свастиками и красными нацистскими знаменами. Мюнхен в 1972-м расписали в мягких пастельных тонах. Открытие и закрытие Олимпиады 1936 года сопровождалось орудийным салютом, барабанной дробью и маршами. Присутствовал Адольф Гитлер.

Теперь весь мир должен был увидеть новую, преобразившуюся Германию, не имеющую ничего общего с мрачным тоталитарным прошлым. С самого начала организаторы решили, что служба безопасности не должна быть заметной, ее главная забота — безбилетники и пьяные.

.....

Мюнхенская Олимпиада превратилась в сплошной праздник, феерию, заполненную музыкой и уличными представлениями. Люди, не имеющие никаких документов, легко проникали внутрь Олимпийской деревни. После ночных развлечений в соседних пивных молодые спортсмены легко преодолевали двухметровую проволочную ограду, личным примером демонстрируя преимущества занятий спортом. Дежурившие в деревне полицейские в штатском делали вид, что ничего не замечают.

В самом начале игр несколько сотен молодых маоистов устроили демонстрацию в Олимпийском парке. Охрана не стала разгонять их силой. Напротив, юношам и девушкам раздавали пирожные. Маоисты не выдержали предупредительно-вежливого приема и разошлись.

Ганс-Йохен Фогель, обер-бургомистр Мюнхена, много сделавший для того, чтобы добиться права провести Игры в своем городе, не видел ничего дурного в том, чтобы сделать Олимпийскую деревню доступной всем желающим. Он хотел превратить игры в праздник всего города.

Фогель был солдатом вермахта, после войны изучал в Мюнхене право, работал в баварском министерстве юстиции, был судьей Мюнхена. Двенадцать лет он руководил городом и возглавлял социал-демократов Баварии. Правящий в Баварии христианско-социальный союз ненавидел социал-демократа Фогеля.

«Фогель, — писал о нем Штраус, — напоминает карьериста-отличника, свысока взирающего на своих менее прилежных одноклассников. Своими поучениями и притязаниями на всезнайство он действует на нервы прежде всего собственным товарищам по партии».

Но Штраус и его соратники напрасно злились. Фогель вновь и вновь завоевывал симпатии избирателей, ценивших его заботу о родном городе.

В Мюнхен прибыли две тысячи тележурналистов и четыре тысячи корреспондентов, представлявших газеты, журналы и радиостанции. Примерно миллиард телезрителей больше чем в ста странах наблюдали за играми. Появление спутников связи превратило Олимпиаду в главное мировое событие.

Приезд израильской команды был еще одним свидетельством расчета с прошлым. В Мюнхен прибыла самая большая израильская команда за все время участия еврейского государства в Олимпийских играх; приехали в том числе и бывшие узники концлагерей.

— Организаторы заботились о том, чтобы сама атмосфера заставляла нас почувствовать — Германия стала другой, — вспоминал руководитель израильской команды Шмуэль Лалкин. — Это были открытые, свободные Игры.

Не всем израильтянам легко далось решение приехать в Германию.

Первый канцлер Федеративной Республики Конрад Аденауэр считал своим долгом установить отношения с еврейским государством. Его поддерживали все крупные западногерманские политики.

Но еврейское государство с трудом пошло на восстановление отношений с ФРГ. Многие отвергали даже идею получения репараций из Западной Германии. Когда в 1952 году кнессет принимал это решение, будущий премьер-министр Израиля Менахем Бегин кричал с трибуны:

— Возможно, это моя последняя речь в кнессете. Но есть вещи поважнее, чем жизнь. Не будет переговоров с Германией! Люди выходили на баррикады и по меньшим поводам!

Сторонники Менахема Бегина организовали в Иерусалиме демонстрацию. Они пробились через полицейский кордон и разбили стекла в здании кнессета. Но большинство депутатов все-таки проголосовало за установление отношений с ФРГ.

После войны социалистическая Восточная Германия наотрез отказалась принять на себя часть моральной вины за уничтожение гитлеровским режимом шести миллионов евреев и не стала платить уцелевшим узникам гетто и концлагерей компенсацию за отобранное у них имущество.

ГДР не считала себя наследником рейха, с какой стати отмаливать чужие грехи и платить по чужим векселям? В ФРГ придерживались иной точки зрения.

— Федеральное правительство, — говорил канцлер Конрад Аденауэр, — считает моральным долгом и делом чести немецкого народа сделать все возможное для того, чтобы загладить несправедливости, допущенные по отношению к еврейскому народу.

14 марта 1960 года, прилетев в Нью-Йорк, канцлер Аденауэр встретился в гостинице «Уолдорф-Астория» с премьер-министром Бен-Гурионом. Немецкий канцлер сказал:

— Я всегда внимательно и с глубоким внутренним сочувствием следил за развитием Израиля. Я не могу не выразить своего большого восхищения тем, что там достигнуто, восхищения вашим мужеством, силой и целеустремленностью. Я и в дальнейшем с прежним внутренним сочувствием буду следить за судьбой Израиля.

Израильский премьер не остался в долгу. Он отметил то, что считал главным:

— Я встречался в разное время с немцами, которые не были вашими сторонниками и не одобряли вашу политику. Но все они в один голос говорили, что ваша позиция в отношении евреев определяется вашей совестью. Я ценю такое отношение гораздо выше чисто материальной помощи. Мужественное признание моральной ответственности германского народа за преступления национальных социалистов для меня важнее чисто материального аспекта.

Давид Бен-Гурион заговорил об огромном ущербе, нанесенном национально-социалистической Германией еврейскому народу. Подобной трагедии не было в истории. С исторической точки зрения был нанесен смертельный удар по многовековому стремлению еврейского народа создать свое государство. Гитлер почти разрушил израильское государство, которое всегда жило в сердцах и душах евреев и было, таким образом, его духовным наследством. Европейские евреи были теми, кто обладал столь необходимыми для создания такого государства широтой кругозора, способностями, идеализмом, знаниями и готовностью идти на жертвы. Еврейский народ не согнется под этим ударом судьбы, сказал Бен-Гурион, но стоящие перед Израилем задачи чрезвычайно сложны, так как не хватает людей, которые могли бы строить государство.

— Я готов сделать все возможное для помощи Израилю, — ответил Конрад Аденауэр. — Мы поможем. Это будет сделано не только из чувства долга, но и по соображениям политического разума. Развитие Израиля — в интересах свободного мира. Словом, Федеративная Республика не оставит Израиль в беде...

В Восточной Германии всех, кроме военных преступников, быстро простили. Москва даже распорядилась создать национально-демократическую партию Германии, куда приглашались бывшие члены нацистской партии.

В Западной Германии началась долгая и мучительная очистительная работа, избавление от мифов о расовом и национальном превосходстве. Известный западногерманский публицист Берндт Энгельман написал книгу «Германия без евреев». В названии родной страны он пропустил первую гласную, чтобы графически передать главную мысль: без евреев, которые прожили на немецкой земле столько веков и внесли

.....

весомый вклад в ее развитие, в ее культуру и литературу, понятие Германии не полно.

Министр обороны ФРГ Франц-Йозеф Штраус — один из самых известных немецких политиков — тайно принял у себя израильских гостей. Это были генеральный секретарь Министерства обороны Шимон Перес, будущий премьер-министр, и командующий бронетанковыми войсками генерал Хаим Ласков, будущий начальник генштаба. Встреча держалась в секрете. Штраус вел себя с израильтянами подчеркнуто уважительно.

Израилю нужны были транспортные самолеты, вертолеты, артиллерия и противотанковые ракеты. Бундесвер еще только создавался, и его запасы были невелики, но министр Штраус считал, что ФРГ обязана помочь Израилю. Оружие взяли со складов бундесвера. На самолетах и вертолетах без опознавательных знаков его перебросили на территорию Франции, а оттуда морским путем перевезли из Марселя в Израиль. Эта операция оставалась секретом семь лет. Для отвода глаз Министерство обороны ФРГ даже сообщило в полицию, что некоторое количество оружия исчезло, видимо, было украдено...

Даже Райнхард Гелен, руководитель западногерманской разведки, говорил, что немцы в долгу перед евреями и нужно помочь Израилю выжить. Гелен хотел наладить рабочие контакты с Моссад, но в Израиле никак не могли решить, откликаться ли на предложение бывшего гитлеровского генерала и в какой степени можно сотрудничать с немцами?

Израильский спортсмен Генри Гершкович, занимавшийся стрельбой, гордился тем, что евреи смогли вернуться в Германию, на Олимпиаду, под собственным флагом. Присутствие израильской команды означало, что нацисты, уничтожив шесть миллионов евреев, не убили дух еврейского народа.

Гершковичу доверили нести флаг Израиля на церемонии открытия Игр. Он признался потом, что ожидал чего-то ужасного. В ночных кошмарах ему виделась такая картина: он несет флаг Израиля, и в него стреляют...

Эстер Рот шла вслед за Гершковичем. Позднее она вспоминала открытие Олимпийских игр как фантастический по размаху праздник, как мечту, ставшую реальностью:

— Это необычное чувство — идти под израильским флагом. Во многих странах есть евреи. Они смотрят на тебя с симпатией. Ты словно представляешь и их тоже.

Но некоторым евреям было в Западной Германии не по себе. Они не в силах были забыть нацизм. Тем более что концлагерь Дахау находился совсем рядом с Мюнхеном.

— Вся моя семья погибла в Германии, — говорил тренер по тяжелой атлетике Тувия Соколовский. — Я один выжил. Приехав в Германию, я испытывал ужасные чувства. В каждом взрослом немце я видел убийц моих родителей.

Успехи небольшой израильской команды на Олимпиаде были невелики. Большинство израильских спортсменов не могли дожидаться, когда они наконец вернуться домой.

Олимпийские игры, казалось, доказывали, что спорт — выше политических барьеров, что спорт объединяет политических противников. Конфронтация между Западом и Востоком словно осталась за пределами олимпийского Мюнхена. Зрители с равным воодушевлением восторгались успехами советских спортсменов Ольги Корбут, Валерия Борзова и американца Марка Спитца.

Американцы и европейцы с волнением и симпатией смотрели на то, как, упав с брусьев, Ольга Корбут расплакалась на глазах у всего мира. А когда она

.....

в последний день состязаний закончила свое триумфальное выступление, зал взревел от восторга, и судьи дали ей максимальные десять очков.

— Я не верю своим глазам! — говорил в прямом эфире потрясенный американский комментатор. — Дайте ей одиннадцать очков!

Абсолютной чемпионкой Олимпийских игр стала Людмила Турищева, но любимицей была юная Ольга Корбут, публика оценила ее эмоциональность и непосредственность.

Ольга Корбут станет четырехкратной олимпийской чемпионкой. В конце 80-х она уедет в Америку, где расскажет, что советские тренеры использовали гимнасток как секс-рабынь и Мюнхен был для нее сплошным кошмаром...

МЮНХЕН, МАЙ 1972 ГОДА

Советские руководители превратили Олимпиаду в пропагандистскую площадку, где следовало доказать все преимущества социализма. За два года до Олимпиады, 18 ноября 1970 года, было принято постановление Секретариата ЦК КПСС об информационно-пропагандистской работе в связи с Играми в Мюнхене.

Наибольшую активность проявляло агентство печати «Новости». За несколько месяцев до Олимпиады председатель АПН Иван Иванович Удальцов обратился в ЦК:

«Для координации соответствующей работы в АПН создана пропагандистская группа по вопросам Олимпийских игр и разработан конкретный план мероприятий.

Агентство печати «Новости» исходит из того, что Олимпийские игры будут сопровождаться обострением идеологической борьбы в ФРГ, ростом реваншистских и националистических настроений, под-

стрекательской деятельностью антикоммунистических радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», активностью левацких организаций прокитайского толка...

Благодаря проведению Игр в Европе, в частности в ФРГ, создаются возможности для широкого освещения завоеваний социализма и советского образа жизни через показ достижений нашего спорта и всей системы физической культуры в нашей стране. Наряду с активной пропагандой решений XXIV съезда КПСС и 50-летия Советского государства первостепенное значение приобретает разъяснение Программы мира и идей европейской безопасности и сотрудничества».

Удальцов просил включить троих работников АПН в состав политгруппы советской делегации на Олимпиаде. В отделе пропаганды согласились на одного — главного редактора главной редакции Западной Европы АПН Владимира Борисовича Ломейко.

Советских спортивных чиновников интересовали чисто практические вопросы. Товарищи из братской ГДР, уже побывавшие в Мюнхене, рассказывали, что западные немцы предупредительны и тактичны, решают все вопросы. Но уже известно, что будут введены ограничения на ввоз некоторых товаров, прежде всего мяса и колбас. Это был неприятный сюрприз для советских чиновников, которые, отправляясь в заграничную командировку, запасались копченой колбасой и консервами, чтобы не тратить драгоценную валюту на еду.

В двадцатых числах мая в Мюнхене находилась делегация во главе с председателем Спорткомитета СССР Сергеем Павловичем Павловым; с ним поехали два чиновника из его ведомства и высокопоставленный сотрудник КГБ. Вернувшись, Павлов отчитался перед ЦК КПСС.

Прежде всего советскую делегацию интересовало, как будет обеспечена безопасность спортсменов. Террористов не опасались. Беспокоило «повышение ак-

тивности неонацистских, реваншистских и эмигрантских организаций в Мюнхене», прежде всего эмигрантского Народно-трудового союза (НТС).

КГБ докладывал в ЦК КПСС:

«Во время проведения Олимпийских игр в Мюнхене НТС планирует проведение ряда враждебных акций по отношению к советским спортсменам и туристам.

Так, например, НТС примет активное участие в создании так называемого «пресс-бюро», целью которого является распространение антисоветской литературы среди спортсменов стран социалистического лагеря...»

Несмотря на тревожные предупреждения Комитета госбезопасности, советских гостей в Мюнхене встречали более чем благожелательно.

В 1970 году в Федеративной Республике Германии пришло к власти правительство, сформированное социал-демократами и свободными демократами. Правые, христианские демократы, потеряли власть впервые за все послевоенное время.

Новое правительство возглавил социал-демократ Вилли Брандт. В отличие от своих предшественников на посту канцлера Брандт был известным антифашистом и сторонником налаживания отношений с социалистическими странами.

12 августа 1970 года в Москве канцлер Федеративной Республики Германии Вилли Брандт и глава Советского правительства Алексей Николаевич Косыгин подписали договор, в котором признали нерушимость послевоенных границ и договорились решать спорные вопросы только мирным путем.

Послевоенная Европа жила в страхе перед советскими танками. Московский договор, подписанный Брандтом, успокоил западных европейцев. Но у Брандта возникли трудности, ему не хватало голосов для ратификации московского договора в бундестаге. Договор прошел только благодаря тому, что один депутат

от оппозиции все-таки проголосовал «за». Утверждают, что он был подкуплен.

25 мая 1972 года в гостиницу, где остановилась советская делегация, приехал министр внутренних дел ФРГ Ганс Дитрих Геншер, которому суждено будет сыграть важнейшую роль в трагических событиях во время Олимпиады. Ради встречи с советской делегацией Геншер специально прилетел из Бонна.

— Мы сумели пройти весьма сложный рубикон, — говорил Геншер. — Я не переоцениваю роли ФРГ, но убежден, что ратификация послужит важным средством разрядки напряженности в Европе. Главное, что нам удалось убедить большинство населения в важности и необходимости ратификации. Я даже Штрауса и его людей уговорил не голосовать против договоров и летал между ними, как голубь мира...

Президент организационного комитета XX Олимпийских игр в Мюнхене Вилли Дауме, беседуя с советскими гостями, вторил министру внутренних дел:

— Два народа после сурового прошлого смогут теперь договориться между собой.

Более того, Вилли Дауме заверил Сергея Павлова, что Национальный олимпийский комитет ФРГ поддержит проведение летних Игр 1980 года в Москве. Советский Союз боролся за это право, и каждый голос был важен.

Летние Олимпийские игры в Мюнхене проводились с большим размахом. Западные немцы не пожалели денег, чтобы принять гостей со всего мира. И к ним приехало больше спортсменов, чем на любые предыдущие игры, — семь тысяч сто семьдесят три спортсмена из ста двадцати одной страны.

Город преобразился.

Центр старого Мюнхена реконструировали в авангардистском стиле, построили новые гостиницы и колоссальный спортивный комплекс. На олимпийском стадионе следить за состязаниями могли восемьдесят

.....

тысяч зрителей. Появился бассейн на десять тысяч зрительских мест, велотрек — на тринадцать тысяч, Дворец спорта — на пятнадцать тысяч.

Западные немцы ко всему подошли со свойственной им тщательностью и пунктуальностью, оснастив спортивный комплекс новейшими достижениями современной техники — электронные табло, компьютеры, фотофиниши с лазерным лучом. Словом, немцы подумали обо всем. И все предусмотрели. Кроме возможности теракта.

Предполагалось, что спортсмены и гости XX летней Олимпиады будут наслаждаться каждым днем. Так и было первые десять дней, пока не разразилась катастрофа.

Израильские специалисты в области безопасности тоже приезжали в Мюнхен, у них были свои рекомендации, но хозяева твердо сказали гостям, что обо всем позаботятся сами.

В реальности остановить террористов оказалось некому.

Олимпийскую деревню обнесли двухметровым сеточным забором. Но полицейским в форме вход в деревню был категорически запрещен. Чтобы исключить любые ассоциации с нацистским прошлым, две тысячи охранников одели в светло-голубую униформу и отправили очаровывать мир, вооружив только переговорными устройствами. Еще две тысячи полицейских в штатском были выделены для охраны порядка во время соревнований. Стражам порядка наказали мягко относиться к болельщикам и охотникам за автографами, стремившимся проникнуть в Олимпийскую деревню.

Западные немцы ограничились чисто символической охраной Олимпийской деревни, стараясь, чтобы ничто не напоминало об Олимпиаде 1936 года.

Некоторые историки, занимающиеся спецслужбами, считают, что Министерство государственной безо-

пасности ГДР располагало сведениями о готовившейся палестинцами акции.

Олимпийская деревня была открыта задолго до начала Игр, и всякий мог ее внимательно изучить. Каждому посетителю были доступны и зоны, взятые позже под охрану. Кого могла заинтересовать система охраны деревни? Кому нужен был политический провал мюнхенских игр?

ВОСТОЧНЫЙ БЕРЛИН, ВЕСНА 1972 ГОДА

Через несколько лет после Второй мировой войны на немецкой земле появились два государства — ФРГ и ГДР. Каждое считало себя единственным подлинным представителем немецкого народа. Долгое время они не признавали друг друга. Всегда жестко конкурировали.

Выбор Мюнхена на роль столицы летних Олимпийских игр был ударом для Восточной Германии. Руководители ГДР любой успех Западной Германии воспринимали как личную неудачу.

Необходимость соблюдать солидарность с братским социалистическим государством поставила Советский Союз в трудное положение. ГДР требовала ни в коем случае не голосовать за Мюнхен. Советская делегация в Международном олимпийском комитете оказалась в безвыходной ситуации (см. книгу М. Прозуменщикова «Большой спорт и большая политика»).

Выбирать предстояло между Мадридом и Мюнхеном. В Испании еще правил каудильо Франко. Советский Союз не имел дипломатических отношений с Испанией, которая была объектом постоянной критики советской печати. Тем не менее советская делегация получила указание голосовать за Мадрид!

Но поскольку и во всем мире Испания воспринималась как диктатура, большинство членов Международного олимпийского комитета, собравшись весной 1966 года в Риме, выбрали все-таки Мюнхен. В Восточном Берлине были возмущены. До самого начала Олимпиады ГДР вела пропагандистскую войну против Игр в Мюнхене и требовала того же от Советского Союза.

Но тут уже у советских товарищей закрались подозрения — не произойдет ли некое сближение западных и восточных немцев на спортивной основе? Не ослабили ли друзья из ГДР накал антиимпериалистической борьбы ради налаживания отношений с западными немцами?

Ни советские, ни восточногерманские чиновники не желали говорить откровенно, но и не упускали случая упрекнуть друг друга.

В апреле 1972 года один из руководителей советского спорткомитета приехал в Берлин. Его приняли руководители двух отделов ЦК Социалистической единой партии Германии — спортивного и внешнеполитической информации. Присутствовал и советник посольства Юрий Жаров. Запись беседы из министерства иностранных дел переслали в отдел пропаганды ЦК КПСС.

Восточногерманские аппаратчики не без сожаления говорили, что ситуация в ФРГ изменилась:

«В связи с проведением новой восточной политики Бонну удалось в определенной степени избавиться от роли «нарушителя спокойствия» в Европе и найти сторонников своей политики за рубежом. В то же время западная пропаганда стремится представить ГДР в качестве фактора, тормозящего достижение разрядки напряженности в Европе.

Гибкая политика Брандта затрудняет ее критику и разоблачение, хотя совершенно очевидно, что она на-

правлена на подрыв стабильного внутривнутриполитического развития ГДР».

Партийные чиновники признавались, что стало трудно критиковать Западную Германию. Они предложили атаковать ФРГ за то, что она выделила огромные средства на подготовку Олимпиады:

«В этом проявляется стремление определенных кругов показать Западную Германию «великой державой»; «мерилом», на которое должны равняться другие страны. «Гигантомания Бонна» находит осуждение во многих странах Азии и Африки (Индия, Бангладеш и др.), которые справедливо считают эту помпезность излишней и ненужной в то время, когда их народы голодают».

Но эта идея не нашла отклика у советских руководителей. Они сами надеялись в 1980 году принять Олимпиаду в Москве и не собирались экономить.

В советское посольство в Берлине приехал президент Спортивно-гимнастического союза ГДР Манфред Эвальд. Советник посольства Юрий Жаров опять же записал беседу, и она тоже отправилась в отдел пропаганды ЦК:

«Сложилось впечатление, говорил Эвальд, что советские товарищи считают, что ГДР недостаточно активно ведет пропагандистскую кампанию против попыток определенных кругов в ФРГ злоупотребить подготовкой и проведением летней Олимпиады в Мюнхене.

Эвальд отметил, что подобная оценка их деятельности не соответствует действительности. Спортивно-гимнастический союз в своих публикациях отводит большое место материалам, разоблачающим стремление реакционных кругов ФРГ использовать Олимпиаду в своих националистических целях. Так, газета «Спорт-эхо» печатает материалы на эту тему в среднем два раза в неделю...

Союз издал ряд брошюр, в которых подробно анализируется политическая обстановка вокруг Олимпиады-72, в том числе «Реваншизм и спорт», «Национализм и спорт», «Мюнхен-1972. Игры, решающие судьбы»...

М. Эвальд сказал, что они глубоко признательны Советскому Союзу за поддержку ГДР в борьбе за укрепление ее позиций на международной спортивной арене и поэтому он не хотел бы, чтобы у советских коллег было мнение, что ГДР как-то отходит от общей линии.

Национальный олимпийский комитет ГДР выступил с официальным заявлением в адрес МОК, Организационного комитета и НОК ФРГ, в котором разоблачает деятельность реакционных кругов ФРГ и требует гарантировать соблюдение олимпийских правил и принципов и безопасность участников Олимпиады. Это заявление, отметил М. Эвальд, также является свидетельством солидарности ГДР с Советским Союзом и другими социалистическими странами».

В свою очередь главный спортивный функционер ГДР выставил свои претензии советским товарищам. Договорились не устраивать выставок, посвященных мюнхенской Олимпиаде, в социалистических странах. Вдруг восточные немцы узнают, что в Москву приехал обер-бургомистр Мюнхена Ганс-Йохен Фогель открывать выставку.

«Разумеется, — сказал М. Эвальд, — политическая обстановка меняется, меняются в соответствии с ней и принятые решения и планы. Но хотелось бы, чтобы советские товарищи учитывали, что ГДР находится в необыкновенно трудных условиях, на нее оказывается наиболее сильное давление западной пропаганды, поскольку население ГДР имеет возможность получать любую информацию с Запада по телевидению и радио.

Поэтому для нас, — подчеркнул М. Эвальд, — чрезвычайно важно своевременно получать информацию об изменениях в планах и решениях, с тем чтобы занять правильную позицию и провести разъяснительную работу среди населения».

Политическое руководство ГДР поставило перед спортсменами задачу любыми средствами обогнать команду ФРГ и тем самым доказать преимущества социализма.

«Не столь важно, какое место займет ГДР, — говорил Эвальд сотрудникам советского посольства, — главное — она должна быть впереди ФРГ. Для ГДР это вопрос международного престижа. Спорт — это составная часть политики, и спортивные результаты — это определенный политический выигрыш или проигрыш. Именно с этой точки зрения население ГДР будет оценивать и спортивное соперничество между СССР и США».

Руководство ГДР своего добилося. На Играх в Мюнхене команда ГДР обогнала команду ФРГ и заняла третье место. Фантастические результаты показали спортсменки из Восточной Германии. Правда, со временем стало известно, что своими феноменальными успехами они были обязаны спортивным врачам, пичкавшим их сильнейшими стероидами.

Но до начала Олимпиады руководители Восточной Германии еще не были уверены в своем успехе.

Если в интересах ГДР было сорвать любое международное мероприятие, проводимое западными немцами, то возникает вопрос: не помогла ли восточногерманская разведка палестинцам? Не снабдила ли их чертежами и картами Олимпийской деревни? Не объяснила ли, как удобнее туда проникнуть?

Версия о причастности ГДР к теракту в Мюнхене весьма популярна среди некоторых историков.

Разведка ГДР располагала огромными возможностями в Западной Германии. Главным разведывательным управлением руководил генерал Маркус Вольф.

Отец Маркуса, известный драматург и врач Фридрих Вольф, еврей по происхождению и коммунист по политическим убеждениям, бежал из нацистской Германии в Советский Союз. Здесь и росли двое его сыновей. Конрад, который станет со временем кинорежиссером и президентом Академии художеств ГДР, и Маркус, которого в России называли просто Мишей.

Подававшего надежды юного Маркуса Вольфа приметил лидер немецких коммунистов Вальтер Ульбрихт, которого приблизил Сталин и который поэтому избежал внимания НКВД. В 1945 году Ульбрихт взял Вольфа с собой в Берлин, освобожденный советскими войсками.

Сначала Вольф писал репортажи с Нюрнбергского процесса над нацистскими военными преступниками. Затем партия назначила его работать на берлинское радио, где он сочинял политические комментарии под псевдонимом и одновременно был ответственным редактором главных политических передач.

Он наладил прочные связи среди советских военных. И с улыбкой превосходства он говорил старым друзьям-коммунистам:

— Есть инстанции поважнее вашего Центрального Комитета.

Вольф нравился советским военачальникам и потому некоторое время работал советником посольства ГДР в СССР. В 1951 году его перевели в так называемый Институт научно-экономических исследований, который был зародышем разведывательной службы ГДР. Вскоре молодой Маркус Вольф стал руководителем восточногерманской разведки.

Маркус Вольф жил не в поселке для руководителей министерства госбезопасности, а в отдельном домике возле лесного озера, крытом белым шифером. Это было тихое местечко, и высокий мускулистый генерал, который носил джинсы и черную майку, мог наблюдать за забавной игрой белок, нисколько не стеснявшихся начальника разведки.

Мастер шпионажа из ГДР не давал покоя западным немцам, потому что неумоимо засылал в Западную Германию все новых и новых агентов. Сотрудники Министерства госбезопасности ГДР легко проникали на территорию Федеративной Республики с мастерски изготовленными фальшивыми западногерманскими документами.

На последнем этаже главного здания МГБ в Восточном Берлине каждую неделю изготавливали несколько западногерманских паспортов, которые легко проходили любую проверку.

Из специальной типографии в больших бумажных мешках в разведку поступали новенькие незаполненные бланки паспортов, неотличимые от настоящих западногерманских. На бланках уже были напечатаны регистрационные номера — иногда фиктивные, иногда реальные, повторяющие номера паспортов граждан ФРГ, побывавших в какой-нибудь социалистической стране.

В качестве образца использовались диапозитивы тайно сфотографированных подлинных западногерманских паспортов. Чаще всего фотокопии поступали от венгерской госбезопасности, которая щедро делилась с товарищами в Восточном Берлине.

Западные немцы с удовольствием приезжали в Венгрию отдохнуть. Сотрудники венгерской контрразведки вечером собирали по гостиницам документы туристов и ночью переснимали каждую страницу с помощью импортной аппаратуры. Правда, западногерманские туристы были недовольны тем, что у них

.....

всегда забирают паспорта в венгерских гостиницах. Они же не знали, что удостоены высокой чести внести свой вклад в защиту национальной безопасности первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян.

В распоряжении лаборатории МГБ были все марки западногерманских шариковых ручек, все виды чернил и фломастеров, все печати, все телефонные и адресные книги Западной Германии. Когда паспорта стали оформляться с помощью пишущих устройств, лаборатория МГБ получила в свое распоряжение замечательный импортный компьютер с принтером, который воспроизводил любой шрифт.

Восточные немцы не упускали случая сделать гадость Западной Германии.

В Министерстве госбезопасности держали наготове весь сумасбродный арсенал спецслужб — профессиональных убийц, отравителей, специалистов по несчастным случаям и похищениям. Перебежчики из ГДР получали время от времени зловещее предупреждение: «Мы найдем тебя везде».

Агенты МГБ ГДР распространяли на территории Западной Германии, там, где было много иностранных рабочих, листовки с призывами выгонять иностранцев. Делали это от имени реально существовавшей неонацистской организации.

Во время суда в Иерусалиме над нацистским преступником Адольфом Эйхманом, которого агенты Моссад нашли в Аргентине и вывезли в Израиль, агенты МГБ распространяли листовки, в которых говорилось, что процесс — «козни мирового еврейства». Руководители восточногерманской госбезопасности хотели показать, что в ФРГ поднимают голову неонацисты, и тем самым скомпрометировать Западную Германию в глазах мирового сообщества...

Если учесть, что Министерство госбезопасности ГДР помогало палестинским боевым организациям,

то понятны подозрения многих исследователей: не причастны ли восточные немцы к трагедии в Мюнхене?

Документы на сей счет не найдены. Напротив, есть сведения о том, что в последний момент восточные немцы даже предупреждали Израиль и Федеративную Республику о возможности теракта во время Олимпиады. Руководители ГДР больше хотели победить на Олимпиаде, чем сорвать ее.

Но предупреждение было сделано в столь общей форме, что офицер безопасности в израильском посольстве оставил информацию без последствий.

Западногерманская контрразведка переадресовала предупреждение баварской полиции. Специальным письмом 21 августа 1972 года Федеральное ведомство по защите конституции предупредило полицию, что палестинцы что-то замышляют именно в Мюнхене.

Интерпол накануне Игр тоже предупредил западногерманскую полицию о подозрительной активности террористов в Европе. Последнее предупреждение прозвучало в понедельник, 4 сентября. Западных немцев информировали, что на их территорию въехала еще одна группа террористов.

Родственники погибших в Мюнхене спортсменов утверждают, что западногерманская разведка между 21 августа и 2 сентября получила как минимум три предупреждения о приезде в страну палестинских боевиков. У немецких властей были все основания позаботиться о безопасности. За предшествующие Олимпиаде десять месяцев «Черный сентябрь» провел пять операций в Западной Европе, из них три — в Западной Германии.

Но в Бонне и Мюнхене куда больше опасались собственных террористов-леваков.

Председателю советского Комитета по физической культуре и спорту Сергею Павлову министр внутренних дел ФРГ Ганс Дитрих Геншер говорил:

— Западная Германия переживает сейчас сложный период, его усугубляют участившиеся в последнее время террористические акты. Еще не ясно окончательно, какие силы стоят за спиной экстремистов. Нас весьма приятно удивило, что Германская компартия отмежевалась от террористов и изъявила готовность принять участие в их выявлении. Это очень важно, ибо бандиты прикрываются революционной терминологией.

Сергей Павлов пересказал его слова председателю Германской компартии Курту Бахману. Главный западногерманский коммунист сказал, что немедленно информирует об этом правление партии, и горячо поблагодарил советского гостя:

— Ваше сообщение — это и есть проявление пролетарской помощи и интернационализма на практике.

Разговаривая с Павловым один на один, Геншер убеждал советского спортивного министра, что власти ФРГ сделают все для обеспечения безопасности:

— Мы внимательно следим за действиями врагов Олимпийских игр и гарантируем вам безопасность, хотя положение непростое. Мы принимаем новые меры по борьбе с нежелательными элементами, в том числе увеличиваем аппарат безопасности. Мы получили разрешение на запрет и разгон всевозможных манифестаций и сборищ в период Олимпийских игр.

«Геншер, — докладывал Сергей Павлов в ЦК КПСС, — предложил либо посредством посольства сообщить о людях, которых советская сторона считает опасными на Играх, либо направить в министерство внутренних дел ФРГ специального компетентного представителя, который будет консультировать немецкую сторону по соответствующим проблемам. О подобной форме сотрудничества МВД ФРГ договорилось с Югославией».

Всем западногерманским чиновникам советские гости внушали, что «антисоветская клеветническая

деятельность радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» несовместима с проведением Олимпиады».

Западногерманский министр прислушался к Павлову:

«Геншер обещал, что МВД берет на себя обязательство контролировать аккредитацию сотрудников «Свободы» и «Свободной Европы» в качестве корреспондентов или переводчиков».

Но акции немцев-леваков не носили масштабного характера. Западногерманская полиция решила, что худшее, что может произойти, — это бомба в посылке или попытка похитить израильского спортсмена во время прогулки по Мюнхену.

Баварская полиция не потрудилась подстраховать наиболее уязвимые места, хотя некоторые меры предосторожности все-таки приняли. В Мюнхене полным-полно было выходцев с Ближнего Востока, одних иорданцев насчитывалось более семисот. Полиция составила список тридцати потенциальных террористов, за которыми установили наблюдение.

Мюнхенские сыщики просто не могли предположить, что удар будет нанесен в самой Олимпийской деревне. Хотя как минимум один человек в столице Баварии считал это возможным.

Доктор Георг Зибер работал в мюнхенской полиции штатным психологом. Оргкомитет Олимпийских игр обратился к нему с просьбой подумать над возможными угрозами: кто способен помешать их проведению?

Георг Зибер отнесся к поручению крайне серьезно. Он изучил образ действий всех известных на тот момент террористических организаций — от Ирландской республиканской армии и баскской сепаратистской организации ЭТА до палестинцев и немецкой «Фракции Красной армии». И составил двадцать шесть возможных кризисных сценариев.

Он считал вполне реальным, что террористы нанесут удар по Олимпийской деревне. Он среди прочего предположил, что группа ультраправых террористов, захватив самолет, может врезаться в заполненный тысячами зрителей Олимпийский стадион. Это предсказание сбудется через три десятилетия в Нью-Йорке.

А в сентябре 1972 года события разворачивались иначе — в соответствии со сценарием № 21. В пять утра, предсказывал доктор Зибер, дюжина палестинцев преодолет ограду Олимпийской деревни и ворвется в дом, где поселилась израильская команда. Палестинцы убьют одного-двух заложников и потребуют освободить заключенных из израильских тюрем, а сами захотят получить самолет, чтобы улететь в одну из арабских стран. Если палестинцам не удастся добиться освобождения заключенных, предсказывал Георг Зибер, они все равно используют эту акцию в политических целях.

— Причем они будут готовы умереть, — предупреждал полицейский психолог свое начальство. — Они никогда не сдадутся.

Сотрудники оргкомитета Мюнхенских игр не знали, как отнестись к сценариям доктора Зибера. Чтобы предупредить такие теракты, организаторы должны были полностью пересмотреть концепцию Олимпийских игр, отказаться от атмосферы беззаботности, когда решительно все в городе должны получать удовольствие. Никакой политики, только спорт! В такой концепции не было место колючей проволоке, видеокамерам, детекторам движения, полицейским с автоматами и спецназу, тем более с тяжелой техникой.

Организаторы Олимпийских игр в 1973 году потратили на обеспечение безопасности меньше двух миллионов долларов. В Афинах в 2000 году потратят на те же цели больше шестисот миллионов долларов. И с каждой Олимпиадой эти цифры будут расти. Готовясь к летним играм в Сиднее, специалисты в об-

ласти безопасности рассмотрели восемьсот вариантов катастрофического развития событий. И все понимали, что вполне возможен восемьсот первый. В реальности невозможно предугадать все, потому что террористы стараются не повторяться. Борьба с террористами — это игра с невидимым и непредсказуемым противником.

Словом, руководители оргкомитета попросили доктора Зибера представить им другой доклад и другие сценарии, более соответствующие тем Играм, которые они готовили.

Доктор Зибер действительно немного ошибся.

Боевики из «Черного сентября» перебрались через ограду Олимпийской деревни на пятьдесят минут раньше, чем предполагал Зибер. И им не понадобилось взрывать входную дверь в дом, где жили израильские спортсмены. Они сумели ее открыть. Когда все началось, отвечавший за безопасность Игр полицейский-президент Мюнхена Манфред Шрайбер объяснил доктору Георгу Зиберу, что в его услугах никто не нуждается.

— Это уже вопрос не психологии, — с важным видом сказал Шрайбер, — а большой политики.

Георг Зибер уволился из мюнхенской полиции. Вернулся домой, сварил себе кофе и уселся перед телевизором. Теперь он мог быть только беспомощным наблюдателем.

МЮНХЕН, 5 СЕНТЯБРЯ 1972 ГОДА

По дороге палестинцы переоделись. Они вытащили из рюкзаков оружие и, стараясь не шуметь, подошли к дому № 31 на Конноли-штрассе. Улицу назвали в честь американского спортсмена Джеймса Конноли, победителя Олимпиады 1896 года.

В доме № 31 были двадцать четыре отдельные квартиры. Одиннадцать квартир располагались на первых двух этажах, откуда можно было выйти на улицу или на задний дворик. Остальные квартиры — на третьем этаже, там же находились два пентхауса.

Израильская команда — двадцать один человек — занимали первые шесть квартир. Рядом с ними жили уругвайцы, они же занимали часть квартир на третьем этаже, где их соседями были спортсмены из Гонконга. Им принадлежали и оба пентхауса. Помимо спортсменов в доме постоянно жили двое немцев из обслуживающего персонала, один из них с семьей.

Палестинцы были вооружены автоматами «калашников» и ручными гранатами (потом полиция подсчитает, что в их распоряжении было восемь автоматов, девятьсот патронов и двадцать четыре гранаты).

Они открыли дверь (она никогда не запиралась) и вошли в общий холл. Боевик по имени Джамаль аль-Гаши остался охранять вход. Остальные приготовились ворваться в квартиру № 1, где жили семеро членов израильской спортивной команды — Амицур Шапиро, Кеат Шор, Андре Шпицер, Тувия Соколовский, Яков Шпрингер, Моше Вайнберг и Йосеф Гутфройнд.

Из квартиры № 1 можно было на лифте или по лестнице подняться на третий этаж, а также спуститься в гараж.

Палестинцы смогли раздобыть ключ. Они вставили его в замок. Но они действовали слишком шумно.

Непонятную возню за дверью услышал спортивный судья Йосеф Гутфройнд. Ему было сорок лет, и он спал очень чутко. Он судил классическую борьбу на Олимпиаде 1968 года в Токио, на мировых чемпионатах в Индии и Болгарии, и оргкомитет пригласил его судить Мюнхенскую Олимпиаду.

Считается, что Гутфройнд, как и судья Яков Шпрингер, был в реальности офицером безопасности.

Возможно, это и не так. Израильская служба безопасности Шин-Бет не подтвердила и не опровергла эту информацию.

В любом случае именно Гутфройнд услышал шум и босиком вышел из спальни в общую прихожую, стараясь никого не разбудить. Тут дверь приоткрылась, он услышал арабские голоса и увидел людей с автоматами. Он навалился всем своим телом — почти двухметровый Гутфройнд весил сто тридцать три килограмма — на дверь и закричал, предупреждая товарищей об опасности:

— Ребята, тревога! Террористы! Бегите!

На несколько критически важных секунд он задержал террористов, не ожидавших отпора. Как минимум одному человеку он спас жизнь. Тренер по тяжелой атлетике Тувия Соколовский, который делил с ним комнату, вскочил и тоже выбежал в общую гостиную. Он увидел, что Гутфройнд еще удерживает дверь. Через приоткрывшуюся щель Соколовский увидел расписанное черной краской лицо и автомат.

Соколовский ринулся назад, в свою комнату, и бросился к окну. Пытался его открыть, но не смог. Тогда он просто выбил стекло и выпрыгнул в садик.

Палестинцы, орудуя прикладами автоматов, сбили Гутфройнда с ног и бросились в другие комнаты. Один из них подскочил к выбитому окну и стал стрелять в Соколовского, но не попал. В пижаме и босиком тренер бежал со всех ног, пока буквально не уткнулся в полицейского. И только тогда понял, что спасся.

Остальные ничего не успели сделать.

Террористы выволокли из спальни на первом этаже не успевших проснуться тренера по легкой атлетике Амицура Шапиро и тренера по стрельбе Кеата Шора.

Когда Исса распахнул дверь в другую спальню, тренер Моше Вайнберг бросился на него. Единственное оружие, которое он смог найти, был нож для разреза-

.....

ния фруктов, который лежал на столике рядом с кроватью. Исса упал, и маленький нож рассек только одежду.

Другой боевик выпустил очередь из «калашника» практически в упор. Одна из пуль распоролла Моше Вайнбергу лицо, хлынула кровь. У Вайнберга три недели назад родился сын. Его жена Мириам с ребенком находилась дома и ждала мужа.

Террористы погнали безоружных заложников вверх по лестнице, где захватили еще двоих — судью по тяжелой атлетике Якова Шпрингера и тренера по фехтованию Андре Шпицера.

В руках палестинских боевиков оказались пятеро заложников. Самым старшим был Кеат Шор, ему исполнилось пятьдесят три года. Он родился в Румынии.

Яков Шпрингер родился в Польше в 1921 году. Когда в сентябре 1939 года пришли немцы, его родители совершенно не испугались: они говорят по-немецки, так что проблем не будет. Один Яков решил, что нужно уходить. Из Польши он перебрался в Советский Союз. Никто не захотел последовать его примеру, и нацисты убили всю его семью.

После войны Шпрингер вернулся в Польшу. Он занимался борьбой и тяжелой атлетикой, представлял Польшу на многих международных соревнованиях. В 1956 году Шпрингер с двумя детьми эмигрировал в Израиль, где перешел на тренерскую и преподавательскую работу.

Он создал в Израиле тяжелую атлетику. До него этого спорта в еврейском государстве просто не существовало. В 1964 году Израиль не пригласили на Олимпиаду, а Якова Шпрингера персонально попросили судить соревнования тяжелоатлетов. Его пригласили и в 1968 году.

Мюнхенская Олимпиада была пятой в его спортивной карьере. Шпрингер сомневался, ехать ли в Мюнхен. Для него это был серьезный вопрос. Немцы уби-

ли всю его семью. Он этого не забыл и не простил. Он никогда не покупал немецкие товары, какими бы хорошими они ни были.

Но он посчитал своим долгом участвовать в Олимпиаде. Как судья он имел право остановиться в гостинице. Предпочел жить вместе со всеми. Это было роковое решение.

Амицуру Шапиро было сорок лет. Он родился в Израиле и в 50-е годы был одним из самых успешных спринтеров. Потом тоже стал преподавателем и тренером.

Андрею Шпицеру было двадцать семь лет. Он родился в Румынии, где занимался стрельбой. В Израиле стал тренером национальной команды.

Оставив первую группу заложников под охраной, Тони и пятеро боевиков выскочили на улицу и стали рваться в соседние квартиры, где жили израильтяне. Они захватили с собой Моше Вайнберга, он пытался платком остановить кровь.

Они проскочили мимо квартиры № 2 и ворвались в квартиру № 3, где жили шестеро борцов и тяжелоатлетов. Они слышали выстрелы, которыми был ранен Вайнберг, но подумали, что это им приснилось, и продолжали спокойно спать.

Вот поэтому боевики захватили тяжелоатлетов Давида Бергера, который совсем недавно из Соединенных Штатов эмигрировал в Израиль, Зеева Фридмана, Йосефа Романо, который не мог ходить без костылей после недавней травмы (он повредил связки), а также борцов Элизера Халфина, Гади Цабари и Марка Славина, самого многообещающего спортсмена в команде.

Гади Цабари услышал шум за дверью. Удивленный, но не испуганный, он встал, стараясь не разбудить соседа по комнате Давида Бергера. Открыл дверь, чтобы посмотреть, что происходит, и попал в плен.

Он увидел террориста в ярком желтом свитере, который целился в Марка Славина и Элизера Халфина.

Когда Цабари вышел из комнаты, дуло автомата уткнулось в него.

Через несколько секунд в дверях появился заспанный Давид Бергер. Он совершил ту же ошибку — беззаботно вышел и попал в руки боевиков.

Марк Славин приехал из Минска в Израиль всего за четыре месяца до Олимпийских игр. Ему было 18 лет. В феврале 1971 года он выиграл всесоюзный юношеский чемпионат по классической борьбе. Когда в мае 1972 года он эмигрировал в Израиль, его сразу включили в Олимпийскую команду. Марку Славину предстояло защищать честь команды именно в этот день.

Зеэву Фридману из Хайфы было 22 года. Он начал спортивную карьеру гимнастом, но перешел в тяжелоатлеты. Он семь лет побеждал в чемпионатах Израиля. В 1969 году завоевал седьмое место в мировом чемпионате в Варшаве и третье место на Играх в Маниле в 1971 году. На Олимпийских играх он был 12-м.

Элиэзеру Халфину было 24 года. Он приехал в Израиль из Советского Союза, где одиннадцать лет занимался борьбой в вольном стиле и занимал четвертое место в молодежных чемпионатах. В мировых чемпионатах он занимал 12-е место.

Штангисту Давиду Бергеру было 28 лет. Он родился в Соединенных Штатах и побеждал на молодежных соревнованиях в среднем весе. После эмиграции в Израиль в 1970 году он выиграл национальный чемпионат в тяжелом весе. На азиатских играх в Маниле завоевал серебряную медаль. В Израиле Давид занимался благородным делом — вел спортивные занятия с инвалидами.

Пока один из террористов осматривал комнаты, думая, что кто-то мог спрятаться в туалете или под кроватью, полураздетые и ошеломленные спортсмены стояли под дулами автоматов. Тони спросил, где находятся остальные израильтяне. Никто не ответил.

— Давайте бросимся на них, — предложил на иврите Давид Бергер. — Терять нам нечего!

Но один из террористов явно понял слова Давида и, направив дуло автомата на Гади Цабари, приказал идти в сторону выхода. Террористы заставили всех держать руки за головой — даже Романо, которому нужны были костыли.

Цабари думал о том, что ситуация безвыходная. Слова Бергера «нам нечего терять» звучали у него в ушах. Когда группу заложников завели в холл квартиры № 1, Гади Цабари откинул стоявшего рядом террориста и бросился вниз по лестнице, которая вела в подвал.

Один из террористов несколько раз выстрелил ему вслед, но все пули уходили мимо. Уже раненный, Моше Вайнберг не желал сдаваться без боя, хотя террористы были вооружены. Ему было 33 года. Восемь лет он был чемпионом страны по борьбе в классическом стиле.

Вайнберг врезал кулаком террористу по кличке «Бадран» (его настоящее имя Мохаммад Сафади), выбил ему несколько зубов и сломал челюсть. Ошеломленный террорист отлетел к стене. Вайнберг потянулся к автомату, который боевик уронил на пол. Но другой террорист, стрелявший в Цабари, повернулся и очередь в упор прошил Вайнберга.

Еврейская кровь вновь пролилась на немецкой земле.

Романо и Бергер, которых держали под прицелом, бессильно наблюдали за происходящим.

Палестинцы не имели приказа начинать операцию с убийства заложников, это могло помешать исполнению их замысла. Но боевиков заранее инструктировали: если понадобится, стреляйте на поражение.

Убив Моше Вайнберга, боевики поняли, что выстрелы наверняка всех перебудили. И действительно, в окнах соседних домов зажегся свет, появились не-

доуменные лица. Ясно было, что вот-вот прибудет полиция.

Террористы погнали заложников наверх, где уже находились спортсмены, попавшие в плен первыми. Но Йосеф Романо, отец троих детей, не смирился. У него перед глазами стояло окровавленное тело Моше Вайнберга. Когда террористов отвели на второй этаж, Романо отбросил костыли и вырвал у одного из палестинцев автомат. Но не успел им воспользоваться. Другой террорист выпустил в него очередь из «калашникова».

Йосефу Романо было 32 года. Он родился в Ливии, солдатом армии обороны Израиля участвовал в шестидневной войне 1967 года. Он десять лет был чемпионом Израиля по тяжелой атлетике. В последние годы стал судьей.

Он стал второй жертвой террористов.

Тело Романо оставили лежать посредине комнаты — в назидание остальным израильтянам, чтобы они понимали, что их ждет, если они попытаются бежать.

Заложников связали — заранее подготовленными веревками туго обхватили запястья и колени.

Вайнберг ценой своей жизни дал возможность Цабари убежать. Он добрался до международного пресс-центра, влетел в зал, но на него никто не обратил внимания. Ему пришлось схватить одного из журналистов и долго втолковывать, что именно происходит в двух шагах от пресс-центра.

Потом появился полицейский, который отвез Цабари в штаб. Там несколько часов его расспрашивали, пытаясь узнать все, что можно, о террористах. Ему дали одежду и обувь. Многие годы Цабари будет нуждаться в помощи психиатра...

Вайнберг и Романо, отдав свои жизни, спасли и других спортсменов.

Террористы намеревались захватить в заложники всю израильскую команду. Они не ожидали отпора со

стороны безоружных людей. Они ошибочно решили, что теперь бессмысленно искать других израильтян — те уже наверняка в безопасности.

Только благодаря этому другие израильские спортсмены остались живы. На самом деле инерция благодушия продолжала действовать, и палестинцы могли захватить дополнительное количество заложников.

Совсем рядом, в квартире № 2, спали стрелки Зеллиг Штрох и Генри Гершкович, фехтовальщики Иегуда Вайнштейн и Дан Алон, занимавшийся спортивной ходьбой Шаул Ладани и пловец Авраам Мельмер. Когда прозвучали выстрелы, они проснулись. Глядя в окна, пытались понять, что происходит. Потом опять легли. Лишь немногие поняли, что происходит нечто страшное.

В Олимпийской деревне уже не раз звучали выстрелы — так спортсмены-стрелки, не зная, как выплеснуть переполнявшие их эмоции, отмечали свои победы. Но тут было что-то иное. Генри Гершкович услышал в ночной тишине хорошо знакомый ему звук — это когда магазин вставляют в автомат. Но ему и в голову не могло прийти, что в дом проникли террористы.

Шаул Ладани со временем станет профессором в Тель-Авиве. Тогда он занимался спортивной ходьбой и показывал неплохие результаты на дистанции в пятьдесят километров. Детство Ладани прошло в немецком концлагере Берген-Бельзен. Когда его освободили, ему было всего восемь лет. Детский опыт научил его действовать быстро. Он вылез из окна своей комнаты и спустился вниз.

Шаул Ладани добежал до блока, где поселили команду спортсменов из Соединенных Штатов. Он постучал в дверь. Ему открыл заспанный американец.

— Разрешите войти, — попросил Ладани.

— А что случилось? — удивился тот.

— В нашем здании арабы!

— Ну и гоните их прочь, — зевая, посоветовал американец.

— Они с оружием! Они убивают людей!

Только тут до американца дошло, что происходит. Он втянул израильтянина внутрь, захлопнул дверь и схватился за телефон, чтобы вызвать полицию.

Шаул Ладани никогда не сможет избавиться от комплекса вины за то, что он остался жив, когда других убили.

Одна из уборщиц Олимпийской деревни шла на работу, когда услышала звуки выстрелов. Проявив бдительность, в 4.47 утра она позвонила в службу безопасности.

Безоружного охранника отправили на Коннолиштрассе. Он, раздраженный и недовольный приказом начальства тащиться куда-то в такую рань, появился на улице. Увидел в окне Гершковича и спросил, что происходит. Тот не знал, что ответить.

Как раз в этот момент дверь захваченного террористами дома № 31 открылась, и появился боевик в маске и с автоматом. Охранник изумленно обратился к нему сначала по-немецки, потом по-английски:

— Что это означает? Кто вы?

Боевик не удостоил его ответа. Охранник доложил по переговорному устройству, что он видит несколько человек с автоматами в доме, где живет израильская команда. Все, что могла предпринять служба безопасности, — это отправить на Коннолиштрассе еще двоих невооруженных охранников, которые не знали, что им следует предпринять.

Первому о беспорядке в Олимпийской деревне доложили полицей-президенту Мюнхена Манфреду Шрайберу. Он получил юридическое образование, умело вел расследование важных дел и в ноябре 1963 года стал начальником городского управления полиции. В ту пору он был самым молодым среди своих западногерманских коллег.

Шрайбера подняли с кровати, когда уже был шестой час утра. Он приказал закрыть Олимпийскую деревню, отправить к дому израильской команды вооруженных полицейских и сам позвонил Бруно Мерку, министру внутренних дел Баварии.

Доложив начальству, Шрайбер оделся, стараясь не разбудить жену и детей, и на полицейской машине с сиреной поехал в Олимпийскую деревню.

После звонка Шрайбера министру включилась немецкая бюрократическая машина. Бруно Мерк, состоявший в правящей в Баварии партии христианско-социальный союз, был в начале 60-х годов начальником окружного управления города Гюнцбурга. 5 декабря 1966 года его сделали министром внутренних дел Баварии (он оставался на этом посту до мая 1977 года, мюнхенская трагедия ему не повредила, впоследствии он возглавил Баварский Красный Крест).

Мерк в свою очередь разбудил федерального министра внутренних дел Ганса Дитриха Геншера, многообещающего политика, чья карьера еще только началась.

«Это был удар для меня, — вспоминал Геншер. — Евреи вновь оказались в опасности на территории Германии».

Министр внутренних дел сообщил о чрезвычайном происшествии канцлеру ФРГ Вилли Брандту и министру иностранных дел Вальтеру Шеелю. Тот приказал своим подчиненным оповестить посла Израиля в ФРГ Эльяшива Бен-Хорина.

В половине шестого утра посол связался с Иерусалимом. Премьер-министра Голду Меир разбудил ее военный помощник генерал Израэль Лиор.

В десять минут шестого первый сотрудник мюнхенской полиции появился возле захваченного террористами дома. Он поднял руки, показывая, что пришел без оружия. Пока он вглядывался в окна трехэтажного здания, на первом этаже открылось окно, и террорист

бросил ему под ноги два листа бумаги. Это был ультиматум палестинской организации «Черный сентябрь».

Через пятнадцать минут еще один мюнхенский полицейский появился перед домом. Немцы все еще не могли поверить, что кто-то пытается испортить им праздник и сорвать их чудесные Игры. К полицейскому вышел руководивший боевиками Исса. Он был в легком летнем костюме. Его лицо, шея и руки для маскировки были покрыты черной краской, возможно, просто гуталином, решил полицейский.

Другие террористы с автоматами показались из окон, чтобы полицейский правильно оценил ситуацию. Возможно, Иссе показалось, что полицейский все равно ничего не понимает. Тогда Исса отдал команду, террористы вытащили мертвое тело Вайнберга, голое и окровавленное, и бросили его на тротуар прямо перед полицейским.

Руководитель израильской спортивной делегации Шмуэль Лалкин (он жил в подъезде № 5), услышав выстрелы, проснулся. Он подошел к окну, но все было спокойно. Опять лег, однако через десять минут опять раздались выстрелы. И тут он понял, что именно случилось: палестинцы бросили на землю изрешеченное пулями тело Вайнберга.

В половине шестого примчалась карета «Скорой помощи». Не обращая внимания на террористов, медики выскочили из машины и бросились к телу Вайнберга. Проверив пульс, они поняли, что он мертв. Они унесли его тело.

Гершкович сказал соседям:

— Нам надо уходить.

Все комнаты выходили в сад. Они вышли и перебежали на другую сторону улицы.

На всю команду был только один телефон — в комнате у Лалкина. Он позвонил в Израиль, его соединили с премьер-министром Голдой Меир и министром обороны Моше Даяном.

Ближе к шести в Олимпийской деревне появился Манфред Шрайбер и несколько десятков уже вооруженных полицейских.

Одновременно приехал и молодой бургомистр Олимпийской деревни Вальтер Трёгер, он же генеральный секретарь Национального олимпийского комитета. Его разбудили полицейские: террористы сказали, что он обязательно должен участвовать в переговорах. В отсутствие хозяина деревни боевики отказывались разговаривать с полицией.

Шрайбер и Трёгер принялись изучать два листа бумаги, подобранные полицейским. Это был написанный по-английски и отпечатанный на машинке список тех, кого палестинцы требовали «немедленно освободить и отправить в одну из арабских стран». В списке значились двести тридцать четыре палестинца, отбывавших наказание в израильских тюрьмах (все это были осужденные террористы), и шестнадцать заключенных-европейцев, среди них немцы Андреас Баадер и Ульрике Майнхоф, ультралевые террористы, союзники палестинцев.

Палестинцы предупредили: если до девяти утра следующего дня их требования не будут выполнены, террористы начнут убивать заложников одного за другим.

Тем временем в деревне появились полицейские снайперы в пуленепробиваемых жилетах, с автоматами и винтовками с телескопическим прицелом. Они разместились на крышах соседних домов и ждали приказа.

Первый кризисный штаб разместился в административном корпусе Олимпийской деревни. Шрайбер хотел прежде всего установить контакт с террористами. Решили, что у женщин это получится лучше. Одна из его подчиненных по имени Лаутенбах уже пыталась поговорить с палестинцами. Но нужен был более опытный человек.

Свои услуги предложила сотрудница полиции Аннализа Грэс, ей было сорок два года. Шрайберу понравились ее мягкая манера разговаривать, природная контактность, умение ладить с людьми и располагать их к себе.

Обе женщины появились перед домом № 31. К ним вышел Исса. Немки хорошо его рассмотрели. Он был одет в обычный костюм, традиционный палестинский платок-куфия на голове, лицо вымазано черной краской.

Таково было распределение обязанностей между палестинцами. Исса ведет переговоры и принимает решения, Тони командует боевиками.

Исса прежде всего объяснил:

— К вам, немцам, эта операция не имеет отношения.

Он свободно говорил по-немецки, так что переводчик не требовался. Это упрощало дело.

— Мы не можем освободить заключенных, которые находятся в Израиле. — Аннелиза должна была затянуть переговоры. — Мы можем только передать правительству Израиля ваши условия.

— Освободите всех заключенных, — Исса не собирался торговаться, — иначе заложники умрут.

Полиция выставила кордон вокруг дома. Остальная часть Олимпийской деревни, ни о чем не подозревая, готовилась к соревнованиям. Террористы время от времени показывались на улице или выглядывали из окон, проверяя, не готовится ли полиция к внезапной атаке.

В доме напротив жила делегация ГДР, в ее составе были офицеры Министерства госбезопасности, отвечавшие за то, что никто из восточногерманских спортсменов не убежит на Запад. Весь день они внимательно наблюдали за происходящим. Они составили подробные отчеты, которые были найдены после

крушения ГДР, когда стали разбирать документы ведомства госбезопасности.

Вместе с восточногерманскими спортсменами находился журналист Вольфганг Гиттер. Он хорошо разглядел человека с вымазанным черным лицом в льняном костюме, который время от времени курил. Это был Исса. Еще один палестинец щеголял в красной рубашке, ворот расстегнут, на шее золотая цепь. Это был Тони.

В семь утра в Мюнхен прилетел федеральный министр Геншер. Его сопровождал прикомандированный к нему подполковник пограничной полиции Ульрих Вегенер.

Геншера ждали в административном блоке G-1, где уже собрались шеф полиции Шрайбер, земельный министр Бруно Мерк, бургомистр Олимпийской деревни Вальтер Трёгер, президент Национального олимпийского комитета и глава организационного комитета XX Олимпийских игр Вилли Дауме, а также недавний обер-бургомистр Мюнхена и вице-президент оргкомитета Олимпиады Ганс-Йохен Фогель.

Ганс Дитрих Геншер по должности был старшим. Но по конституции ФРГ все полномочия принадлежали земельной власти. Геншер мог только давать советы баварскому коллеге и в случае необходимости подключать федеральные ведомства.

Кризисный штаб устроили на третьем этаже блока G-1, в кабинете Вальтера Трёгера. Шрайбер отправил поближе к месту события полицейский автобус со всеми средствами связи. В автобусе расположился наблюдательный пункт.

В штаб доставили главу израильской делегации Шмуэля Лалкина. Ему организовали прямую линию связи с Иерусалимом. Но Лалкин знал твердую позицию премьер-министра Голды Меир — ни при каких условиях не поддаваться на шантаж террористов и не выполнять их требования.

.....

Всех уцелевших израильских спортсменов собрали в административном блоке. Они думали о захваченных палестинцами товарищах и находились в ужасном состоянии. Никто не знал, нет ли террористов и в других зданиях Олимпийской деревни, поэтому к ним приставили охрану.

Американский легкоатлет Кени Мур собирался утром побегать, но его остановил охранник:

— Там стреляли. Вы должны остаться на месте.

Сосед Кенни Мура по комнате пришел с последними новостями:

— Арабские террористы убили двоих израильтян, остальных захватили в заложники. Ненавижу этих маньяков.

Из окна были видны полицейские машины, кареты «Скорой помощи» и большое количество журналистов.

— Представьте себе положение несчастных ребят там, — сказал другой американский легкоатлет, Фрэнк Шертер. — Каждые пять минут маньяк с автоматом говорит: «Давайте-ка их пристрелим». А другой лениво отвечает: «Нет, подождем еще». Это же невозможно выдержать.

Потом пришло сообщение, что Игры приостановлены.

Американцы стали выяснять:

— Приостановлены или закрыты?

— Приостановлены на один день, — отвечали чиновники.

В Олимпийской деревне кто-то играл в пинг-понг, остальные загорали. Мнения спортсменов разделились. Большинство возмущалось: зачем же отменять игры? Четыре года они с фанатическим упорством доводили себя до изнеможения, чтобы достойно выступить на Олимпиаде. И теперь выясняется, что все усилия напрасны.

Лишь немногие думали о заложниках:

— В любую минуту их могут убить. О каких медалях можно говорить в такой момент?

Утром в Олимпийскую деревню приехали ни о чем не подозревавшие советские журналисты.

«Это, кажется, единственное место в Мюнхене, — вспоминал спортивный писатель Александр Кикнадзе, — где не действуют аккредитационные удостоверения, строжайший режим, нудная процедура получения пропуска».

Александра Кикнадзе остановил специальный корреспондент «Красной звезды»:

— Туда не ходи, там стреляют. Арабы напали на израильскую делегацию. Видишь на балконе людей в черных масках с автоматами? Это они.

Кикнадзе обещал писать об Олимпиаде для «Литературной газеты». Позвонил в редакцию, чтобы сообщить новости.

— Сосредоточьтесь на главной цели вашей командировки, — услышал он голос из Москвы, — подготовьте зарисовки о победах советских мастеров... Это пожелание главного редактора.

Такие же указания получили все советские журналисты — не писать об израильских спортсменах, ставших жертвами палестинских террористов. Передавать только спортивную информацию, делать вид, будто ничего не случилось.

Только ТАСС передал короткое сообщение из Мюнхена:

«Сегодня здесь на пресс-конференции представитель организационного комитета XX Олимпийских игр сообщил, что на здание Олимпийской деревни, в котором живут члены спортивной делегации Израиля, был совершен налет группы лиц, принадлежащих, как здесь указывают, к экстремистской палестинской

.....

организации «Черный сентябрь». В результате этого налета имеются человеческие жертвы.

Указанная группа лиц под угрозой оружия задерживает остальных членов спортивной делегации, требуя, чтобы правительство Израиля освободило из израильских тюрем 200 палестинцев. Вместе с израильскими спортсменами в здании оказались заблокированными также члены спортивных делегаций Уругвая и Гонконга.

Мюнхенская полиция закрыла сегодня Олимпийскую деревню, закрыла доступ на ее территорию журналистам. Полицейские пропускают только спортсменов. Официальный представитель правительства ФРГ Алерс сообщил, что канцлер ФРГ В. Брандт «самым решительным образом осудил действия террористов».

Как здесь стало известно, представитель советской делегации выразил Олимпийскому комитету сожаление в связи с этим инцидентом и соболезнование по поводу человеческих жертв».

В кризисном штабе не знали, что делать. Ни у кого не было готового плана. Полицейские предлагали продолжать переговоры с террористами, исходя из того, что время работает на них. Но палестинцы не собирались затягивать свою операцию. Таковы были их инструкции, и они сами понимали, что скоро устанут и их начнет клонить в сон.

— Скоро я прикажу убивать по одному заложнику каждый час, чтобы поторопить вас, — предупредил Исса женщин-полицейских. — А их тела мы будем выбрасывать на улицу.

Немецкие полицейские и дипломаты пытались выяснить, что это за организация — «Черный сентябрь». Но информации тогда было маловато. Это теперь мы знаем, откуда взялись эти люди и кто ими руководил.

КУВЕЙТ, ОКТЯБРЬ 1959 ГОДА

29 ноября 1947 года Организация Объединенных Наций приняла решение о разделе Палестины и о создании двух государств — арабского и еврейского. Британцы, которые управляли Палестиной, должны были уйти в мае следующего года.

Палестинским евреям и палестинским арабам Организация Объединенных Наций предоставила равные возможности создать свое государство. Евреи были полны решимости использовать этот единственный в их истории шанс. Арабы, вместо того чтобы создавать свое государство, заявили, что уничтожат еврейское. Соседние арабские страны не желали появления ни еврейского государства, ни палестинского.

15 мая 1948 года, на следующий день после провозглашения Израиля, в Палестину с севера, востока и юга вторглись армии Египта, Сирии, Иордании, Ирака и Ливана. Они хотели уничтожить еврейское государство в зародыше, но натолкнулись на ожесточенное сопротивление.

Израиль уцелел, а территорию, которую ООН выделила для создания государства палестинских арабов, поделили Египет и Иордания. Египту достался сектор Газа, Иордании — Западный берег реки Иордан.

Во время первой арабо-израильской войны арабская пропаганда распространяла пугающие слухи о еврейском терроре, и арабы бежали из родных мест. Шестьсот-семьсот тысяч палестинских арабов покинули свои дома. Они не захотели вернуться, когда это можно было сделать, и превратились в беженцев. Они обосновались в секторе Газа, на Западном берегу реки Иордан, а также в самой Иордании, Ливане и Сирии.

Египет и Иордания два десятилетия управляли палестинцами, но пальцем не пошевелили для того,

чтобы создать для них государство или хотя бы автономию.

В 1950 году Иордания формально аннексировала Западный берег. 23 апреля парламент в Аммане провозгласил создание единого Иорданского хашимитского королевства. Любой палестинец мог получить иорданский паспорт, но иорданские власти категорически возражали против появления независимого государства палестинских арабов.

Больше всего палестинцев оказалось в секторе Газа, небольшом районе побережья Средиземного моря, граничащем с Египтом. Этот клочок земли (восемь километров в ширину и сорок восемь — в длину) превратился в один из самых густонаселенных районов мира, но сколько там поселилось людей, никто не знал.

Сектор Газа управлялся египетской администрацией. Палестинцы жили в нищете и забвении. Египтяне вели себя как колониальные чиновники. О палестинском самоуправлении не было и речи. Палестинцы из Газы не имели права приехать в Каир без специального пропуска. Им не разрешали уехать в другие арабские страны на работу, хотя там они могли бы начать достойную жизнь.

Арабские страны десятилетиями держали палестинцев на положении беженцев, культивируя в них ненависть к еврейскому государству.

В 1959 году Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд предложил общими усилиями переселить беженцев из лагерей и дать им возможность начать новую жизнь. Арабские страны запротестовали, и Генеральный секретарь ООН вынужден был отказаться от своей идеи.

Арабские страны действовали совершенно сознательно — они лишали палестинцев всего ради того, чтобы поддерживать накал антиизраильской борьбы. Если бы палестинцам дали возможность работать и

вести нормальную жизнь, немногие стали бы боевиками и тем более не пошли бы в камикадзе. Арабский мир превратил палестинскую молодежь в орудие борьбы с Израилем и щедро платил тем, кто брался за оружие.

Палестинцы — это те, кто ощущает себя изгнанным и лишенным родины. Палестинцам нужен был вождь, и таким вождем стал Ясир Арафат.

Абд аль-Рахман Абд аль-Рауф Арафат аль-Кудва аль-Хусейни, которого все знают как Ясира Арафата, родился 4 августа 1929 года в Каире. Он был шестым ребенком в семье.

Его отец Абд аль-Рауф аль-Кудва аль-Хусейни был процветающим торговцем, а в молодости, когда еще существовала Оттоманская империя, служил в полиции. Семья переселилась в Каир из Иерусалима в 1927 году, за два года до рождения Ясира. Они обосновались в уважаемом и космополитическом районе, где жили и ливанцы, и армяне, и греки, и евреи.

Они переселились в Каир, потому что Арафат-старший рассчитывал получить наследство — большой земельный надел, принадлежавший семейству его матери-египтянки. Он двадцать лет вел борьбу за наследство в египетских судах, но так ничего и не добился.

Когда мальчику было всего четыре года, его мать внезапно умерла. Отец остался с семьей детьми на руках. Двоих, в том числе будущего председателя ООП, отправили в Иерусалим к дяде. Тот жил в старом городе, и Арафат оказался в центре разгорающегося конфликта между евреями и арабами. Его преуспевающий дядя, шейх Хасан Абу Сауд, был очень близок к великому муфтию, высшему духовному лицу в Иерусалиме. Сам Арафат приходился муфтию племянником.

Бывший офицер турецкой армии, совершивший паломничество (хадж) в Мекку, Амин аль-Хусейни

.....

посвятил жизнь борьбе с евреями. Осенью 1941 года он прибыл в Берлин, где его приняли Адольф Гитлер и рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Великий муфтий состоял у немцев на содержании. Он помогал Гиммлеру формировать мусульманские подразделения войск СС.

В Боснии великий муфтий мобилизовал на священную войну боснийских мусульман. Они составили добровольческую горно-стрелковую дивизию войск СС Боснии и Герцеговины (13-я дивизия СС). Муфтий вдохновлял молодых боснийцев на борьбу с иноверцами — сербами и хорватами. На совести этой дивизии уничтожение югославских партизан и мирного населения. Она участвовала в кровопролитных боях против Советской армии на территории Венгрии в районе озера Балатон.

В 1945 году новое югославское правительство маршала Йосипа Броз Тито внесло великого муфтия в список военных преступников, подлежащих суду. Он обвинялся в соучастии с нацистами, убийстве тысяч сербов и хорватов. Но великому муфтию удалось избежать наказания.

Египетское правительство и генеральный секретарь Арабской лиги обратились к Тито с просьбой не требовать выдачи великого муфтия во имя добрых отношений с арабским миром. Тито прислушался к просьбе египтян. Югославский суд удовольствовался тем, что вынес великому муфтию заочный приговор.

Муфтий вернулся в Каир. Теперь он посвятил все силы борьбе против обсуждавшегося в ООН раздела Палестины и создания еврейского государства.

В одном из ранних интервью Арафат рассказал кое-какие подробности из своей жизни:

— Меня учил один бывший немецкий офицер, который после разгрома Германии в 1945 году вместе с моими родственниками перебрался в Каир.

Немалое число нацистов бежало после разгрома нацистской Германии на Ближний Восток, где они оказались среди единомышленников и получали работу по специальности.

Арафат-старший вновь женился, на египтянке, и вызвал сына в Каир. Семья занимала большую квартиру в уважаемом районе Каира. Мальчик ходил в школу, где его стали называть Ясиром, что в переводе с арабского означает «беззаботный». Кличка прилепилась к нему навсегда.

Арафат любил рассказывать, будто в первую арабо-израильскую войну он был самым молодым офицером в палестинской армии Абд аль-Кадера аль-Хусейни, который погиб в бою около Иерусалима 8 апреля 1948 года.

В реальности во время войны 18-летний Арафат заканчивал школу в Каире и за ходом боевых действий следил по газетам. Поражение арабских армий в войне с Израилем Арафат и его друзья восприняли как унижение. Арафат хотел покинуть Ближний Восток. Как и многие палестинцы из обеспеченных семей, он собирался поехать в Америку, чтобы там получить образование. Но так никуда и не уехал.

Летом 1949 года он поступил в Каирский университет — тогда он назывался университетом короля Фуада I. Арафат собирался стать инженером. Но у него возникли проблемы с математикой, он никак не мог сдать экзамены. Быстро выяснилось, что науки его мало интересуют. Его страстью стала политика.

В Египте набрала силу тайная организация «Братья-мусульмане». Она проникла в армию и даже в коммунистическую партию. Ясир Арафат тоже увлекся идеей национального возрождения арабского народа через возвращение к чистому исламу и создание единого мусульманского государства, хотя впоследствии утверждал, что никогда не входил в состав «братьев-мусульман».

.....

Египетское студенчество возмущалось тесным союзом королевского режима с Англией. «Братья-мусульмане» развернули кампанию насилия против англичан. 26 января 1952 года в Каире хулиганствующие толпы сожгли и разграбили семьсот пятьдесят зданий. В клубе, куда ходили иностранцы, убили десять англичан.

Через полгода, в ночь на 23 июля 1952 года, молодые военные взяли власть в стране и изгнали короля.

Арафата, который от рождения был наделен лидерскими качествами, избрали президентом созданного в 1952 году союза палестинских студентов. Так началась его политическая карьера. Несколько тысяч студентов собрались в Каире 12 января 1953 года. Они кровью написали обращение к одному из руководителей египетской революции генерал-майору Мохаммаду Нагибу, который возложил на себя обязанности премьер-министра Египта, со словами «не забудьте о Палестине».

На следующий день египетская газета «Аль-Ахрам» поместила фотографию юного Арафата, вручающего петицию генералу Нагибу. Правда, газета перепутала его фамилию, назвала не Арафатом, а Фархатом. Но это не испортило Арафату настроения. Он сделал первый важный шаг в политической карьере.

Он все время посвящал работе в студенческом союзе, выступал очень эмоционально и темпераментно, всегда опаздывал и умел незаметно исчезать. Студенческий союз занимался не только политикой, но и сбором денег для неимущих студентов. Но ко всему прочему это был еще и клуб — молодые люди наслаждались жизнью, устраивали пикники, катались по Нилу.

Ясир Арафат часто ездил в Газу, где жила его замужняя сестра и где ему остался дом от умершего в 1953 году отца. Здесь он встретил людей, которые станут его самыми верными помощниками.

С территории Газы полковник Мустафа Хафез из египетской разведки руководил разведывательными операциями против Израиля. Полковник Хафез был сослуживцем полковника Гамаля Абд аль-Насера, который в 1954 году сверг генерала Нагиба, посадил его под домашний арест и сам возглавил правительство. Хафез и Насер когда-то служили в одном полку. И это было личное задание Насера — с помощью террора и диверсий создать внутри Израиля атмосферу страха, подорвать веру людей в способность полиции и армии обеспечить безопасность. Насер надеялся, что это отобьет у евреев из разных стран желание переезжать в Палестину.

Полковник Хафез создавал в Газе боевую антиизраильскую организацию и вербовал молодых палестинцев.

Одним из первых он завербовал Халилю аль-Вазира. Халилю было двенадцать лет, когда во время первой арабо-израильской войны, 12 июля 1948 года, его семья покинула родные места и отправилась в сектор Газы. Жить вместе с палестинскими евреями его семья не пожелала.

Молодой человек поклялся с оружием в руках изгнать врагов из родных мест. Вазир, как и другие молодые палестинцы, учился тайно проникать из сектора Газы на территорию Израиля через линию перемирия. Молодым палестинцам поручали устанавливать мины на дорогах и выводить из строя колодцы в еврейских поселениях.

Халиль аль-Вазир и Ясир Арафат познакомились в 1955 году. Они дополняли друг друга. Арафат — фантастически активный, импульсивный, фонтанирующий идеями. Вазир — холодный и рациональный.

Еще раньше другом и единомышленником Арафата стал Салах Халаф. Ему было четырнадцать лет, когда во время войны, в мае 1948 года, его семья покинула родной город Яффа, где шли бои. Множество арабов,

собрав вещи, бросились к порту и на различных суденышках покинули город. Они были уверены, что уезжают на несколько дней. Арабские лидеры утверждали, что сбросят в море всех евреев, и можно будет вернуться домой... Получилось иначе. И Салах Халаф посвятил свою жизнь борьбе с Израилем.

Он стал заместителем Арафата в палестинском студенческом союзе. В августе 1956 года они поехали в Прагу на конгресс Международного союза студентов. В столице Чехословакии Арафат впервые — и к удивлению товарищей — надел куфию. С тех пор он всегда появлялся в таком головном уборе. Это стало его визитной карточкой.

В октябре 1956 года на Ближнем Востоке вспыхнула новая война. Египет национализировал компанию Суэцкого канала, и Англия хотела сохранить свои позиции. Франция присоединилась к Англии, потому что Насер поддерживал алжирских повстанцев, восставших против Парижа. Англичане и французы попросили о помощи Израиль. Он воспользовался этой ситуацией и нанес превентивный удар по Египту, который с помощью Советского Союза быстро вооружался. Израильские руководители подозревали, что Египет готовится к войне против Израиля, и по-суворовски считали, что лучшая оборона — это нападение.

Во время короткой синайской войны Арафат был призван в армию, но участия в боевых действиях не принимал.

Египетского вождя Гамалы Абд аль-Насера увлекала идея объединения арабского мира под собственным руководством. Палестинский вопрос сам по себе его не интересовал. Он поддерживал только тех палестинцев, кто демонстрировал ему преданность и выступал за присоединение Палестины к будущему единому арабскому государству.

Поэтому помощь от Египта получил Жорж Хабаш, палестинец, придерживавшийся марксистских взглядов. Он создаст собственную боевую организацию и будет оспаривать лидерство Арафата. В 1951 году Жорж Хабаш окончил медицинский факультет Американского университета в Бейруте и нашел работу в Аммане. Как и Арафат, он тоже заинтересовался политикой.

На Хабаша оказал влияние баасизм, идея единого арабского социалистического государства. У него нашлись единомышленники. Среди них был еще один врач — Вади Хаддад, который станет одним из самых знаменитых террористов.

Хабаш и Хаддад решили создать Арабское национальное движение. Участники движения поклялись посвятить жизнь уничтожению еврейского государства в Палестине.

Арафат, сторонник независимости Палестины, почувствовал, что ему следует покинуть Египет. С Насером ему было не по пути еще и потому, что Насер боялся и ненавидел «братьев-мусульман».

26 октября 1954 года Насер выступал на главной площади в Александрии. Послушать его собралась огромная толпа. В него стреляли, но промахнулись — пули прошли рядом с его головой. После синойской войны Насер приказал сокрушить «братьев-мусульман». Под наблюдение попали активисты и симпатизирующая им молодежь. В полицейские досье внесли и Арафата, хотя он быстро расстался с «братьями».

С его точки зрения, эта группа была слишком озабочена религиозными вопросами, считая распространение исламской морали первым шагом к созданию единого исламского государства. Арафат в ту пору не очень интересовался религией.

В 1956 году он наконец окончил университет. Он проучился целых семь лет, потому что оставался на второй год. Он получил работу в цементной компа-

нии, но это было последнее, чем ему хотелось бы заниматься. Он искал себе политическое поприще, но не мог найти. Тогда он решил перебраться в Кувейт, где существовал более либеральный политический климат.

В Кувейт, где появились большие нефтяные деньги, в поисках работы переезжало много молодых палестинцев, получивших образование. Арафат нашел место в строительном департаменте общественных работ, Халиль аль-Вазир стал учителем.

Условия жизни были трудными — жара и духота, отсутствие кондиционеров, плохая вода. Но местные власти помогали палестинцам, и здесь сохранялась определенная политическая свобода. Во всяком случае, палестинцы могли свободно собираться и обсуждать планы.

В 1958 году Арафат, Вазир и еще трое палестинцев создали организацию, которая должна была освободить Палестину. Организацию они называли ФАТХ. Название придумал Адель Абд аль-Карим, учитель математики.

Движение за национальное освобождение Палестины по-арабски звучит так: Харакат Тахир Филастин. Аббревиатура арабского названия читалась как ХАТАФ, что означает «смерть», а в обратном порядке — ФАТХ, что означает «победа».

Появился журнал под названием «Наша Палестина», его издавал Вазир. Он всегда мечтал стать журналистом. Журнал стал средством связи для единомышленников. Журнал издавали в Бейруте, и заинтересованные читатели могли написать в редакцию — почтовый ящик 1684.

10 октября 1959 года два десятка молодых палестинцев собрались в Кувейте на частной квартире и приступили к практической работе. Опасаясь проникновения агентов различных арабских спецслужб, создатели ФАТХ с самого начала ввели режим секрет-

ности. Они создавали небольшие ячейки и придиричиво относились к каждому желающему вступить в организацию.

Вступающему требовались рекомендации двух или трех уже существующих ячеек. Он должен был доказать, что порвал с любыми иными политическими партиями.

— Будущий член организации, — объясняли руководители ФАТХ, — не должен принадлежать ни к какому политическому движению. Мы хотим стать организацией всего палестинского народа, а не какой-то его фракцией. Мы не требуем, чтобы человек отказался от своих идей, но, став членом ФАТХ, он не должен вести внутри нашего движения пропаганды в пользу какой-то либо политической партии.

С политической программой и организационной структурой знакомили только членов организации. Само название ФАТХ оставалось секретом. Членам организации запрещалось обсуждать дела с родными и вести разговоры по телефону. Приказы передавались с посыльным.

По предложению Арафата, питавшего страсть к театральным эффектам, все взяли себе подпольные псевдонимы, основанные на арабском слове Абу — «отец чего-то». Так Арафат стал Абу Аммаром (существовал такой легендарный исламский воин Аммар, близкий пророку Мохаммеду). Вазир стал именовать себя Абу-Джихад, отец джихада, священной войны. Салах Халаф стал Абу Айядом.

Политическая программа ФАТХ предусматривала уничтожение Израиля и создание арабского государства на всей территории Палестины:

«Революционное насилие должно быть формой нашей борьбы, если мы хотим освободить свою родину. Нет никакой другой формы борьбы, кроме борьбы вооруженной. Это единственное средство для освобождения Палестины.

Если арабские страны попытаются предпринять какие-либо действия против Израиля, это будет расценено как «агрессия», тогда как наша борьба против Израиля будет рассматриваться как национально-освободительная борьба, то есть борьба вполне законная с точки зрения международного права.

Цель нашего движения — освободить всю палестинскую территорию от ливанской границы до Эйлата на Красном море, от Тивериадского озера до сектора Газа, от Средиземного моря до долины Иордана, ликвидировать сионистское государственное образование во всех формах — политической, экономической, военной и социальной».

Ясир Арафат ловко использовал свои политические связи для того, чтобы создать частный бизнес, который он поручил своему египетскому компаньону. Кувейт переживал строительный бум, и компания неплохо зарабатывала.

Арафат впоследствии говорил, что он стал крупным строителем и миллионером и купил четыре иностранных автомобиля. В реальности миллионером он не стал, хотя дорогие автомобили действительно обожал. Но и небольшие суммы позволили Арафату отказаться от работы. Знакомый доктор выписывал ему бюллетени пачками. Руководитель ФАТХ полностью отдался политической деятельности.

Он неустанно вербовал сторонников. Он делал ставку на образованных палестинцев, которые обладали обостренным национальным чувством. Новичкам внушали, что они вступают в мощную и многочисленную организацию. Арафат легко врал, для него желаемое было важнее действительного. Одним из важных союзников ФАТХ стал дальний родственник Вазира — Абу Набил, который работал в спецслужбе Ливии.

Руководители ФАТХ обратили внимание на палестинских студентов, которые учились в Европе. Только в ФРГ приехало три с половиной тысячи палестин-

ских студентов, у них существовала своя организация, которую возглавлял Хани аль-Хассан, который вступил в ФАТХ. Живущие в Европе палестинцы окажут и Арафату, и Хабашу большую помощь — деньгами, квартирами. Они свяжут палестинских боевиков с ультралевыми террористами Западной Европы.

В 1963 году в ФАТХ состояло несколько сотен человек, из них только двадцать были реально действующими активистами. Но цепь событий сыграла Арафату на руку.

В феврале 1958 года Сирия и Египет объединились и образовали Объединенную Арабскую Республику. Причем Насер сказал, что в новое государство могут вступить все арабские страны. Но желающих не оказалось. А через несколько лет против диктата Насера восстали сирийские офицеры, и Сирия вышла из Объединенной Арабской Республики.

Рухнул не просто союз Египта и Сирии, развеялись надежды на объединение всех арабов, что привело бы к освобождению Палестины. Гамаль Абд аль-Насер откровенно признал, что он «не собирается освобождать Палестину».

Это был удар для палестинцев. Но они увидели иной путь завоевать Палестину.

Алжир был колонией Франции с 1830 года. Осенью 1954 года в Алжире началось вооруженное восстание. Алжирцы требовали независимости. Оружием их снабжал Египет.

Ударные части французской армии уничтожали восставших алжирцев с помощью массированного применения артиллерии и бомбардировочной авиации. Но подавить восстание не удавалось, потому что бойцов алжирского сопротивления поддерживало население. Французская Служба внешней документации (разведка) получила указание «нейтрализовать» лидеров Фронта национального освобождения Алжира. Спецслужбы не справились с этой задачей.

.....

Президент Франции Шарль де Голль увидел, что алжирцы будут сражаться за свою свободу до бесконечности. А вот французы не могут до бесконечности умирать во имя величия империи. Французы продолжали считать, что Алжир должен остаться французским. Они надеялись растворить десять миллионов алжирцев-мусульман среди пятидесяти миллионов французов.

Де Голль сомневался, что это возможно:

«Мусульманское население, учитывая его этническое происхождение, его религию, его образ жизни и принимая во внимание тот факт, что с ним слишком долго обращались как с низшими существами, не позволит растворить себя или господствовать над собой...»

В июле 1963 года алжирский Фронт национального освобождения добился независимости от Франции, победив в войне, которая шла восемь лет.

Это был вдохновляющий пример для палестинцев. Алжирский опыт показывал, что добиться своего можно только силой оружия. Арафат восхищался алжирцами. И руководители нового государства симпатизировали палестинцам. В июле 1962 года ФАТХ открыл в Алжире первое заграничное представительство. Это был огромный успех для палестинской группы, существовавшей в подполье и не получавшей помощи ни от одного арабского государства.

Руководителем представительства стал Халиль аль-Вазир. Он перебрался в Алжир, где опекал палестинских студентов, видя в них будущих боевиков. Внутри алжирского руководства шла борьба. Когда полковник Хуари Бумедьен одолел Ахмеда Бен-Беллу, вождя антифранцузского восстания, которому Хрушев присвоил звание Героя Советского Союза, Алжир стал помогать ФАТХ. Бумедьен стал самым надежным союзником Арафата.

Именно в Алжире летом 1964 года Вазир организовал первый учебный лагерь для ста палестинских боевиков. Еще двадцать молодых парней алжирцы приняли в только что открытое военное училище.

В Алжире Вазир познакомился с китайским дипломатом, который заинтересовался палестинским вопросом. Вскоре они с Арафатом получили приглашение в Пекин от имени Комитета афро-азиатской солидарности. 17 марта 1964 года палестинцы прибыли в Пекин с фальшивыми паспортами на чужие имена. В следующем году в Китае открылось представительство ФАТХ. Китай первым из социалистических стран стал поставлять палестинцам оружие — причем бесплатно.

Летом 1964 года Вазир и его люди встретились в Алжире с профессиональным революционером Эрнесто Че Геварой, который был вторым человеком на Кубе. От них он впервые услышал о Палестине. И очень удивился, почему они до сих не начали революционной борьбы. Он обещал всяческую помощь со стороны революционной Кубы. Он затронул самое чувствительное место молодых палестинцев. Арафат и другие говорили о грядущей борьбе, но никто не знал, как ее вести. Палестинцы с восхищением расспрашивали Че Гевару, который изложил им теорию герильи — войны партизан против огромной армии.

Герилья — это война слабых против сильных, безнадёжно малого числа повстанцев против значительно превосходящих сил противника, внушал палестинцам Че Гевара. Сила повстанцев в том, что у них решительно ничего нет, нет даже надежды на успех борьбы. Лишь тот, кто готов умереть в борьбе, может считать оправданным лишение жизни других. А противнику есть что терять: имущество, блага, привилегии, безопасность, собственную жизнь, которой он дорожит, а также жизни тех, к кому он привязан или за которых в ответе...

ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ РЕКИ ИОРДАН,
ИЮЛЬ 1967 ГОДА

Арафат и сам думал и говорил о необходимости как можно скорее начать вооруженную борьбу. Его подстегивали события, происходившие в арабском мире.

13 января 1964 года президент Египта Насер пригласил в Каир руководителей арабских стран. Конференция глав тринадцати арабских государств продолжалась четыре дня. Поводом для обсуждения стали работы израильских ирригаторов, которые отводили воды реки Иордан для орошения пустыни Негев. Насер возмущался из-за того, что эти работы сделают Израиль более привлекательным для евреев.

Насер предложил создать орган, который бы представлял арабскую Палестину. Он нашел человека, которому поручил возглавить Организацию освобождения Палестины. Это был юрист и дипломат Ахмед Шукейри. Он работал в Лиге арабских стран и был представителем Саудовской Аравии и Сирии в ООН.

«Предусматривается также, что палестинцы будут вооружены, — докладывал в Москву посол в Каире Владимир Яковлевич Ерофеев, — и сведены в палестинские подразделения. Вопрос об этом и о создании «политической организации палестинского народа» поручено подработать Шукейри, который должен вступить в контакты с палестинцами во всех арабских странах, включая африканские».

В конце мая 1964 года в восточном Иерусалиме в гостинице «Амбасадор» собрались представители палестинцев из различных стран. Они провозгласили создание ООП.

«Во главе Организации освобождения Палестины, — информировал Москву посол Ерофеев, — усилиями

египтян был поставлен (несмотря на сопротивление Сирии, Саудовской Аравии и некоторых палестинских кругов) Шукейри...

Поскольку король Хусейн не в восторге от планов создания палестинской освободительной армии на территории Иордании, в которую включена значительная часть бывшей Палестины, Насер сделал великодушный жест, предоставив для обучения частей палестинской армии территорию Синайского полуострова и сектор Газа».

Для Ясира Арафата это была неприятная новость. Опытный дипломат, известный всему арабскому миру, Ахмед Шукейри был конкурентом. Если он начнет создавать свою армию, туда пойдут люди, которые могли бы вступить в ФАТХ.

Арафата не устраивало и сближение Шукейри с иорданцами, которые не желали появления самостоятельной Палестины.

15 сентября 1964 года временный поверенный в делах Советского Союза в Иордании отправил в Москву шифротелеграмму с изложением беседы с заместителем министра иностранных дел Иордании Зухейром аль-Муфти:

«Муфти обратил мое внимание на то, что все чаще идет речь о том, что Иордания и Палестина — это одно целое. Муфти дал понять, что после освобождения Палестины здесь будет создано одно государство.

Не исключено, что главой этого государства будет иорданец (может быть, король Хусейн), а во главе правительства станет палестинец (возможно, председатель Исполнительного комитета Организации освобождения Палестины Ахмед аш-Шукейри)... На иорданских марках имеется карта, на которой Иордания и Палестина изображены как единое целое».

Соратники Арафата пытались договориться с Шукейри, чтобы он оказал помощь боевым акциям ФАТХ.

Шукейри отказался, сославшись на то, что это может вызвать недовольство арабских стран.

Дискуссии внутри ФАТХ шли долго. Сторонники осторожной линии указывали на то, что нельзя начинать боевые действия раньше, чем будут подготовлены люди, накоплен запас оружия.

Арафат боялся, что если они промедлят, то ООП под руководством Шукейри станет единственным представителем палестинцев, и ФАТХ потеряет всякое значение. Важно как можно скорее заявить о себе. Кроме того, первые вылазки разожгут конфликт вокруг Израиля, считал он. Надо непрерывно провоцировать другие арабские страны, сталкивать их с Израилем. Такова была стратегия «народно-освободительной борьбы», которую проповедовал Арафат.

Арафат предложил товарищам компромисс. Боевые акции совершит не ФАТХ, а некая организация под названием «Аль-Асифа» (в переводе с арабского «Шторм»). Если операции против Израиля увенчаются успехом, ФАТХ продолжит начатое дело. Если боевики потерпят поражение, ФАТХ ни при чем.

Первая акция была намечена на Новый год. В ночь на 1 января 1965 года Арафат обещал взорвать израильскую водную систему на реке Иордан.

Новогодние бейрутские газеты поместили торжествующее «Коммюнике номер один Аль-Асифы», в котором говорилось о первом рейде революционных бойцов против сионистского врага. Но эта операция вообще не осуществилась. Ливанские власти арестовали боевиков Арафата раньше, чем они пересекли границу с Израилем.

Так же поступали и другие арабские страны. Через несколько дней иорданские солдаты застрелили палестинского боевика, который возвращался из Израиля. Ахмед Муса стал первым боевиком ФАТХ, павшим в бою. Он погиб от арабской пули.

7 января 1965 года израильтяне задержали первого палестинского боевика. Спецслужбы Израиля довольно легко справлялись с палестинскими террористами. Но в арабских газетах регулярно появлялись сообщения о больших успехах палестинских бойцов и тяжелых потерях израильтян.

Стратегия Арафата оказалась правильной. К нему потекли деньги. Причем среди жертвователей оказались такие важные фигуры, как шейх Ахмед Заки Ямани, будущий нефтяной министр Саудовской Аравии. Саудиты всегда поддерживали тех, кто конфликтовал с Египтом. Арафат успешно учился искусству лавировать между арабскими странами, ненавидевшими друг друга. В этом искусстве он не знал себе равных.

Шейх Ямани организовал поставку оружия для боевиков Арафата. Оно доставлялось из Анкары через Сирию и попадало в Ливан, где боевики учились стрелять и взрывать. Оружие привозил сотрудник саудовского посольства в Турции в машине с дипломатическими номерами.

Председатель исполкома Организации освобождения Палестины Шукейри назвал боевиков Арафата врагами арабского народа. Египетский президент Насер подозревал, что за Арафатом стоят «братья-мусульмане». В каирских газетах ФАТХ называли орудием Запада и сионизма, которые ищут предлога для нападения на арабские страны. Палестинских боевиков в секторе Газа египетская полиция арестовывала.

«Египет не хотел, чтобы мы имели свое оружие, — жаловались палестинские лидеры иностранным журналистам. — В секторе Газа нас преследовала египетская полиция. Египтяне нам не доверяли. Равным образом нас преследовали и бросали в тюрьмы в Иордании; там мы тоже не имели никакой возможности действовать. Единственной страной, предоставившей нам определенную свободу действий, была Сирия. Но

«большая любовь» сирийцев по отношению к нам не распространялась настолько далеко, чтобы снабдить нас оружием и сражаться бок о бок с нами».

В марте 1963 года в Сирии произошел военный переворот. Ясир Арафат удачно познакомился с палестинцем, который вырос в сирийской авиации до ранга полковника. Халед Хусейн служил личным охранником генерала, сыгравшего ключевую роль в военном перевороте благодаря своей безжалостности. Это был генерал Хафез аль-Асад, который в ноябре 1970 года станет хозяином страны.

Сирийцы первоначально поддержали Арафата. Но арабские правители использовали палестинский вопрос в собственных интересах и не терпели конкурентов. Арафат намеревался создать независимое палестинское государство. А в Дамаске Палестину считали частью будущей великой Сирии.

Сирийцы нашли более удобного для себя человека. Бывший майор сирийской армии Ахмед Джibrиль, возглавлявший Народный фронт освобождения Палестины — Главное командование, охотно работал под сирийским контролем.

Да и внутри ФАТХ многим не нравилась линия Арафата. 2 мая 1966 года центральный комитет ФАТХ проголосовал за отстранение Арафата от обязанностей военного руководителя. Обвинения — растрата денег, презрение к коллективному руководству, доклады о мнимых успехах в военной сфере.

Так что самую большую опасность для Арафата представлял не Израиль, а арабские режимы. В 1966 году его дважды арестовывали в Сирии.

Но Арафат видел главное — ФАТХ стал важным фактором политической жизни. И ему удавалось вновь и вновь стравливать еврейское государство и арабские страны, терактами провоцируя Израиль на ответные меры против соседей. В 1966 году из-за палестинских террористов израильтяне несколько раз

сталкивались с сирийцами. А 13 ноября 1966 года армия обороны Израиля нанесла удар по Западному берегу реки Иордан — в ответ на теракт, организованный палестинскими боевиками.

Президент Насер многократно обещал разгромить Израиль, если арабские страны будут действовать сообща. В начале 1967 года Египет и Сирия обещали наконец вернуть Палестину палестинцам. Казалось, победа близка... Оглушительное поражение арабов в шестидневной войне означало, что все обещания рухнули.

9 июня 1967 года растерявшиеся руководители ФАТХ под руководством Халиля аль-Вазира собрались в военном лагере под Дамаском. Только теперь они осознали масштабы поражения. Арабские армии были разгромлены и с позором бежали.

Теперь израильтяне контролировали Западный берег, сектор Газа и весь Иерусалим. Под их властью оказался почти миллион палестинцев, потрясенных поражением арабских армий и потерявших всякую надежду.

Многие руководители ФАТХ говорили, что вести борьбу против израильской военной машины — безумие. Ответный израильский удар может оказаться фатальным. Арафат считал, что борьбу надо продолжать. Его ненависть к Израилю была беспроектным козырем в борьбе за души и умы палестинцев. После шестидневной войны они поняли, что могут рассчитывать только на самих себя. Они откликнулись на призыв Арафата, увидев в нем вождя.

Арафат требовал от соратников диктаторских полномочий в военной сфере. Соратники не спешили отказываться от права контроля. Он пустил в ход все свое ораторское искусство — произносил жаркие речи, уходил, хлопая дверью, возвращался и опускался на колени. Он добился своего.

После шестидневной войны палестинцы пытались использовать опыт освободительных движений во Вьетнаме и Алжире. Заместитель Арафата Халиль аль-Вазир (он же Абу Джихад) разослал вербовщиков на Западный берег реки Иордан и в сектор Газа. Ему нужны были молодые люди, готовые сражаться против Израиля. Они отобрали пятьсот человек, которых долго проверяли, дабы убедиться, что среди них нет израильских агентов. Три недели они проходили военную и политическую подготовку в лагерях на территории Сирии.

В середине июля 1967 года нетерпеливый Арафат через Иорданию сам пробрался на Западный берег в надежде создать подпольную сеть. Он пытался вербовать боевиков, обещая им оружие. Он видел себя вторым Мао Цзэдуном, разжигающим пламя народной войны. Он прятался в деревушке рядом с городом Дженин, уверенный, что вот-вот вспыхнет восстание.

На Западном берегу он познакомился с Фейсалом аль-Хусейни, происходившим из богатого арабского рода. Тот был внуком великого муфтия и сыном героя первой арабо-израильской войны Абд аль-Кадера аль-Хусейни.

В 1966 году Фейсал Хусейни окончил курсы палестинских офицеров в Дамаске. Фейсал был последователем Жоржа Хабаша, верил в единое арабское государство и работал на ООП. Арафат его перевербовал... Фейсал вступил в ФАТХ и основал свой лагерь для подготовки боевиков в Ливане.

Но в остальном подпольная деятельность Арафата оказалась неудачной. Западный берег — сельский район, он жестко контролировался иорданцами до шестидневной войны. Люди здесь просто не были готовы к политической и тем более боевой деятельности. Они не откликнулись на призывы Арафата. Ему пришлось удовольствоваться разговорами — братья за оружие палестинцы не спешили.

Его самого едва не поймали. Он скрывался в Рамалле на конспиративной квартире. В декабре израильская контрразведка Шин-Бет получила сведения о том, где он ночует. Но когда контрразведчики ворвались в дом, Арафата уже не было. Он выскочил в окно и исчез. Он убежал в Иорданию в женской одежде и с чужим ребенком на руках. Его спасла природная способность ощущать опасность.

Матрас, на котором он спал, конфисковали, и на нем многие годы дремал дежурный в местном полицейском участке...

Победа в шестидневной войне 1967 года поставила израильские спецслужбы в трудное положение. Они не были готовы контролировать столь большое арабское население и не горели желанием этим заниматься. У них даже не было достаточного оперативного состава. Они не предполагали, что оккупированные территории надолго останутся под контролем Израиля. Все считали, что быстро удастся заключить мир с арабскими странами и израильтяне уйдут с оккупированных территорий.

Но время шло, а о заключении мира не было и речи. Палестинцами занялась контрразведка (Шерут биталон клали — Служба общей безопасности, сокращенно — Шабак или Шин-Бет).

Само существование Шин-Бет в Израиле долгое время скрывалось, потому что его сотрудники не только боролись с иностранными шпионами и арабскими террористами, но и следили за ультраправыми и ультралевыми израильскими политиками, которых правительство побаивалось.

В Шин-Бет насчитывалось около тысячи человек, половина имела офицерское звание. Аппарат контрразведки состоял из восьми отделов. Из них два главных — отдел безопасности и отдел, занимавшийся арабскими делами. Остальные вспомогательные: планирования и координации, поддержки оперативной

.....

работы, технических средств, расследований, юридический и административный...

До войны 1967 года главной заботой Шин-Бет была борьба с советскими и арабскими шпионами. В первые недели после шестидневной войны сотрудникам Шин-Бет даже показалось, что работы у них теперь станет совсем мало, ведь закрылись посольства социалистических стран, советские разведчики, работавшие под дипломатической крышей, уехали.

Отныне главной задачей Шин-Бет стал контроль за арабским населением. Премьер-министр Леви Эшкол хотел, чтобы ситуацию на оккупированных территориях определяли не прямолинейные военные, а более гибкие люди в штатском, контрразведчики.

Вначале это было не так уж трудно. До шестидневной войны в Израиле жило примерно двести тысяч арабов. Они вели себя почти лояльно. Вскоре ситуация радикально изменилась. В Шин-Бет почувствовали растущую угрозу и добились от премьер-министра Леви Эшкола разрешения увеличить штаты контрразведки.

Все владеющие арабским языком были мобилизованы для службы на оккупированных территориях. Израильтяне воспользовались досье иорданской полиции, в которых значились все политически активные палестинцы. К декабрю 1967 года шестьдесят боевиков были убиты, триста арестованы.

Четыреста молодых палестинцев, учившихся и работавших в Западной Германии, бросили все и поехали на Ближний Восток. Они прошли общую подготовку в Алжире и диверсионную — в Сирии. Потом их всех заслали на оккупированные территории с задачей развернуть партизанскую войну против израильтян. Но это было обреченное дело — они не соблюдали никаких правил, и все знали, кто они такие. Они предпочитали собираться в кафе, где их и задержива-

ли. Почти все они были сразу пойманы, некоторые погибли в перестрелке.

Шин-Бет стала для палестинцев главной властью, это название палестинцы произносили со страхом и ненавистью. К концу 1967 года первая попытка организовать борьбу против израильтян была подавлена.

Палестинские боевики пытались просачиваться на оккупированные территории через долину Иордана. Однако этот район не годился для партизанской войны. Зимой берега Иордана покрываются грязью, на которой остаются следы, легко обнаруживаемые израильскими самолетами-разведчиками.

К югу от Мертвого моря почва настолько засолена, что соль выступает на поверхность, покрывая землю белым, словно снежным, покровом. Боевиков, пытавшихся проникнуть в этот район, немедленно находили. Израильтяне заминировали весь Западный берег и установили электронные сигнальные системы.

— В начале нашей борьбы мы пытались использовать практику других революционных движений, — признавались соратники Арафата. — Но очень быстро убедились, что из-за топографических особенностей местности мы должны выработать свои особые формы стратегии.

На короткое время Ясир Арафат и Жорж Хабаш заключили союз. До войны 1967 года Хабаш слепо верил в Насера. Поражение в шестидневной войне привело его к той же мысли, что и Арафата: надо действовать самим. Два палестинских лидера встретились в Дамаске. Договорились, что пора переходить к вооруженной борьбе и что нужно единство. Дальше разговоров дело не пошло. Ни тот ни другой не готовы были уступить право отдавать приказы.

Хабаш создал свою организацию — Народный фронт освобождения Палестины. Многие арабские режимы тоже хотели иметь собственные палестинские группы.

Сирия создала «Аль-Сайга», Ирак — Арабский фронт освобождения.

Палестинские группы соревновались друг с другом. Они старались создать впечатление собственной значимости. Когда министр обороны Израиля Моше Даян получил травму в археологической экспедиции, ФАТХ с гордостью сообщил, что нанес удар по Даяну. Люди Арафата хвастались, что взорвали гараж начальника генштаба армии обороны Израиля Ицхака Рабина. Хотя у Рабина гаража вообще не было...

Осенью 1967 года ФАТХ и другие группы создали на восточном берегу Иордана базы для переброски боевиков на территорию Израиля. Самой крупной базой был Карамех.

Палестинцы переправлялись через реку Иордан, закладывали мины, бросали гранаты в израильтян и старались ускользнуть. Почти всех ловили или уничтожали. Но количество терактов выводило израильские власти из себя. Вместо того чтобы установить проволочные заграждения, израильская армия наносила артиллерийские и авиаудары по базам палестинцев. Иорданская армия отвечала. Перестрелка следовала за перестрелкой.

18 марта 1968 года школьный автобус подорвался на mine, установленной палестинцами. Погибли один мальчик и школьный доктор, двадцать девять школьников пострадали.

Все понимали, что ответ неизбежен. В Израиле особенно болезненно относятся к убийству детей. В тот же день Ясира Арафата и Абу Айяда, который в ФАТХ руководил разведслужбой, вызвал в Амман командующий иорданской армией генерал Ахмед Хаммаш. При разговоре присутствовал командир иракской дивизии, которая оставалась на иорданской земле с войны 1967 года. Генерал Хаммаш предупредил палестинцев о приближении израильских войск и рекомендовал отойти в горы.

Арафат гордо ответил, что они останутся и попробуют дать бой израильтянам. Он рассчитывал на помощь иорданской армии и иракской дивизии.

— Мы превратим Карамех во второй Ленинград, — обещал Арафат с горящими глазами.

В половине шестого утра 21 марта израильские самолеты разбросали над территорией палестинских лагерей листовки с предложением сдаться. Они также выбросили десант, который сразу же столкнулся с боевиками Жоржа Хабаша, пришедшими на помощь Арафату.

Израильтяне втянулись в бой раньше, чем ожидали. Главная колонна израильских войск, изменив план, пошла восточнее и оказалась под огнем иорданских войск, которые вступили в бой, несмотря на приказ короля Хусейна не вмешиваться. Израильтяне понесли большие потери.

База боевиков в конце концов была уничтожена, погиб каждый четвертый из бойцов Арафата. Но он был счастлив — впервые арабы не трусили, не бежали, а сражались. Он называл этот бой первой победой арабов над израильтянами и рассказывал историю о семнадцати бойцах, которые погибли в окопах. В их честь личная охрана Арафата называлась «Отряд-17». (Впрочем, некоторые знатоки уверяют, что цифра 17 имеет иное происхождение — это добавочный номер телефона, установленного в комнате личной охраны Арафата в Бейруте.)

Бой вела иорданская армия, но лавры, по политическим причинам, достались Арафату. Иорданские власти не спешили признать свое участие, опасаясь израильской реакции. В арабском мире этой бой вызвал энтузиазм. В ФАТХ пожелали вступить пять тысяч человек.

Начальник израильской военной разведки генерал Аарон Ярив говорил, что именно этот эпизод заставил израильтян всерьез отнестись к палестинскому движению, и к ФАТХ в первую очередь.

Через месяц Арафат получил вождеденное право говорить от имени ФАТХ, хотя другие члены центрального комитета согласились на это очень неохотно. Арафат сумел добиться признания и в мире. Он раздавал интервью всем, кто просил. Он был неутомим на этом поприще.

Бойцы ФАТХ свободно разгуливали по улицам Аммана и Бейрута. Они чувствовали себя героями, которым все должны помогать. Арабским странам не оставалось ничего иного, как оказать помощь организации Арафата — его движение стало популярным.

Ливия и Саудовская Аравия давали деньги. Сирия и Ирак обучали боевиков. В учебном лагере рядом с сирийским портом Латакия открылись полуторамесячные курсы, на каждый поток зачисляли триста пятьдесят палестинцев. Так что количество боевиков быстро увеличивалось.

К концу 1968 года в распоряжении Ясира Арафата находилось две тысячи вооруженных людей. Командиров отправляли учиться в военное училище Народно-освободительной армии Китая в Нанкине.

— Наши кадровые командиры, — рассказывали руководители ФАТХ, — предпочитают получать военную подготовку в Народном Китае, и вся наша военная стратегия носит печать идей нашего учителя Мао. Мао Цзэдун сказал, что великую стратегию можно выработать только в ходе вооруженной борьбы...

Недостатка в автоматах Калашникова палестинцы тоже не ощущали. Китайцы, которые выпускали автоматы на заводах, купленных в Советском Союзе, щед-

ро снабжали ими палестинцев. Они называли советские автоматы «клашин» и посвящали «АК-47» стихи:

«Клашин» заставляет кровь литься потоками.
Хайфа и Яффа ждут нас.
Боец, вперед! И ни о чем не тревожься.
Стреляй! Взорви ночную тишину!

Арафат организовал военно-идеологическую подготовку палестинских детей — с восьми лет их учили держать в руках оружие и ненавидеть израильское государство.

Теперь Арафату недоставало только политического признания ведущих арабских стран, прежде всего Египта.

Гамаль Абд аль-Насер подозрительно относился к ФАТХ. Египетская разведка предупреждала его, что палестинцы хотят его убить. Он все-таки принял двух ближайших соратников Арафата — Фарука аль-Каддуми и Абу Айяда, который пришел с чемоданчиком. Насер позднее признался, что во время беседы думал, а нет ли в чемоданчике взрывчатки.

В апреле 1968 года Насер согласился встретиться с самим Арафатом. Египетский президент увидел, что боевые акции ФАТХ служат хорошим фоном для тайных контактов с Соединенными Штатами. Египетский президент обещал Арафату помощь и действительно стал давать ему оружие и обучать его людей. Причем в Египте боевиков учили по полной программе — разведывательно-диверсионным действиям. В Каире открылась радиостанция «Голос ФАТХ».

В июле 1968 года Насер включил Арафата в состав делегации, с которой приехал в Москву. Арафат путешествовал с фальшивым египетским паспортом на имя Мухсина Амина. К Арафату в Москве относились

.....

подозрительно, но тем не менее это было началом важных для него отношений с Советским Союзом.

Саудовский король Фейсал согласился перечислять ФАТХ семь процентов зарплаты всех палестинцев, которые работали в королевстве, — своего рода «налог на освобождение».

Арафат ладил с самыми разными сидами. Для короля Фейсала он был человеком, обещавшим освободить святыни Иерусалима из-под власти евреев. Для китайцев — врагом американского империализма. Для арабских режимов — борцом против сионистов. Для палестинцев — освободителем родины.

Ясир Арафат откровенно защищал свое право быть политическим хамелеоном.

— Почему я должен отказываться от чьей-то помощи? — говорил он. — На деньги саудитов я покупал китайское оружие! Ради Палестины я готов на союз с самим дьволом.

В 1968 году по ходатайству алжирцев президент Шарль де Голль разрешил ФАТХ открыть свое представительство в Париже. Это было первое палестинское представительство в Европе. Опять же по наводке алжирцев западноевропейские радикальные организации заинтересовались палестинцами и изъявили желание помогать товарищам по совместной антиимпериалистической борьбе.

В декабре 1967 года руководители Организации освобождения Палестины потребовали, чтобы инертный Ахмед Шукейри ушел в отставку. Он сопротивлялся, обратился за помощью к Насеру. Египетский президент не захотел вмешиваться. Накануне рождества Шукейри отказался от должности и перебрался в Бейрут писать мемуары.

Перед Арафатом открывались большие перспективы. Активисты ФАТХ не желали иметь ничего общего

с бюрократами из ООП. Но Арафат оценил возможность получить в свое распоряжение уже признанную структуру, которая располагает заграничными представительствами, политическими департаментами и источниками финансирования.

Он решил сплотить под крышей ООП все палестинские группы, чтобы превратить движение в мощную силу. Летом 1968 года боевые организации присоединились к ООП и стали задавать в ней тон. Под их давлением в Палестинскую национальную хартию записали: «Вооруженная борьба — единственный путь освободить Палестину».

В январе 1969 года Арафат попал в автокатастрофу по дороге из Аммана в Багдад. Он всегда обожал быструю езду. Он сам сидел за рулем черного «Мерседеса» и гнал со скоростью сто тридцать километров в час по мокрому шоссе. Он пытался обогнать грузовик и увидел, что сейчас столкнется с идущей навстречу машиной. Он дал по тормозам и врезался в грузовик.

— Я услышал стоны Арафата и решил, что он умирает, — рассказывал его соратник Абу Дауд, который тоже находился в машине. — Он лежал на полу. Рука у него была сломана, он ударился животом и на несколько дней лишился памяти.

Через месяц Арафат настолько пришел в себя, чтобы присутствовать на заседании Палестинского национального совета. 3 февраля 1969 года в присутствии Насера Арафата избрали председателем исполкома Организации освобождения Палестины.

Тем, кто его не знал, его манеры казались странными. Он выступал по каждому поводу. Немедленно брал слово, если кто-то пытался ограничить его власть или вторгнулся в его прерогативы. Он понимал свою роль в арабском мире. Теперь он мог на равных говорить с королями и президентами.

В декабре 1969 года Арафат приехал в Рабат на встречу лидеров арабских стран и потребовал, чтобы они дали ООП сорок четыре миллиона долларов. Никто не оспаривал его право говорить от имени палестинцев и требовать помощи.

Только Жорж Хабаш не признавал его власть. Он возражал против того, что ФАТХ фактически монополизировал ООП, и отказался участвовать в заседании Национального совета, обиженный тем малым числом мест, которые выделили его группе.

В 1969 году один французский журналист совершил поездку по Ближнему Востоку и встретился с руководителями ФАТХ. Это было первое достаточно откровенное интервью палестинских боевиков иностранным журналистам.

— ФАТХ решительно отклоняет культ вождя, — говорили соратники Арафата. — Именно культ Насера способствовал разрушению арабского мира. Ясир Арафат не обладает всей полнотой власти в нашем движении. Он всего лишь один из членов центрального комитета, уполномоченный говорить от имени ФАТХ. На конгрессе в сентябре 1969 года Арафат говорил об успехах нашего движения. Один из членов ФАТХ поднялся и сказал: «Мы уже слышали твои слова о наших победах, но сейчас мы собрались, чтобы обсудить наши ошибки». После этого Арафат в течение полутора часов говорил о своих собственных ошибках. С помощью самокритики мы можем предупредить появление культа личности. Мы никогда не будем иметь своего Насера, и, чтобы этого не случилось, мы всегда начеку. Кроме того, личные качества нашего брата Арафата являются гарантией того, что он не попытается действовать самостоятельно...

Соратники Арафата, которые питали такого рода иллюзии, очень скоро убедились в том, что они ошибаются.

АММАН, СЕНТЯБРЬ 1970 ГОДА

Палестинцы прочно обосновались в Иордании. Они проникли в армейские структуры. Они пользовались полной поддержкой иракской дивизии, которая так и не вернулась домой.

«На улицах Аммана, — рассказывал один из иностранных журналистов, — я видел много вооруженных палестинцев. Они свободно ходят по городу, и никто из иорданских полицейских не проверяет их документов.

Король Хусейн уже не может воспрепятствовать свободному передвижению вооруженных партизан. Палестинское движение имеет свою, пусть небольшую, но настоящую, хорошо обученную армию, которая практически полностью контролирует страну, оставив иорданским властям только чисто административные и политические функции».

Арафат рассматривал Иорданию как базу для ведения войны. Он же видел, как вьетконговцы в Южном Вьетнаме опирались на Северный Вьетнам.

Но король Хусейн вовсе не хотел превращать свое государство в чью-то военную базу! Он был глубоко возмущен тем, что палестинцы получили власть над Иорданией, но до поры до времени вынужден был скрывать свои чувства.

Эмират Трансиордания с населением двести тридцать тысяч жителей, немалую часть которых составляли кочующие бедуины, появился в 1920 году. После Второй мировой войны эмират превратился в королевство.

После раздела Палестины в королевстве оказалось четыреста пятьдесят тысяч иорданцев и девятьсот тысяч беженцев из Палестины. Многие из них ненавидели первого иорданского короля Абдаллаха: он

вовсе не собирався помогать палестинским арабам сбросить евреев в море и создать свое государство.

20 июля 1951 года короля Абдаллаха убили на Храмовой горе как предателя, замышлявшего мир с Израилем.

После смерти Абдаллаха трон должен был наследовать его сын — эмир Талал, но он властвовал только девять месяцев. Его отстранили от власти по причине психического нездоровья. Королем стал несовершеннолетний внук Абдаллаха принц Хусейн.

Король Хусейн, как и его дед, король Абдаллах, был наделен обаянием и немалым мужеством. Он мог спокойно появиться посреди беснующейся толпы или посетить воинскую часть, не взяв с собой охраны и не боясь за свою жизнь.

В отличие от Абдаллаха он был просвещенным монархом. Он прекрасно понимал пределы своей власти. Он знал, что не может делать то, что не понравится его собственным подданным и арабскому миру в целом.

В самой плодородной и богатой части Иорданского Хашимитского Королевства обосновались палестинцы, которые считали, что его дед — эмир Абдаллах, основатель Хашимитского Королевства, предал палестинское дело и пошел на союз с Израилем. Многие населяющие Иорданию палестинцы вообще считают королевство искусственным образованием.

Короля Хусейна всегда тревожила перспектива создания независимого палестинского государства. Он понимал, что рано или поздно палестинцы захотят получить и часть территории Иордании, что никак не устраивало короля.

Арафат вел себя в Иордании, как хозяин. Он неустанно объезжал свои отряды. Он не нуждался в отдыхе. Он не пил и не курил. Развлечением были комиксы, американские мультфильмы и игра в пинг-понг.

Король Хусейн видел, что гости создают государство в государстве и он лишается власти над страной. Арафат намеревался начать войну против Израиля с территории Иордании.

Король этого боялся. Мало того, что после каждого теракта Израиль наносил ответный удар по иорданской территории, — сами палестинские боевики вели себя в стране, как хозяева. Многие из них под угрозой применения оружия вымогали у местных жителей «пожертвования».

В октябре 1968 года один из руководителей ФАТХ, Абд аль-Фатах Хамуд, погиб в автомобильной катастрофе. Его похороны превратились в антииорданскую демонстрацию. Тысячи палестинцев, многие с оружием, съехались в Амман и выкрикивали антииорданские лозунги.

Палестинцы бросили вызов королю Хусейну. Руководители ФАТХ жаловались на то, что проверки на дорогах, устраиваемые иорданской армией и полицией, мешают вооруженной борьбе против Израиля.

2 ноября 1968 года палестинцы ворвались на территорию американского посольства в Аммане. Служба безопасности разогнала толпу и арестовала организатора мятежа. На следующий день его товарищи захватили и обезоружили группу иорданских полицейских. В ответ иорданские войска начали борьбу с боевыми группами. Они захватывали склады с оружием и окружали лагерь палестинцев. Разгорелась настоящая война.

Арафат поспешил уладить это дело. Он получил аудиенцию у короля Хусейна, и 16 ноября они подписали соглашение. Палестинцам запрещалось в городах ходить в форме и с оружием в руках, а также обстреливать Израиль с территории Восточного берега реки Иордан.

Палестинцев ненавидела иорданская армия, состоявшая из бедуинов. Иорданские войска воспринимали

людей Арафата как преступников и отказывались им помогать. Военные не понимали, почему король не призовет палестинцев к ответу. Палестинцы демонстрировали им свое презрение. Они нападали на военных, когда те приезжали в увольнение в свою деревню, и отбирали у них оружие, чтобы показать, кто в стране хозяин.

Однажды палестинцы убили солдата, отрезали ему голову и играли ею в футбол. Палестинцы создавали свою полицию и свои суды, они устанавливали посты на дорогах и собирали деньги.

В городах начались грабежи. Владельцы магазинов и лавок жаловались в полицию, но полиция не могла им помочь.

Абу Дауд, который командовал пятнадцатитысячным отрядом палестинцев, предлагал взять власть в стране. Арафат не спешил. Он не верил, что король Хусейн посмеет выступить против палестинцев. В составе королевской армии были палестинцы, они должны были поддержать собратьев. На это Арафат и надеялся.

Тем временем Жорж Хабаш, руководитель Народного фронта освобождения Палестины, начал серию громких терактов. В декабре 1967 года на территории Сирии он создал свою организацию.

Хабаш обещал изгнать евреев из Палестины и создать марксистско-ленинский режим. Он также призывал свергнуть реакционные арабские режимы. Иорданский король Хусейн занимал в этом списке первое место. Пропагандисты Хабаша на улицах иорданских городов призывали к марксистской революции. Для иорданцев слышать это было дико. На помощь Хабашу прибыли европейские ультралевые. Они учились диверсионной работе и поддерживали революционные планы Хабаша.

В тот момент Жорж Хабаш был палестинским террористом номер один. Хабаш опирался на помощь

Ливии и Южного Йемена. Он считал наиболее эффективными атаки на гражданские объекты с большим количеством жертв, потому что о таких акциях говорил весь мир.

22 июля 1968 года трое боевиков Хабаша захватили самолет израильской авиакомпании, направлявшийся из Рима в Тель-Авив, и заставили его сесть в Алжире, где тридцать восемь пассажиров и десять человек экипажа оказались в положении заключенных. Глава Алжира Хуари Бумедьен ненавидел Израиль и помогал всем боевым организациям палестинцев.

Через пять дней террористы освободили иностранцев, женщин и детей; израильтяне оставались в заложниках еще тридцать девять дней.

Спецслужбы Израиля оказались не готовы к захвату самолетов, поэтому правительству пришлось выполнить требования террористов и выпустить шестнадцать палестинцев, отбывавших наказание в израильских тюрьмах.

Министр обороны Моше Даян был против того, чтобы выполнять их требования. Но премьер-министр Леви Эшкол, мягкий по характеру, к нему не прислушался. Террористы получили то, чего они хотели. Это создало опасный прецедент. Террористы будут вновь и вновь брать мирных людей в заложники, чтобы освободить своих людей.

26 декабря 1968 года палестинцы попытались захватить еще один израильский пассажирский самолет в афинском аэропорту. Они убили одного пассажира, нескольких ранили. Греческая полиция арестовала боевиков. Оказалось, что они прибыли из Ливана, где проходили диверсионную подготовку.

На совещании у премьер-министра Леви Эшкола присутствовали министр обороны Даян, начальник генерального штаба Хаим Бар-Лев, руководители контрразведки Шин-Бет Иосэф Хармелин и политической разведки Моссад Цви Замир.

Присутствующие говорили, что Ливан должен ответить за то, что предоставляет убежище террористам. Премьер-министр Эшкол, умеренный и спокойный политик, склонный к компромиссам, был против. Но Даян настоял на своем. Он доказывал: если оставить этот теракт без ответа, арабские страны решат, что Израиль слаб.

Он отправил отряд боевых вертолетов, который уничтожил в бейрутском аэропорту тринадцать арабских самолетов. Мировое сообщество выразило возмущение, и такие демонстративные операции израильтяне больше не повторяли. Впредь они наносили ответные удары непосредственно по палестинским объектам.

После первого же теракта Шин-Бет было поручено организовать охрану пассажирских самолетов. Вооруженные агенты стали сопровождать каждый рейс. Эти меры безопасности стоили огромных средств, но спасли многие жизни.

18 февраля 1969 года в цюрихском аэропорту боевик из Народного фронта освобождения Палестины открыл огонь по израильскому пассажирскому самолету, стоявшему на взлетной полосе. Он ранил обоих пилотов и был застрелен сотрудником службы безопасности Мордехасем Рахаминым. Дома его встретили как героя. Его пример показал, что с воздушными террористами можно успешно бороться.

29 августа 1969 года группа Хабаша впервые захватила американский самолет, летевший в Дамаск. Руководила операцией двадцатилетняя Лейла Халед. Идея Хабаша состояла в том, чтобы показать американцам — им тоже придется несладко, если они не перестанут поддерживать Израиль.

Среди пассажиров были двое израильтян. Полтора месяца сирийцы держали их у себя. В конце концов через посредников была заключена сделка. Сирийцы освободили обоих пассажиров, а через некоторое вре-

мя на родину вернулись двое сбитых в воздушном бою сирийских пилотов.

Палестинские террористы несколько раз нападали на представительства израильской авиакомпании «Эль-аль». 10 февраля 1970 года они бросили гранату в автобус, перевозивший пассажиров в мюнхенском аэропорту. Один из пассажиров погиб, одиннадцать были серьезно ранены. Террористы подожгли в Мюнхене дом для престарелых евреев, и семь стариков погибли в огне.

22 февраля 1970 года был взорван швейцарский самолет, который летел в Тель-Авив. Погибли сорок семь пассажиров и членов экипажа, в том числе пятнадцать израильтян.

— Наша борьба только началась, — предупреждал Жорж Хабаш, — худшее для наших врагов еще впереди. Мир использовал нас и забыл о нас. Вот теперь мир понял, что мы существуем. Мы продолжим нашу борьбу, какой бы ни была цена.

Король Хусейн ощущал давление мирового сообщества, недовольного тем, что он дает приют террористам.

10 февраля 1970 года Хусейн подписал декрет, который запрещал ношение оружия и требовал от боевиков предъявлять удостоверение личности при первом требовании. Кроме того, декрет временно прекращал в стране всякую политическую деятельность.

Палестинские руководители потребовали отменить королевский декрет, вывести воинские контингенты из городов и предоставить боевикам полную свободу действий. Взаимное недовольство переросло в перестрелки. Три дня армия вела действия против палестинцев. Власти отключили в палестинских лагерях свет и воду.

Столкновения между иорданцами и палестинцами происходили и раньше: в ноябре 1968 года погибли двадцать восемь палестинцев и четыре иорданца. Но

сейчас это была уже настоящая война. Арафат обратился за помощью к Сирии и Ираку. Обе страны потребовали от короля Хусейна прекратить атаки против палестинцев. Давление было слишком сильным, чтобы король мог ему противостоять.

14 февраля король приостановил действие декрета, объяснив, что все это было просто недоразумением. Через неделю Хусейн и Арафат, вернувшийся из Москвы, подписали новое соглашение. Хусейн широким жестом отправил в отставку министра внутренних дел, который отвечал за проведение в жизнь королевского декрета.

Палестинские боевики торжествовали победу. Арафат требовал от Хусейна новых уступок. В апреле король назначил начальником генштаба генерала, который тесно сотрудничал с Арафатом. Но столкновения между боевиками и армией продолжались. Арафат не собирался призывать своих бойцов к порядку. Он ошибочно считал себя сильнее короля.

Летом 1970 года боевики Арафата фактически пытались взять власть в Иордании и убить короля.

7 июня вспыхнули настоящие бои между иорданской армией и палестинцами. 9 июня палестинцы обстреляли машину короля Хусейна, тот случайно остался жив.

Боевики Хабаша захватили шестьдесят восемь иностранцев в бейрутских отелях в качестве заложников. Королю пришлось вновь идти на уступки. По требованию палестинцев он убрал из армии двух своих родственников. Сестру одного из них застрелили палестинцы, и теперь они не хотели, чтобы им мстили.

В конце июня Хусейн сформировал правительство, пригласив в него тех, чьи имена называли палестинцы.

Арафат и его окружение окончательно уверились в том, что они могут руководить Иорданией, как им пожелается. Это было своего рода головокружение от успехов.

Палестинские лидеры поссорились даже с египетским президентом Насером, который последние два года им очень помогал. Усталый и больной Насер 23 июля 1970 года заявил, что готов принять американский план мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Это был так называемый «план Роджерса» — по имени тогдашнего государственного секретаря Уильяма Роджерса, предполагавший отход Израиля с занятых им в ходе войны территорий в обмен на гарантии безопасности.

План был выдвинут в конце предыдущего года. Насер поначалу публично отверг его, обещав освободить утраченные территории огнем и мечом, а потом изъявил готовность договариваться при посредничестве американцев.

Палестинцы были в бешенстве. Радио ФАТХ обещало «пулями подавить любую попытку навязать политическое решение». В Аммане палестинцы устроили антиегипетскую демонстрацию; на плакатах Насер был самым оскорбительным образом изображен верхом на осле.

Уязвленный Насер закрыл палестинскую радиостанцию в Каире и выслал из страны радикалов. Тут до Арафата дошло, что он попал в беду. Он вылетел в Египет. Насер принял его в летней резиденции возле Александрии. Разговор продолжался семь часов. Египетский президент потребовал не трогать иорданского короля Хусейна.

— Не произносите мне тут героические речи, — предупредил он. — Я хочу сохранить Хусейна. Я не прошу вас раскрывать мне ваши секреты. Но я вас предупреждаю — даже не думайте о свержении короля.

Его слова не подействовали.

2 сентября палестинцы вновь попытались уничтожить короля. В ответ иорданские войска атаковали позиции боевых отрядов. Арафат отправился в Багдад,

где его выслушали более чем сочувственно. Иракцы обещали, что иракская дивизия в Иордании придет ему на помощь. Ни одно другое арабское государство военной помощи не обещало.

7 сентября боевики Жоржа Хабаша, который в тот момент находился в Северной Корее, попытались захватить сразу четыре пассажирских самолета.

Один из самолетов, летевший из Амстердама в Лондон, принадлежал израильской авиакомпании, на этих рейсах пассажиров уже сопровождал охранник.

Налетом руководила ставшая знаменитой Лейла Халед. Никарагуанец Патрисио Аргуэльо играл роль ее мужа. Когда самолет подлетал к британскому побережью, они достали оружие и бросились к кабине пилота. Но летчик внезапно взял штурвал на себя, самолет взмыл вверх, и террористы не удержались на ногах. Аргуэльо бросил гранату, которая полетела в хвост самолета, и тогда охранник, сидевший в салоне среди пассажиров, застрелил террориста.

Лейлу Халед он пожалел. Ее обезоружили и связали руки галстуками. Наручников у израильтян не оказалось.

Пилоты израильских самолетов имели твердый приказ в такой ситуации лететь в Израиль. Но один из террористов тяжело ранил стюарда. Командир корабля Ури Бар-Лев, опасаясь за его жизнь, принял решение сесть в Лондоне. Служба безопасности израильской компании настаивала на том, что террористку надо отправить в Израиль, где ее будут судить. Но британская полиция отстояла свои права и заполучила Лейлу Халед.

Захваченный боевиками «Боинг-747» американской компании «Пан-Америкэн» оказался слишком большим и не смог сесть там, где планировал Вади Хаддад. Террористы полетели в Каир, там отпустили пассажиров, а лайнер взорвали.

Зато два других угнанных самолета — американский «Боинг-707» и швейцарский «ДС-8» — посадили в Иордании, в заброшенном военном аэропорту Доусона, который палестинцы переименовали в «аэропорт революции». Женщинам и детям разрешили сойти на землю, остальных держали в качестве заложников в самолетах. Пассажиры задыхались от жары под палящим солнцем пустыни. Жорж Хабаш заявил, что «это первый удар по Соединенным Штатам, которые вознамерились уничтожить палестинский народ».

10 сентября палестинцы захватили еще и британский самолет, который летел из Бомбея в Лондон, чтобы обменять его пассажиров на Лейлу Халед. Машину посадили в той же пустыне. К заложникам прибавилось еще сто пятьдесят.

Британское правительство выпустило Лейлу Халед и еще шестерых террористов, отбывавших наказание.

13 сентября палестинцы освободили всех заложников, кроме сорока, и взорвали в Доусоне все три самолета.

Чаша терпения короля Хусейна переполнилась.

16 сентября король Хусейн ввел военное положение в стране, сформировал военное правительство и потребовал, чтобы верные ему армейские части очистили страну от палестинских боевиков.

Правительственные войска, состоявшие из бедуинов, атаковали штаб палестинских боевиков. Армейские командиры давно хотели избавиться от палестинцев.

Представители правительства в последний раз предложили Арафату договориться.

— Извините, — высокомерно ответил он, — ситуация вышла из-под контроля. Все, что я могу сделать, это дать вашему королю двадцать четыре часа на то, чтобы он покинул страну.

В реальности у палестинских отрядов не было плана действий. 17 сентября иорданские танки из 60-й

.....

механизированной бригады вошли в Амман. Началось безжалостное изгнание из страны палестинских боевиков. Обещание Ирака помочь палестинцам не было выполнено. В Багдаде не решились приказать своей дивизии выступить против короля Хусейна. Арафат обвинил Ирак в предательстве.

20 сентября сирийцы пришли на помощь палестинцам. Две сирийские танковые бригады перешли границу Иордании. Палестинцы объявили северную часть страны освобожденной территорией. Но иорданцы упорно сопротивлялись. Король Хусейн приказал своей авиации бомбить сирийскую бронетехнику.

Сирийские танкисты запросили авиационной поддержки. Но министр обороны Сирии генерал Хафез Асад, будущий президент страны, отказался послать им авиацию. Асад не собирался помогать палестинцам свергать короля Хусейна и не хотел затевать войну, в которой неминуемо столкнулся бы с Израилем и Соединенными Штатами.

Сирийские танковые части, не ожидавшие отпора, отступили. Но вмешательство сирийцев едва не превратило внутренний конфликт в большую войну.

22 сентября больной президент Насер, которому врачи советовали воздерживаться от любой активности, собрал лидеров арабских стран. Его волновало только одно — как спасти Палестинское движение сопротивления.

В Амман с посреднической миссией отправили председателя Революционного совета Судана Джафара Мохаммада Нимейри, чтобы он добился прекращения огня.

Нимейри договорился об освобождении арестованных иорданцами палестинских лидеров, которые согласились на перемирие. Тут неожиданно из укрытия подал голос Арафат. Он отверг прекращение огня и потребовал, чтобы сопротивление продолжалось «до свержения фашистского режима в Иордании».

Нимейри и его делегация, в которую входили премьер-министр Туниса, министр обороны Кувейта и начальник генерального штаба египетской армии, вновь вылетели в Амман, чтобы найти Арафата раньше, чем иорданская армия. Из здания египетского посольства Нимейри по радио обратился к Арафату с призывом связаться с ним. Арафат поспешил дать о себе знать.

Они встретились на конспиративной квартире под непрекращающимся обстрелом. Остановить иорданских артиллеристов не удалось, даже когда Нимейри звонил напрямую королю Хусейну.

— Вам надо лететь с нами в Каир, — внушал Нимейри Арафату. — Насер велел без вас не возвращаться.

Палестинский лидер сам понял, что ему надо спасти собственную жизнь.

Министр обороны Кувейта Саад аль-Абдалла велел переодеть Арафата в традиционные одежды, и он сел в самолет под видом члена кувейтской делегации. Впрочем, эта маскировка была излишней. Король Хусейн знал, что Арафата вывозят из страны, и был этому рад.

В Каире встреча арабских лидеров продолжалась. Арафат, прилетев, обвинил короля Хусейна в попытке уничтожить палестинскую революцию. Полковник Муамар Каддафи, который в результате военного переворота в сентябре 1969 года пришел к власти в Ливии, потребовал повесить Хусейна:

— Он же сумасшедший, как и его отец!

Каддафи намекал на то, что отца Хусейна официально признали душевнобольным.

— Мне кажется, что мы все сумасшедшие, — меланхолично отозвался президент Насер.

Тут появился и сам король Хусейн в военной форме. Он держал в руке портфель и сказал, что привез

с собой записи разговоров палестинских боевиков, которые доказывают, что его хотели свергнуть. Арабские лидеры стали мирить Хусейна и Арафата и заставили их пожать друг другу руки.

Американские военные опасались, что вслед за Сирией и Советский Союз придет на помощь палестинцам. В таком случае Соединенным Штатам пришлось бы спасти Иорданию. В Пентагоне уже строили планы переброски дополнительных армейских частей на Кипр, в Грецию и в Турцию, откуда они смогли бы высадиться в Иордании. Вблизи ливанского побережья разворачивались авианосные оперативные группы.

Соответственно в Средиземном море активизировалась советская 5-я эскадра, состоявшая из полусотни кораблей, среди них было двенадцать подводных лодок. Советские корабли, оснащенные управляемыми ракетами, неотступно следовали за американскими авианосцами.

28 сентября президент Соединенных Штатов Ричард Никсон прилетел на борт авианосца «Саратога», чтобы приветствовать последних освобожденных палестинскими террористами заложников и поддержать моральный дух своих военных моряков. Вдруг им придется вступить в боевые действия.

Но к этому времени все было кончено. Палестинские отряды потеряли четыре тысячи бойцов и проиграли войну.

На следующий день, 29 сентября, в Каире скоропостижно скончался президент Египта Гамаль Абд аль-Насер. Он надорвался, уговаривая палестинцев и иорданцев прекратить братоубийственную войну. Вечером ему еще пришлось провести несколько утомительных часов на аэродроме, провожая высокопоставленных гостей. Ему стало плохо, и врачи не сумели его спасти.

Арафат понял, что теперь его договоренность с королем Хусейном ничего не стоит. Иорданское правительство возглавил Васфи Тель, бывший офицер британской армии. Тель прежде всего установил близкие отношения с новыми лидерами Сирии и Египта — Хафезом Асадом и Анваром Садатом.

Асад только-только сверг своего предшественника Салаба Джедида, чувствовал себя не слишком уверенно и не хотел, чтобы в соседней Иордании разгорелась война. И Асад, и Садат не желали, чтобы палестинцы правили бал в Иордании.

Заручившись их поддержкой, новый премьер-министр шаг за шагом выдал палестинцев из страны. Он реорганизовал армию и не колеблясь пускал в ход танки, тяжелую артиллерию и авиацию против палестинских боевых отрядов.

Ирак и Сирия закрыли свои границы. Палестинцы могли бежать только в Ливан, где им разрешили разместиться в лагерях вдоль границы с Израилем. Они навсегда запомнили сентябрь 1970 года, ставший для них черным или, точнее, кровавым.

В конце концов в Иордании остались всего лишь четыре тысячи боевиков, которые засели в горах на севере страны. В апреле 1971 года Арафат обратился с отчаянным призывом о помощи к старому знакомому палестинцу Мунибу аль-Масри, который входил в иорданское правительство. Тот приехал вместе с саудовским послом. Они повезли Арафата в Амман — вдруг они с королем сумеют договориться.

Ясир Арафат сидел на заднем сиденье между послом и иорданским офицером. Когда они проезжали мимо контрольно-пропускных пунктов, он сжимал в руках автомат. Он понимал, что если его узнают, то сразу убьют.

На полпути Арафат раздумал ехать в Амман. Он попросил доставить его к сирийской границе, где вылез из машины и исчез.

.....

Последняя схватка с войсками короля Хусейна произошла 12 июля. Иорданские войска были безжалостны. Они выбили палестинских боевиков из единственной еще остававшейся у них базы на территории Иордании. Семьдесят два боевика предпочли тогда перейти реку Иордан и сдаться израильтянам, чем оказаться в руках иорданских военных. В благодарность боевики Арафата помогли Шин-Бет выследить подпольную сеть ФАТХ, в результате девяносто палестинцев, занятых подготовкой терактов, были арестованы...

Палестинцы чувствовали себя в очередной раз преданными, братья-арабы убивали их, а затем выбросили из страны. Они вновь убедились в том, что арабским лидерам они вовсе не нужны.

— Мы были как сумасшедшие, — вспоминал один из руководителей ООП. — Мы хотели воевать чуть ли не со всем миром — с Израилем, с Соединенными Штатами, с Советским Союзом, который нас не поддерживал, с королем Хусейном, и с богатыми палестинцами вдобавок!

Руководителей боевых отрядов охватило отчаяние. Это был период, когда израильтяне почти подавили подпольные организации на оккупированных территориях.

Шин-Бет сделала ставку на агентурную работу. Контрразведчики вербовали палестинцев, которые под видом добровольцев вступали в отряды Арафата.

Вербовки носили массовый характер. Даже если израильтяне получали не так много информации, у Арафата и его людей возникало ощущение, что агенты повсюду. Они, в свою очередь, пытались превращать выявленных агентов Шин-Бет в двойных агентов, чтобы на самом деле разузнавать намерения израильтян и снабжать их дезинформацией. Но контрразведчики из Шин-Бет были опытнее и действовали более умело.

В окружении Арафата поняли, что, чем меньше боевая группа, чем меньше людей посвящено в замысел операции, тем больше шансов на успех. В начале 70-х боевые задания предпочитали давать одиночкам или, как минимум, держали боевую группу в полной изоляции от окружающего мира.

Легче всего Арафату было вербовать бойцов в секторе Газа, где господствовала атмосфера безнадежности.

На Западном берегу Иордана ситуация была лучше — там только каждый десятый жил в лагерях, созданных для беженцев. Пока Западным берегом управлял король Хусейн, он предоставил всем иорданское гражданство и вообще пытался сделать этот регион частью своего королевства.

В секторе Газа появилось много оружия, в первую очередь «калашниковы». Автоматы находили бедуины на брошенных в 1967 году египетских позициях и продавали палестинцам. Взрывчатку добывали, разбирая старые минные поля.

В 1970 году министр обороны Моше Даян вывел армейские подразделения из лагерей беженцев на оккупированных территориях. Шин-Бет протестовала, но безуспешно. Даян считал, что палестинцев надо оставить в покое и дать им возможность нормально жить. Моше Даян вырос среди арабов, свободно говорил по-арабски. У юного Даяна всегда были хорошие отношения с арабскими соседями. Он знал их жизнь и уважал тяжелый труд арабов-земледельцев. Он считал, что палестинские евреи могут жить с ними в мире.

Даян же и открыл ворота для привлечения десятков тысяч арабов с оккупированных территорий для работы в сельском хозяйстве и промышленности Израиля. На оккупированных территориях впервые после 1948 года появились еврейские поселенцы. Но

они селились только на тех территориях, которые до 1948 года принадлежали британской администрации, а до 1967 года — иорданскому правительству. Палестинских арабов не сгоняли со своей земли. Но очень скоро стало ясно, что палестинцы все равно не хотят жить под управлением израильтян.

Контрразведчики говорили, что уход армии только облегчил жизнь террористам.

В конце года от взрыва гранаты погибло двое израильских детей. Это произвело впечатление на Моше Даяна. Он поручил командующему округом генералу Ариэлю Шарону навести порядок в Газе. Шарон тесно сотрудничал с Шин-Бет. Контрразведчики снабжали военных списками террористов, которых следовало найти и обезвредить.

Генерал Шарон действовал методично. Он приказал обрубить ветки деревьев так, чтобы они не мешали обзору. Все подвалы и бункеры были запечатаны. Военные разбили сектор Газа на отдельные районы и регулярно их прочесывали. Дома тех, кто участвовал в терактах, сносились; их родственников выселяли.

В январе 1971 года в сектор Газа ввели подразделения друзов, приверженцев одной из шиитских сект. Они поклоняются халифу аль-Хакиму, исчезнувшему при загадочных обстоятельствах в 1021 году неподалеку от Каира. Его визирь Дарази, оставшийся верным халифу, дал имя секте...

Друзы обитали на Голанских высотах, которые в результате шестидневной войны перешли к Израилю. Друзы в течение одной лишь недели застрелили пятых палестинцев.

Генералу Шарону поручили навести порядок в секторе Газа в июле 1971 года. За полгода были убиты в перестрелке или арестованы семьсот сорок боевиков. В ноябре, боясь ареста, покончил с собой Зияд

Хусейни, руководивший подпольной сетью ФАТХ. В декабре палестинцам удалось организовать только один теракт. В феврале 1972 года в перестрелке были убиты пять боевиков, еще двадцать сдались. В марте впервые за почти пять лет в секторе Газа не было ни одного теракта.

Руководители палестинцев искали новые методы борьбы против своих врагов.

«Захват самолетов, — вспоминал позднее Абу Айяд, второй человек в ФАТХ, — оказался бессмысленным делом. За исключением самой первой акции, заставшей израильтян врасплох, сионистские лидеры отказывались вступать в переговоры с угонщиками. Зато захват самолетов серьезно помешал нам убедить общественность в значении нашей борьбы».

Палестинцы не считали себя виновными в иорданских событиях. Они жаждали мести. Арафат и его ближайшие сотрудники Абу Айяд и Али Хассан Саламех решили отомстить иорданцам, которые всего лишь не захотели подчиниться их диктату.

В начале 1971 года Абу Айяд встретился с королем Иордании Хусейном.

— Если вы ударите по нашим бойцам на их последних базах, — грозно произнес палестинец, — я буду преследовать вас по всему земному шару до моего последнего вздоха. Я вас найду, и вы будете наказаны так, как вы этого заслуживаете.

Король Хусейн был поражен накалом ненависти.

— Аллах этого не допустит, — пробормотал он.

Арабские страны не разрешали Арафату проводить акции против Израиля со своей территории. А рядовые палестинцы требовали продолжения вооруженной борьбы. Арафату нужно было показать, что его организация еще существует и никто в мире не будет чувствовать себя в безопасности, пока не исполнены требования палестинцев.

КАИР, НОЯБРЬ 1971 ГОДА

В сентябре 1971 года в Дамаске Арафат устроил серию совещаний со своими ближайшими помощниками. Они приняли решение провести серию громких террористических акций.

Осторожному Ясиру Арафату не хотелось ассоциировать себя с убийствами безоружных людей. Ему понадобилась организация, которая бы убивала, но формально не была связана с ФАТХ. Воспользовались прежним опытом — в самом начале боевые операции проводились от имени «Аль-Асифы», а ФАТХ выдавал себя за чисто политическую организацию.

На смену мифической «Аль-Асифе» пришел «Черный сентябрь» — само название должно было напоминать о недавних событиях в Иордании.

Руководить боевыми операциями поставили Абу Айяда. Ему помогали сотрудники ФАТХ, хорошо образованные молодые люди, многие из которых учились в Американском университете в Бейруте. Заместителем Абу Айяда стал Али Хасан Саламех, сын шейха Хасана Саламеха, погибшего в войне против Израиля в 1948 году. Ахмед Афгани занимался финансами, инженер Гази аль-Хуссейни — оружием и взрывчаткой, непосредственно операциями занимался Факри аль-Умари.

Саламех, Абу Дауд и аль-Умари обучались на диверсионных курсах в Каире в 1968 году. Так что они считали себя профессионалами. В создании «Черного сентября» принимал участие и ливанец Фуад Шемали, который повторял:

— Мы должны найти слабые места израильтян. Надо убивать самых знаменитых из них. Если трудно добраться до политиков, надо убивать артистов и спортсменов.

Фуад Шемали умер от рака в августе 1972 года, он не дожидаясь реализации его идеи на Мюнхенской Олимпиаде.

Подготовка боевиков «Черного сентября» началась ранней осенью 1971 года в горных районах Южного Ливана. Со временем этот район, полностью перешедший под контроль палестинцев, станут иронически называть ФАТХ-ланд. К боевикам ФАТХ примкнули и люди Жоржа Хабаша. Идеологические разногласия на время были забыты. В операциях «Черного сентября» они действовали сообща.

28 ноября 1971 года боевики «Черного сентября» дали о себе знать, устроив покушение на премьер-министра Иордании Васфи аль-Теля. Он считался виновным в изгнании палестинцев из Иордании. Говорили, что по приказу Теля убили руководителя палестинских боевиков в Иордании Абу Али Айяда, да еще привязали его тело к танку и возили из деревни в деревню.

Простые палестинцы не подозревали, что Васфи Тель уже вел секретные переговоры с руководителями Организации освобождения Палестины о возвращении боевиков. Он не возражал против того, чтобы они возобновили атаки на Израиль с иорданской территории. Но Арафат и его соратники пришли к выводу, что громкое убийство иорданского премьера выгоднее, чем тайное соглашение с ним.

Покушение на Васфи аль-Теля подготовил Али Хасан Саламех. Это было его боевое крещение.

Покушение организовали в Каире, куда прилетел глава иорданского правительства. После встречи с генеральным секретарем Лиги арабских стран Васфи Тель примерно в половине второго дня вернулся в отель «Каир Шератон» на берегу Нила.

Он вышел из своего бронированного лимузина. Швейцар распахнул дверь, и премьер-министр поя-

.....

вился в холле, заполненном туристами. Он намеревался пообедать вместе с женой, уже спустившейся вниз.

Убийство произошло на ее глазах.

Палестинские боевики тоже поджидали премьер-министра. В гостиничном холле они ели бутерброды и пили кока-колу. Когда Васфи Тель появился в дверях, палестинец Эссат Рабах всадил в него пять пуль. Премьер-министр потянулся за своим оружием, но, смертельно раненный, рухнул на мраморный пол. Второй террорист, Мансур Сулейман Халифа, нагнулся над телом и сладостно лизнул кровь, сочившуюся из ран иорданца.

— Я счастлив! — закричал он. — Мы это сделали! Мы охотились за ним полгода. Мы отомстили предателю! Мы хотели получить его на завтрак, а получили на обед.

Вдова рыдала над телом:

— Арабы, вы довольны? Палестинс конец! Арабы — просто сволочи!

Террористов схватила египетская полиция. Когда их вели к полицейскому автобусу, они, счастливые, тянули вверх пальцы в знак победы и кричали:

— Мы из «Черного сентября»!

Никто не обратил внимания на их слова.

— Четыре наших революционера, — гордо сказал Арафат в выступлении по палестинскому радио, — свергли предателя Васфи аль-Теля. Наши революционеры продолжают борьбу против предателей арабской нации.

Убийцы иорданского премьер-министра избежали наказания. 29 февраля 1972 года каирский суд выпустил их под залог, внесенный представителями Организации освобождения Палестины. Четверых убийц спешно вывезли в Дамаск, и больше их никто в Каире не видел. Суд даже не возобновился.

Ощущение безнаказанности помогало вербовать все новых боевиков. Палестинские террористы знали,

что им ничто не грозит — товарищи выташат их из любой тюрьмы.

16 декабря 1971 года палестинский боевик подстергал иорданского посла в Лондоне Зейд ар-Рифаи прямо на дороге. Палестинец стоял на пешеходном переходе рядом с иорданским посольством. Когда появился «Даймлер» посла, он достал из-под плаща автомат «стен», прицелился и выпустил полный магазин.

Послу невероятно повезло. Пули прошили машину насквозь. Только одна попала ему в правую руку. Террорист нырнул в ожидавшую его машину и исчез. В Бейруте «Черный сентябрь» взял на себя ответственность за покушение.

Со временем Зейд ар-Рифаи стал главным советником короля Хусейна, а затем и главой правительства.

6 февраля 1972 года пятеро иорданцев, обвиненных в сотрудничестве с Израилем, были убиты в Германии, рядом с Кёльном. В тот же день палестинцы произвели диверсию на нефтяных объектах компании «Галф ойл» в Голландии. Через два дня последовала еще одна диверсия — на машиностроительном заводе в Гамбурге, который выполнял израильские заказы. 22 февраля — диверсия на нефтепроводе в том же Гамбурге.

В апреле 1972 года Палестинский национальный совет постановил, что «освобождение Палестины» от иорданского короля Хусейна так же важно, как и уничтожение Израиля. Это привело к тому, что иорданские спецслужбы захотели сотрудничать с израильскими в борьбе против палестинских боевиков.

К этому времени Моссад и Шин-Бет получили первую информацию о новом подразделении внутри ФАТХ, которое именовало себя «Черный сентябрь».

Родившийся в Египте израильский разведчик Барух Мизрахи много лет выдавал себя за араба. До шестидневной войны 1967 года он работал в Сирии, изобра-

.....

жая школьного учителя. Когда появились сообщения о «Черном сентября», его перевели в Северный Йемен, откуда действовали палестинские боевики. Он начал передавать жизненно важную для Израиля информацию. Но в мае 1972 года его поймали и передали Египту. Он отсидел два года и вышел на свободу в 1974 года во время обмена пленными.

Когда палестинцы начнут готовить теракт в Мюнхене, Моссад ничего не узнает. Израильтяне вообще решили, что «Черный сентябрь» охотится только за иорданцами, и были жестоко наказаны за свою ошибку.

ТЕЛЬ-АВИВ, МАЙ 1971 ГОДА

Жорж Хабаш организовал в Ливане международное совещание террористов. Участвовали представители Ирландской республиканской армии, японской «Красной армии», западногерманской группы Баадера-Майнхоф. От «Черного сентября» присутствовали Абу Айяд и Фуад Шемали. Участники совещания договорились помогать друг другу и исполнять поручения «товарищей по совместной борьбе». Скажем, западногерманские радикалы брались выступать от имени палестинцев на своей территории — в ФРГ.

Сражаться на стороне палестинцев обещали левые радикалы из Японии.

60-е годы были временем расцвета молодежного движения. Во взрослую жизнь входили юноши и девушки, чье детство пришлось на трудные послевоенные годы, когда разрушенная войной Япония восстала из пепла.

Неустроенность, ломка социальных структур, война во Вьетнаме, американское военное присутствие на Японских островах, злившее левых, — причины моло-

дежного бунта были примерно те же, что и во всех развитых странах Запада. На пороге нового десятилетия этот бунт закончился.

Весной 1969 года на собраниях Коммунистического молодежного союза радикально настроенные юноши стали настойчиво говорить, что студенческое движение побеждено правительством, что массовые демонстрации бесполезны и нужна новая радикальная тактика — с использованием оружия. Нужно вступать в союз с такими же антиимпериалистическими группами по всему миру, потому что грядущая революция в Японии станет частью мировой революции.

Более осторожные руководители Коммунистического союза молодежи считали, что страна еще не созрела для вооруженной борьбы, и исключили экстремистов из своих рядов.

Исключенные не пали духом, а создали собственную организацию — «Фракция Красной армии». Они выбрали то же название, что и их западногерманские единомышленники, создававшие примерно в то же время свою «Роте армее фракцион».

Лидером японской «Красной армии» стала Фусако Сигэнобу. Ее отец, в прошлом учитель, во время Второй мировой войны служил в полевой жандармерии и дослужился до капитана. После войны он открыл магазин, но коммерция не была его призванием. Сознание собственной бедности с юных лет мучило его дочь. Она очень серьезно следила за дискуссиями внутри «Красной армии». Размышляя над стратегией революционной борьбы, она пришла к выводу, что необходимо объединить усилия с более мощными боевыми группами. Свой выбор она остановила на палестинцах: у них большой опыт террористической деятельности, оружие, деньги и связи. Она решила отправиться на Ближний Восток.

Путь Фусако Сигэнобу лежал в Ливан, где тогда располагались основные базы палестинских боевых

организаций. Здесь она предложила свои услуги Жоржу Хабашу, лидеру Народного фронта освобождения Палестины.

Располагая неограниченными средствами, получаемыми от богатых арабских стран и от социалистических государств, он был готов снабдить японских товарищей деньгами и оружием, дать им паспорта и укрыть на своих базах. Но что японцы предложат взамен?

Фусако Сигэнобу поняла, что только серьезная акция может укрепить репутацию «Объединенной Красной армии» и обеспечить ей достойное место среди палестинских террористов, которые не занимаются благотворительностью и не станут зря тратить деньги на японских гостей. И она доказала Хабашу, что ее можно взять в дело.

Осенью 1971 года она вызвала из Японии несколько молодых людей, которых хорошо знала по леворадикальным группировкам, и предложила им пройти боевую подготовку в лагерях Хабаша в Ливане.

Три молодых японца из «Красной армии» — Кодзо Окамото, Такэси Окудайра и Ясуюки Ясуда — учились два месяца. К маю следующего года они были готовы действовать и с поддельными документами вылетели в Европу. 22 мая они были в Париже. Оттуда перебрались в Рим. Здесь они, как потом рассказывал полиции официант, давились непривычными для японца макаронами и не оставляли часеых.

Накануне отлета каждый из троих нашел в своем гостиничном номере автомат «VZT-58» чехословацкого производства, магазины к нему и советские ручные гранаты. 30 мая в аэропорту Леонардо да Винчи они сели в самолет «Эйр Франс», отправлявшийся в Токио. Системы безопасности в аэропортах, которые призваны обнаруживать оружие и взрывчатку в багаже пассажиров, еще не существовали. В чемоданах можно было провезти все, что угодно.

Одна из промежуточных посадок была в Тель-Авиве. Здесь все пассажиры вышли из самолета...

Шестьдесят семь пуэрториканцев — баптисты и пятидесятники, совершавшие паломничество на Святую землю, — собирали свой багаж и подтаскивали его поближе к таможенной стойке.

Трое японцев, на которых никто не обратил внимания, тоже взяли свой багаж, но не заняли очередь к таможенникам, а отошли в сторону. Убедившись, что за ними никто не наблюдает, они хладнокровно достали из своих сумок автоматы и открыли огонь.

Зал заполнился звуками автоматной стрельбы и грохотом взрываемых ручных гранат. Паломники метались в ужасе, пытаясь найти укрытие. Хорошо обученные в палестинском лагере, японские террористы безостановочно стреляли из автоматов и бросали гранаты.

Первой погибла жена христианского священника, главы группы пуэрториканцев. Он сам был лишь ранен, пуля прошла сквозь Библию, которую он держал в руке, и потеряла убойную силу. Всего японцы убили двадцать шесть человек, из них семнадцать были христианскими паломниками. Такого количества смертей в Израиле не видели со времен шестидневной войны.

Расстреляв все патроны, Окудайра взорвал себя гранатой. Ясуда рухнул рядом с ним. Окамото бросился к стоявшему возле аэропорта самолету и швырнул в него гранату. Но самолет не взорвался. Покончить с собой Окамото не успел, хотя с самого начала японцы, обсуждая план операции, решили, что станут новыми камикадзе. Если удастся, погибнут в бою, но в любом случае живыми в руки врагов не попадут. Но Кодзо Окамото израильтяне сумели схватить. Он сразу стал давать показания.

Расстрел христианских паломников радостно отмечали во всем арабском мире. Тогдашний министр иностранных дел Египта Азиз Сидки гордо заявил:

— Этот эпизод показывает, что мы в состоянии одержать победу над Израилем.

Лидер ливийской революции полковник Муамар Каддафи поставил японских террористов в пример палестинцам Ясира Арафата, которые «занимаются теориями, но не решаются поступить так, как поступили японцы».

Кодзо Окамото в арабских странах почитали как героя. Остальной мир с ужасом размышлял о причинах такой безжалостности. Кодзо родился в семье школьного учителя, где было шестеро детей. Его старший брат Такэси рано примкнул к левакам и участвовал в марте 1970 года в угоне японского пассажирского самолета в Северную Корею.

После этого его отец ушел на пенсию. Он считал невозможным учить других детей, если не сумел воспитать собственных. Он взял с Кодзо обещание не повторять безумных поступков старшего брата, но тот обещания не сдержал.

Кодзо дважды проваливался на вступительных экзаменах в университет. Это сильно на него подействовало. Он пошел по пути старшего брата, присоединившись к японской «Красной армии». В 1971 году его пригласили в Ливан, чтобы пройти боевую подготовку, и дали денег на дорогу. В феврале 1972 года через Монреаль, Париж, Нью-Йорк Кодзо Окамото добрался до Бейрута.

Когда стало известно о бойне в аэропорту, его отец отправил покаянное письмо израильскому правительству:

«Сорок лет я считал, что честно служу делу воспитания молодежи... Пожалуйста, накажите моего сына смертным приговором».

В Израиле нет смертной казни. После суда Окамото отбывал наказание в тюрьме. «Черный сентябрь» взялся вытащить его из заключения. Захватывая заложников, палестинцы неизменно требовали освободить японца.

Израильтяне считали, что операцию в аэропорту Лод организовал один из соратников Хабаша — Гассан Канафани. Он жил в Бейруте и в свободное от подготовки терактов время писал прозу, пьесы, критические статьи. 8 июля 1972 года, когда он сел в машину, его автомобиль взорвали.

Место Канафани занял Бассам Абу Шариф, один из основателей Народного фронта освобождения Палестины, член его политбюро. Он участвовал в захвате нескольких авиалайнеров и считался одним из самых известных палестинских террористов.

11 июля палестинцы взорвали бомбу на автобусной остановке в Тель-Авиве. Одиннадцать человек были ранены. В Израиле решили, что тот, кто это придумал, и должен ответить за кровь невинных людей.

19 июля Абу Шариф получил бомбу в посылке. Она взорвалась. Он потерял глаз и лишился нескольких пальцев, но остался жив. Со временем он расстался с Хабашем, перешел к Арафату, стал его советником и сторонником переговоров с израильтянами...

В начале августа 1972 года двое палестинцев — Аднам Али Хашам и Ахмед Зейд — познакомились с отдохавшими в Италии англичанками. После совместного отдыха мужчины предложили вместе лететь в Израиль. Но в последний момент у палестинцев возникло срочное дело. Они объяснили, что им нужно слетать в Тегеран. Договорились встретиться в Израиле. В подарок они преподнесли девушкам кассетный магнитофон, чтобы им не было скучно в дороге.

Наивные англичанки, предвкушая продолжение приятного отдыха с такими предусмотрительными мужчинами, сели на рейс израильской авиакомпании

№ 707, но, на свое счастье, магнифон они сдали в багаж. Внутри магнитофона были вмонтированы взрывчатка и соединенный с барометром взрыватель. Когда самолет набрал высоту, бомба взорвалась. Но багаж израильтяне помещали в бронированный контейнер, поэтому самолет не пострадал.

Палестинские боевики не раз выкидывали такие номера и легко посылали других на смерть. Например, так они поступили с немецким террористом Берндом Хаусманом из «Фракции Красной армии». Он погиб в израильском аэропорту, когда случайно открыл взятый в дорогу портфель. Он же не знал, что палестинские товарищи ловко встроили в него взрывное устройство, надеясь, что он заглянет в портфель во время полета и взорвет себя вместе со всеми пассажирами.

РИМ, ИЮЛЬ 1972 ГОДА

17 июля 1972 года руководители «Черного сентября» Абу Дауд, Абу Айяд и Факри аль-Умари встретились в кафе под открытым небом на римской площади Пьяцца делла Ротонда.

Абу Дауд приехал в Рим раньше других. Он должен был встретиться с итальянскими ультраправыми на севере Италии. Они сидели в кафе, наслаждаясь атмосферой вечного города. Просматривая газеты, они натолкнулись на сообщение о том, что Международный олимпийский комитет даже отказался ответить на просьбу Палестинской молодежной федерации разрешить ей прислать на Мюнхенскую Олимпиаду собственную команду.

— Для этих благородных господ мы просто не существуем, — зло сказал Абу Дауд. — Вернее, мы не заслужили право существовать.

— Если они не позволяют нам участвовать в Олимпийских играх, — сказал Факри аль-Умари, — то почему бы нам не появиться там без приглашения?

— А что мы там можем сделать? — вяло поинтересовался Абу Айяд.

Факри аль-Умари предложил взять олимпийцев в заложники. Абу Айяд сначала отнесся к неожиданной идее скептически, но, подумав, поддержал:

— Правильно, надо взять как можно больше заложников и обменять на наших товарищей, томящихся в тюрьмах.

Абу Дауда ждали в Софии, где он должен был получить партию стрелкового оружия с глушителями для ФАТХ. Договорились, что по дороге в Болгарию он побывает в Мюнхене и посмотрит, возможна ли операция в принципе.

Через два дня Абу Дауд уже был в Мюнхене. Он купил план города, обзавелся списком гостиниц и расписанием авиаполетов. Абу Дауд провел рекогносцировку Олимпийской деревни, которую еще достраивали. Уже висели таблички «Kein Eintritt» — «Вход запрещен», но запреты не соблюдались. Туристы и любопытствующие мюнхенцы легко проникали внутрь деревни. Все удивлялись этой свободе, практически не ограничиваемой мюнхенской полицией.

Из Мюнхена Абу Дауд вылетел в социалистическую Болгарию, чтобы получить обещанное оружие.

7 августа он вновь появился в Мюнхене — на сей раз вместе с молодым террористом, которого все называли просто Тони. Они пришли к выводу, что пробраться в деревню не составит труда. Они просто перелезут через ограду. Один подставит спину, другой вскарабкается наверх.

— Но тогда последний из нас останется за оградой, — озабоченно заметил Тони.

— Я пойду с вами, чтобы помочь, и буду последним, — обещал Абу Дауд.

Тем временем Абу Айяд занялся кадровыми делами — подбирал террористов для операции в Мюнхене. Во главе боевой группы он поставил двух боевиков, которые сражались с иорданской армией в Аммане в сентябре 1970 года.

Руководителем группы стал Луттиф Аффиф по кличке Исса.

Двое его братьев тоже присоединились к боевикам и уже сидели в израильских тюрьмах. Еще в 1958 году Исса поехал в ФРГ учиться, потом перебрался во Францию, где нашел работу. Он присоединился к ФАТХ в 1966 году. В начале 70-х он жил в Западном Берлине, где собирался жениться на немке. Среди немцев он чувствовал себя уверенно.

Заместителем Исссы сделали Ясуфа Наззала по кличке Тони. Он тоже учился в Западной Германии и говорил по-немецки.

Обоих немедленно отправили в Мюнхен, чтобы они освоились в городе и изучили Олимпийскую деревню.

Сложнее было отобрать остальных боевиков. Пятьдесят молодых палестинцев нашли в лагерях беженцев в Ливане, Сирии и Иордании. Всех отправили тренироваться в лагерь. Никому не сказали, что им придется сделать. Наблюдая за их подготовкой, отобрали двенадцать наиболее умелых, из них в окончательном списке оставили шестерых.

Это были Аффиф Ахмед Хамид, Халид Джавад Мохаммад Сафади (ему только исполнилось девятнадцать лет), Ахмед Чик Ча, Аднан аль-Гаши и его двоюродный брат Джамаль аль-Гаши (ему тоже было девятнадцать лет).

Джамаль аль-Гаши — единственный, кто останется в живых. Через много лет он вспоминал о своей жизни в палестинском лагере для беженцев:

«Меня воспитывали на рассказах о Палестине, о том рае, который мы утратили, о евреях, которые

украли нашу землю, об арабских лидерах, которые нас предали. Я считал, что у нас не будет жизни, пока мы не вернемся в Палестину. Если же нам не удастся отвоевать Палестину, я так и проживу всю жизнь беженцем, лишенным всех прав».

Все отобранные для операции должны были иметь личные мотивы для борьбы против израильтян. Значение имело знание Западной Германии и немецкого языка. Ахмед Чик Ча жил в Западном Берлине и был женат на немке. Халид Джавад два года провел в ФРГ вместе со своим братом. Аффиф Ахмед Хамид больше года учился в Западной Германии.

Семьям они ничего не сказали. Последний месяц шесть молодых палестинцев усиленно тренировались в Ливии. Учили их рукопашному бою и умению преодолевать препятствия. Чаще всего их зачем-то заставляли перелезть через высокую ограду. Они решили, что им предстоит проникнуть на какую-то важную израильскую военную базу. В последний момент их предупредили, что предстоит важное задание за границей.

Организаторы считали, что предусмотрели решительно все. Абу Айяд и Абу Дауд составили первое обращение, которое следовало передать немецкой полиции после захвата заложников. Его перевели на английский и перепечатали на машинке. Второе обращение написали на немецком языке от руки — в нем было согласие отодвинуть срок исполнения ультиматума и выдвигалось требование предоставить самолеты для террористов и заложников, с тем чтобы они могли покинуть Западную Германию.

Абу Дауд беспокоился насчет того, как доставить в Мюнхен оружие. Абу Айяд сказал, что берет это на себя.

Абу Дауд ненадолго слетал в Дамаск, чтобы побыть с женой и детьми, и в середине августа вернулся в Тунис. Ему предстояла встреча с Арафатом и другими

руководителями ФАТХ. Напутствовали его в торжественной обстановке. Каждый из руководителей ФАТХ, начиная с Арафата, обнял Абу Дауда и пожелал ему счастья.

В начале мая 1972 года четыре боевика из «Черного сентября» прибыли в Брюссель. Это были двое мужчин — Ахмед Муса Авад, Абд аль-Азиз аль-Атраш и две женщины, одну звали Тереза, другую Рима.

Три дня в бельгийской столице пролетели в сплошном веселье. Деньгами их снабдили щедро. Они ходили по магазинам, обедали в дорогих ресторанах, вечером танцевали, ночью делили постель в гостинице. Тереза и Рима уверяли потом, что не знали ни подлинных имен своих спутников, ни цели путешествия. Одна из них будет утверждать на суде, что попала к боевикам случайно — ее приучили к наркотикам, поэтому она лишилась воли и действовала неосознанно, как робот.

8 мая все четверо сели на самолет авиакомпании «Сабена», совершавший рейс № 571 по маршруту Брюссель—Тель-Авив. Они говорили на иврите и предъявили фальшивые израильские паспорта. В багаже у них было оружие и гранаты, но чемоданы никто не проверил.

Самолет сделал посадку в Вене, после чего четверо террористов, действуя по плану, захватили самолет.

Командир корабля Реджинальд Леви сообщил в аэропорт Тель-Авива, что пассажиры и экипаж превращены в заложников и что террористы готовы обменять их на триста семнадцать заключенных из израильских тюрем. Боевики не потребовали лететь в какую-нибудь арабскую столицу. Они приказали продолжать полет до Тель-Авива. Самолет сел в аэропорту Лод (ныне он носит имя первого израильского премьер-министра Давида Бен-Гуриона).

В этом состоял замысел «Черного сентября» — продемонстрировать Израилю его уязвимость, унижить

израильское правительство, взять над ним верх на его собственной территории!

Операцией по освобождению заложников руководил министр обороны Моше Даян. Военные специалисты встретили приземлившийся лайнер и незаметно для террористов слили гидравлическую жидкость, чтобы самолет в любом случае не смог взлететь.

Переговоры продолжались двадцать часов. Израильтяне с самого начала не собирались отпускать заключенных. Им нужно было время, чтобы спецназ мог потренироваться на другом «Боинге-707». Когда спецназовцы доложили, что им потребуется всего полторы минуты, было решено действовать.

Спецназовцы появились у самолета, одетые в форму служащих авиакомпании. Операция была мгновенной, вспоминали пассажиры. Внезапно в дверях появились израильские солдаты, которые кричали:

— Все на пол! Все на пол! Ложись!

Они подоспели вовремя, потому что террористы, измотанные и раздраженные, уже были готовы разнести все и всех — у них был достаточный запас гранат.

Один из террористов получил пулю в лоб, второго уложили двумя пистолетными выстрелами. Одну из террористок ранили, вторую сбили с ног. Один из пассажиров был смертельно ранен и умер в госпитале, двое спецназовцев получили ранения.

Эта операция стала полным успехом израильтян и провалом «Черного сентября». Арафат был крайне недоволен. Он-то надеялся показать палестинцам в лагерях, что израильтяне уязвимы... В окружении Арафата решили немедленно предпринять что-то еще, чтобы восстановить боевой дух.

Абу Дауд первым прилетел в Мюнхен. Несколько дней он, нервничая, ожидал Абу Айяда. 24 августа, за два дня до открытия XX летних Олимпийских игр, Абу Айяд вылетел из Алжира во Франкфурт-на-Майне. Абу Дауд поехал его встречать.

Абу Айяда сопровождали два помощника — мужчина и женщина. Свой багаж, состоявший из пяти одинаковых чемоданов известной фирмы «Сэмсонайт», они погрузили на одну тележку и подкатили ее к таможенной стойке.

Сотрудница таможни обратила на них внимание, но на их счастье попросила открыть только чемодан, в котором были одни лишь женские вещи, большей частью нижнее белье. Таможенный инспектор махнула рукой, и палестинские боевики, груженные оружием, вступили на немецкую землю.

В 70-е годы у Франкфурта-на-Майне была неважная репутация из-за высокого уровня преступности и наркомании. Город именовали «Кранкфуртом» от немецкого слова «krank» — больной. Или Банкфуртом, имея в виду, что город — один из главных финансовых центров Европы.

Абу Дауд подждал Абу Айяда и его помощников в гостинице в центре Франкфурта. Здесь они распаковали содержимое пяти чемоданов — шесть «калашниковых», два пистолета-пулемета плюс большое количество снаряженных магазинов к автоматам. Они перепаковали оружие более компактно — в два чемодана.

Вечером Абу Дауд, прихватив эти чемоданы, поехал на поезде в Мюнхен. Багаж он оставил в камере хранения на вокзале. В последующие дни Абу Дауд получил еще два автомата «АК-47» и сумку с двадцатью ручными гранатами. Он регулярно перекладывал чемоданы с оружием из одной камеры хранения в другую.

26 августа, сидя в своем номере, он наблюдал по телевизору церемонию открытия Игр. Он еще раз съездил в Олимпийскую деревню. На сей он прихватил с собой женщину из Сирии, которая навещала сестру, вышедшую замуж за мюнхенского профессора. Они подошли к воротам, когда группа бразильских

спортсменов возвращалась после тренировки. Женщина обратилась к охраннику на немецком языке:

— Мой друг бразилец. Он узнал среди спортсменов своего одноклассника. Вы не разрешили бы нам хотя бы подойти к нему и поздороваться? Буквально на десять минут.

Благодушный охранник пропустил их. Абу Дауд ничем не рисковал. Немецкий полицейский не мог отличить араба от бразильца и, разумеется, не владел португальским языком, чтобы вступить с ним в разговор.

Они вошли и воспользовались этой возможностью, чтобы осмотреть дома, где поселили команды из Саудовской Аравии и Судана. Тем самым Абу Дауд получил представление о внутренней планировке типовых домов в Олимпийской деревне.

Через два дня Абу Дауд приехал в деревню вместе с Тони и Иссой. Он нашел давешнего охранника и подошел к нему. Тот приветствовал Абу Дауда как старого знакомого:

— Я смотрю, вы приходите каждый день!

— Еще бы, мы приехали из Бразилии, чтобы подбодрить наших ребят.

Охранник посмотрел на его спутников:

— Они тоже бразильцы?

— Конечно, — не моргнув глазом, подтвердил Абу Дауд. — И мои друзья завидуют мне. Я им вчера сказал, что я побывал в деревне и видел наших спортсменов. Они тоже хотели бы встретиться с нашей командой.

— Завидуют? — покровительственно переспросил охранник.

— Именно так, поэтому я хотел еще раз попросить вас об одолжении.

Охранник великодушно разрешил троим «бразильцам» войти.

Абу Дауд писал в своих воспоминаниях, что на большую удачу невозможно было рассчитывать. Через пять минут они уже стояли перед домом № 31 на Конноли-штрассе. Вдруг из подъезда вышла молодая и симпатичная девушка, входившая в состав израильской делегации. Боевики заговорили с ней, объяснив, что они бразильцы и давно мечтают посетить Израиль.

Она была настолько любезна, что провела их внутрь дома и показала одну из квартир.

— Для шести-семи человек очень неплохо, правда? — Девушка с удовольствием продемонстрировала палестинцам, как удобно разместились спортсмены. — Остальные члены делегации живут в таких же квартирах.

Гостеприимная девушка сильно облегчила задачу террористов. Палестинцы смогли осмотреть все комнаты. Они увидели, где находятся телефоны, телевизоры и что видно из окон.

«Стало ясно, — писал Абу Дауд, — что главное захватить квартиру на первом этаже, оттуда проще всего будет добраться и до второго этажа, и до цокольного. После того как заложники будут захвачены, их надо будет согнать всех вместе».

Шестерых палестинцев снабдили фальшивыми документами. Они добрались до Мюнхена, когда игры уже начались. Трое прибыли в Мюнхен через Белград. Джамаль аль-Гаши, его дядя Аднан и Афиф Ахмед Хамид прилетели из Ливии в Рим, оттуда на поезде приехали в Мюнхен.

Несколько дней террористы отдыхали и расслаблялись. Только накануне акции их собрали вместе и объяснили, что предстоит делать.

Абу Дауд снимал номер в одном из самых старых и больших мюнхенских отелей «Эден-Вольф», построенном в конце XIX века. Абу Дауд польстился не столько на старый баварский дух, культивируемый

в отеле, сколько на его близость к центру города. Отель находится напротив центрального вокзала, и до аэропорта на автомобиле было всего сорок пять минут.

Накануне акции, 4 сентября вечером, в своем гостиничном номере Абу Дауд разложил патроны, гранаты, запас продовольствия и аптечки в восемь рюкзаков, украшенных олимпийской символикой. Он снабдил всех нейлоновыми колготками — вместо масок, веревками — связывать заложников, и таблетками (амфетаминами) — бороться со сном.

Пока Абу Дауд распределял «калашниковы», Исса и Тони целовали каждый автомат со словами:

— Любовь моя!

В девять вечера палестинцы собрались в стационарном ресторане — поужинать и получить последние инструкции от Абу Дауда и Али Хасана Саламеха.

Каждому втолковали, что именно ему предстоит сделать, и всем вместе в высокопарных выражениях объяснили, как они должны гордиться доверенной им миссией.

Абу Дауд повторил инструкции: после захвата заложников никого в здание не пускать — кроме немецкого чиновника, которому будет позволено оценить состояние заложников.

Вся операция не должна продолжаться больше суток. Исходили из того, что боевики продержатся без сна и отдыха максимум двадцать четыре часа. Если за сутки не удастся освободить заключенных из израильских тюрем, надо потребовать самолет и лететь на нем в одну из арабских стран.

У террористов забрали личные вещи, деньги, паспорта и вообще все документы.

Абу Дауд в мемуарах утверждал, что призвал боевиков быть сдержанными и стрелять только в целях самообороны:

.....

— Заложников берем для обмена, а не для уничтожения. Гранаты использовать для того, чтобы произвести впечатление на немцев, и для того, чтобы не попасть в плен живыми...

Но действия террористов в Мюнхене свидетельствовали о том, что в реальности инструкции были иными.

Исса добавил:

— С этой минуты считайте себя убитыми. Убитыми в борьбе за палестинское дело.

Каждый взял свой рюкзак.

Когда израильские спортсмены мирно спали, террористы на двух такси отъехали от гостиницы. В половине четвертого они добрались до Олимпийской деревни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

.....

«ОНИ ВСЕ УБИТЫ!»

Захват заложников в Мюнхене был шоком для западногерманских чиновников. Это было настолько неожиданно, что государственная машина никак не могла начать работать на полных оборотах.

Утром 5 сентября был сформирован кризисный штаб. В него вошли федеральный министр внутренних дел Ганс Дитрих Геншер, его баварский коллега Бруно Мерк, полицейский-президент Мюнхена Манфред Шрайбер. Конституция ФРГ ограничивает власть федерального центра и наделяет большими полномочиями земельные власти.

Специальных подразделений по борьбе с терроризмом еще не было. В Олимпийскую деревню отправили пожарных, солдат бундесвера на бронетранспортерах и полицию.

Кризисный штаб начал с переговоров. Еще теплилась надежда, что с боевиками можно как-то договориться.

МЮНХЕН, 5 СЕНТЯБРЯ 1972 ГОДА, УТРО

Сотрудница полиции Аннализа Грэс, которая находилась в непосредственном контакте с палестинцами, спросила Иссу, не согласится ли он побеседовать с небольшой делегацией.

Приехали Манфред Шрайбер, Вальтер Трёгер и глава египетского олимпийского комитета Ахмед Туни.

Шрайбер обратил внимание на то, что Исса был холоден и спокоен, говорил с ними жестким, металлическим голосом. На немецкого полицейского он произвел впечатление фанатика, для которого реальность не существует.

Немцы, на которых были направлены дула автоматов, чувствовали себя паршиво. Они надеялись, что египтянин сумеет как-то наладить контакт с палестинцами — они же все арабы. Тот заговорил с Иссой по-арабски и тихим голосом стал объяснять, что израильтянам и немцам потребуется больше времени, чтобы отыскать в разных тюрьмах и собрать вместе всех заключенных, которые значатся в двух списках.

Неожиданно для немцев Исса легко согласился отодвинуть срок истечения ультиматума. Немцы не знали, что руководители теракта это заранее предусмотрели, и вздохнули с облегчением: угроза смерти израильских спортсменов отдалилась.

Манфред Шрайбер привык иметь дело с опасными преступниками и не боялся людей с оружием. Когда один из террористов, расслабившись, опустил свой автомат, у полицейай-президента закралась шальная мысль: а не захватить ему Иссу и не превратить самого террориста в заложника?

Пожалуй, Шрайбер мог бы попытаться скрутить Иссу и оттащить его за угол. Но Исса, видимо, что-то почувствовал. Он показал немцам, что держит в руках гранату и что его большой палец просунут в кольцо от чеки.

— Если дотронетесь до меня, — пригрозил Исса, — я взорву нас всех.

Шрайберу пришлось отказаться от своей идеи. Это был его первый план, которому не суждено было осуществиться.

Кризисный штаб пытался разработать какой-то план.

Для начала Манфред Шрайбер рекомендовал предложить палестинцам любую сумму денег в обмен на заложников. Но когда в Бонне канцлер Вилли Брандт собрал кабинет министров обсудить ситуацию, стало известно, что террористы отказались от выкупа.

— Деньги для нас ни имеют никакой ценности, — сказал Исса, — наши жизни тоже не имеют никакой ценности.

Исса повторил, что его интересует только освобождение из тюрем товарищей по совместной борьбе.

В его списке значились и японец Кодзо Окамото, и две арабские женщины, арестованные после неудачной попытки захвата самолета «Сабены». За исключением этих троих имен список был идентичен с тем, что предъявили те, кто захватил самолет «Сабены». Вывод напрашивался такой: за этими терактами стоят одни и те же люди. Но в немецкой полиции некому было заняться этим анализом.

Немцы пытались затянуть переговоры, с озабоченным видом жаловались палестинцам, что прервалась телефонная связь с Иерусалимом, что Голда Меир не может собрать всех членов израильского кабинета министров, что израильским и западногерманским чиновникам не удастся найти всех заключенных, указанных в списке.

В 8.45, за пятнадцать минут до назначенного террористами срока, никакого решения не было принято. Исса время от времени выходил из дома № 31, чтобы переговорить с немецкими чиновниками.

Бургомистр Олимпийской деревни Вальтер Трёгер напрямую спросил Иссу:

— Послушайте, ну зачем вы упорствуете? Бросьте все это! Отпустите заложников и уезжайте.

— Мы все равно уже трупы, — неожиданно ответил ему Исса. — Если не вы убьете нас здесь, так убьют потом другие, если мы вернемся без заложников.

Исса словно пытался объяснить немцам, что, если террористы сдадутся, другие палестинцы найдут их и убьют за «трусость». Исса как бы извинился перед Трёгером:

— Немцы подготовили прекрасные Олимпийские игры, но мы, палестинцы, должны использовать этот повод, чтобы заставить весь мир задуматься над нашим делом.

Аннализа Грэс, устанавливая контакт с Иссой, старалась его разговорить. Он охотно рассказывал немке, как работал в Олимпийской деревне в молочном баре, а перед этим семь лет провел во Франции.

Она осторожно повторяла, что терроризм — не способ достичь своей цели. Исса отвечал, что переговоры о судьбе Ближнего Востока можно вести бесконечно, а его два брата сидят в израильских тюрьмах, и он готов убить кого угодно, лишь бы вернуть им свободу.

Аннализа попросила его не размахивать гранатой у нее под носом. Исса рассмеялся:

— Вам нечего меня опасаться.

Но и ее попытки убедить его бросить эту затею успехом не увенчались.

Стрелки часов подбирались к десяти утра. В Бонне царил паника. Немцы не знали, как быть в ситуации, когда ни израильтян, ни палестинцев не удалось уговорить пойти на компромисс. Баварский министр внутренних дел Бруно Мерк сразу сказал канцлеру Вилли Брандту, прибывшему в Мюнхен:

— Израиль ни при каких условиях не поддастся шантажу со стороны террористов.

Он оказался прав.

ИЕРУСАЛИМ,
5 СЕНТЯБРЯ 1972 ГОДА, УТРО

В Иерусалиме премьер-министр Голда Меир отказалась исполнять требования террористов:

— Если мы один раз это сделаем, ни один израильянин в мире не будет чувствовать себя в безопасности.

Голда Меир, родившаяся в России и выросшая в Америке, предпочитала высказываться прямо и откровенно. Она обладала редким даром видеть мир в черно-белом свете, без всяких там полутонов, которые только мешают принимать быстрые и решительные меры.

«Ее словно высеченное из камня лицо, — писал бывший государственный секретарь Соединенных Штатов Генри Киссинджер, — свидетельствовало о судьбе народа, которому довелось слишком хорошо познать потенциальные возможности бесчеловечности. Ее настороженный взгляд ясно говорил о том, что она не допускает и мысли, что те, кем она руководит, без борьбы согласятся на ту же судьбу.

Саркастическое временами выражение ее лица никогда не скрывало печали, ибо она воспринимала гибель каждого израильского солдата как потерю члена собственной семьи».

Голда Меир говорила, что ее много раз заставляли «прийти к соглашению с убийцами, как это сделали другие государства, и позволить фанатикам-самоубийцам шантажировать нас и поставить нас на колени».

Она твердо считала, что уступки террористам только порождают новый террор, и не верила арабским политикам. Она исходила из того, что Израиль может и должен полагаться только на себя и на свою военную силу. Больше всего она боялась проявить слабость, уверенная в том, что это смертельно опасно для еврейского государства. Один раз не ответишь ударом на удар — и шакалы разорвут тебя на части.

«Но никто никогда не узнает, — писала Голда Меир, выйдя в отставку, — чего стоит правительству Израиля отвечать «Нет!» на требования террористов и понимать, что ни один из израильских террористов, работающих за границей, не застрахован от бомбы в письме, не говоря уже о том, что любой тихий пограничный городок Израиля может быть (и это бывало) превращен в бойню при помощи нескольких безумцев, взращенных в ненависти и в убеждении, что они смогут выдавить из Израиля его умение оставаться непоколебимым перед лицом страдания и печали».

Голда Меир выступила в кнессете с коротким заявлением о случившемся в Мюнхене и назвала имена одиннадцати спортсменов, взятых террористами в заложники.

Она попросила посла Эльяшива Бен-Хорина информировать правительство ФРГ, что оно имеет право выйти из кризиса любыми доступными средствами.

В 11.15 Манфреду Шрайберу передали окончательный ответ израильского правительства — оно отказывается освобождать заключенных. Шрайбер считал решение неверным. Но повлиять на позицию израильского правительства не мог. Единственное, что он способен был предпринять, — позаботиться о том, чтобы Исса об этом не проведал. Но как выручить заложников из беды, никто в мюнхенской полиции не представлял.

Подполковник Ульрих Вегенер получил указание перебросить в Мюнхен военные вертолеты — на случай, если они понадобятся, а заодно доставить в столицу Баварии израильского посла Эльяшива Бен-Хорина.

МЮНХЕН,
5 СЕНТЯБРЯ 1972 ГОДА, ПОЛДЕНЬ

В Западной Германии много лет жил египтянин Махди Гохари, советник Лиги арабских стран. Его на полицейской машине доставили в кризисный штаб

в Олимпийской деревне и попросили расшифровать непонятные слова и аббревиатуры в тексте, который полиция получила от террористов.

Даже он не знал, что четыре буквы под текстом — МКЧС — означают «Международный комитет «Черный сентябрь»».

Он сам выразил желание поговорить с Иссой. Египтянин внушал ему, что этот теракт будет иметь дурные последствия для палестинцев — в любом случае, чем бы эта история ни закончилась. Он объяснял Иссе, что их требование наверняка не будет исполнено, потому что израильтяне не выдают заключенных.

Исса выслушал его с недоверием. Он воспринимал египтянина как немецкого агента. Египтянин пришел к выводу, что палестинцы действительно верят, что их требования будут исполнены. Он попрощался с Иссой и ушел, крайне удивленный его полным непониманием ситуации.

Манфред Шрайбер вернулся с Конноли-штрассе в штабное помещение. Он убедился, что бескровные варианты решения кризиса отсутствуют, и приказал своему заместителю Георгу Вольфу продумать силовые варианты освобождения заложников.

Вольф доложил штабу, что лобовая атака на дом, где террористы держат заложников, едва ли будет успешной — палестинцев слишком много, и они хорошо вооружены.

Эйвери Брэндедж, президент Международного олимпийского комитета, требовал от полиции как можно скорее покончить с кризисом. Он вспомнил, как в 20-е годы чикагская полиция, если ей надо было захватить гангстеров, засевших в каком-то здании, использовала некий газ, который немедленно выводил из строя преступников. Брэндедж предложил связаться с чикагскими полицейскими, чтобы они поделились опытом.

.....

Немцы стали звонить в Чикаго. Но память подвела руководителя Олимпийского комитета. Чикагские полицейские никогда не пользовались такого рода газом.

Такой газ использовала советская госбезопасность еще со времен борьбы против украинских националистов, которые прятались в схронах, подземных бункерах. Найти бункер было проще зимой, пишет полковник Георгий Санников, в ту пору оперативный уполномоченный Министерства государственной безопасности Украины. На восходе или на закате можно было заметить струйку теплого воздуха, который выходит из вентиляционного отверстия. Туда вставляли тонкий и гибкий шланг и открывали вентиль баллона со спецпрепаратом «Тайфун» — усыпляющим газом мгновенного действия.

Такого типа газ, только более современный, был использован при уничтожении чеченских террористов на Дубровке в октябре 2002 года...

Но мысль о том, чтобы обратиться за помощью к КГБ, мюнхенским полицейским не приходила в голову. Да и в Москве не стали бы делиться секретной формулой. Она осталась секретной и после «Норд-Оста».

Олимпиада продолжалась. Немецкие волейболисты сражались с японскими, и зрители горячо болели за любимых спортсменов. На экранах телевизоров картинки захваченного террористами дома перемежались со сценами спортивных состязаний.

Канцлер Федеративной Республики Вилли Брандт выступил по телевидению. Он отказался прекратить Олимпийские игры, как этого требовал Израиль. Брандт считал, что закрыть Олимпиаду — значит пойти на поводу у террористов.

Премьер-министр Израиля Голда Меир потребовала хотя бы приостановить Игры — пока израильские спортсмены находятся в руках террористов. Руководители Олимпийского комитета нехотя согласились.

Они утверждали, что надо продолжать соревнования и тем самым доказывать, что спорт сильнее терроризма и насилия.

Американского пловца Марка Спитца, еврея по происхождению, под охраной срочно вывезли в Лондон. Но остальные спортсмены практически не обращали внимания на трагедию, происходившую рядом с ними. Олимпийцы отдыхали, загорали, раздавали автографы, — словом, наслаждались жизнью и даже не смотрели в сторону дома, где находились заложники. Дух спортивного братства, единение спортсменов оказались мифом. Более всего они боялись, что из-за теракта Олимпиаду прервут и они не получат своих медалей.

А девятерых связанных заложников держали под дулами автоматов в одной комнате, на полу которой лежало мертвое тело Йосефа Романо как предупреждение им всем. Израильтяне несколько раз пытались заговорить на арабском языке со своими тюремщиками, но Исса обрывал разговоры. Он не хотел, чтобы между заложниками и боевиками возникли какие-то человеческие отношения.

Около полудня полицей-президент Шрайбер и член Международного олимпийского комитета от Египта вновь пришли на Конноли-штрассе разговаривать с Иссой. Они хотели уговорить его отложить срок ультиматума еще на несколько часов.

Аннализа Грэс ждала их у входа в дом № 31. Она позвонила в дверь. Исса вышел. Он добавил свежего гуталина на свое лицо и пребывал в отличном расположении духа.

Шрайбер опять стал рассказывать, что израильтяне все еще не отыскивали всех заключенных, потому что собрать двести с лишним человек — это сложная задача для любого тюремного ведомства.

Подъехал и Вальтер Трёгер, которому Исса, кажется, доверял больше других. Трёгер поддержал Шрай-

бера и добавил, что, как на грех, связь с Иерусалимом плохая, невозможно ничего толком обсудить. А у израильтян есть еще и другая проблема — они обязаны собрать всех членов кабинета министров, который только и наделен правом принять решение освободить заключенных.

Исса явно наслаждался ролью человека, за каждым словом которого следит весь мир. Он коротко посоветовался с другими террористами и сказал:

— Срок отодвигается на один час. Если через час не будет прогресса, я казню двоих заложников.

Исса недовольно заметил, что ему надоело беседовать с начальником полиции.

— Если к назначенному сроку ничего не будет сделано, — добавил он, — я хочу, чтобы ко мне пропустили журналистов. Я сделаю заявление и прямо на улице казню двоих израильтян, чтобы это видел весь мир.

И он торжествующе поднял два пальца.

Увидев этот жест на телеэкранах, зрители решили, что палестинец показывает букву V от слова Victory — победа. В реальности это означало, что он казнит двоих заложников.

Шрайбер сказал Иссе, что приехали два министра, которые хотели бы с ним поговорить. Это были Геншер и Мерк.

Ганс Дитрих Геншер родился 21 мая 1927 года неподалеку от города Халле. В конце войны он служил в вермахте и успел обзавестись членским билетом национально-социалистической немецкой рабочей партии, поэтому после поражения Германии его некоторое время держали в лагере для военнопленных.

Едва ли он спешил вступить в нацистскую партию по идеологическим соображениям. Скорее, им двигали карьерные соображения. Геншер был очень амбициозным и нацеленным на успех молодым человеком.

Геншер оказался в советской зоне оккупации. Поначалу его это не смущало. В 1946 году он поступил

в университет Халле, потом перевелся в Лейпцигский университет. Политический темперамент и желание сделать карьеру в том же году привели его в либеральную демократическую партию, одну из четырех разрешенных советскими оккупационными властями. Советская военная администрация считала, что партия «представляет интересы средней буржуазии и чиновничества».

В 1952 году Геншер предпочел перебраться в Западную Германию, где присоединился к свободным демократам. В 1954 году он сдал экзамены и получил право работать юристом в Бремене. В 1965 году он впервые стал депутатом бундестага и оставался им до 1998 года. Он стал министром внутренних дел в правительстве Вилли Брандта в 1969 году.

Геншер принадлежал к свободной демократической партии, занимавшей особое место в западногерманской политической жизни. За исключением короткого исторического отрезка в 1966—1969 годах, когда страной правила «большая коалиция», свободные демократы, меняя партнеров, всегда входили в состав правительства. Без нее ни христианские демократы, ни социал-демократы не могли собрать необходимое число голосов в бундестаге, чтобы сформировать кабинет. Свободные демократы, предлагая свою поддержку или отказывая в ней, определяли, кто станет править страной.

Они поддерживали Конрада Аденауэра, который был главой правительства Федеративной Республики с 1949 по 1963 год. Они же заставили его уйти в отставку, чтобы отдать кресло канцлера министру экономики Людвигу Эрхарду, который считается отцом западногерманского «экономического чуда». В 1969 году свободные демократы изменили своим постоянным партнерам, христианским демократам, и вступили в союз с Вилли Брандтом, который привел свою партию к победе на выборах.

«Свободные демократы, — писал Франц Йозеф Штраус, — это партия, которая постоянно находится под угрозой непреодоления пятипроцентного барьера на выборах и поглощена постоянными заботами о парламентском выживании. В силу этого ей приходилось прибегать к изощренному маневрированию. А Ганс-Дитрих Геншер давно стал воплощением изворотливости, обладая интуицией и развитым чувством риска».

Геншер — мастер тактики, его политический стиль — это хитрость, маневр, умение балансировать. Если бы он занимался спортом, то, вероятно, предпочел бы дзюдо боксу. Он умел заставлять других делать то, что не решался сделать сам.

В тот сентябрьский день он старался ни с кем не ссориться. Он не хотел портить отношения ни с Израилем, ни с арабскими странами. Поэтому он вышел сухим из мюнхенской истории. Любому другому политику такой провал стоил бы карьеры. Карьера Геншера еще только начиналась. Через два года он возглавит партию и займет в правительстве второй по значению пост вице-канцлера и министра иностранных дел.

Исса слушал министров внимательно. Ему льстило, что его уговаривают два таких высокопоставленных чиновника.

Обычно так не делают — переговоры ведут через посредников, которые всегда могут сказать: «Я не могу этого решить, мне нужно посоветоваться». Но тут был особый случай, срок ультиматума истекал, и Геншеру с Мерком нужно было отсрочить показательную казнь заложников.

Оба министра и их подчиненные верили, что, если им удастся напрямую переговорить с террористами, они сумеют их переубедить и уговорят отпустить заложников.

Геншер совершил мужественный поступок, предложив себя в заложники. Он умолял Иссу:

— Вы же знаете, что делали нацисты с евреями во время Второй мировой войны. Вы понимаете, что нельзя допустить, чтобы евреев вновь убивали на немецкой земле. Поэтому я прошу вас отпустить их и взять в заложники меня.

Ганс Дитрих Геншер был готов рискнуть своей жизнью. Он даже позвонил жене и дочери и ласково поговорил с ними — боясь, что они, возможно, беседуют в последний раз. Министр отдавал себе отчет в том, что если бы палестинцы взяли его в заложники, то при неблагоприятном развитии событий могли бы и убить.

Ганс-Йохен Фогель, Шрайбер, Мерк и Трёгер были готовы присоединиться к Геншеру в роли заложников взамен израильских спортсменов.

Исса отказался от этого предложения:

— Нет-нет, к вам нет никаких претензий. Это наше с израильтянами дело.

Трёгер повторил:

— Израильтяне — наши гости, и я готов сделать все, чтобы они вышли на свободу.

Исса качал головой — зачем ему немцы?

Геншер и Мерк, по крайней мере, выжали из Иссы согласие отложить срок ультиматума до трех часов дня. Он продолжал верить словам немцев, что израильтяне готовят освобождение заключенных, но не укладываются в срок. На некоторое время напряжение спало.

ИЕРУСАЛИМ, 5 СЕНТЯБРЯ 1972 ГОДА,
ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

В Израиле понимали, что террористы живыми заложников не отпустят. В умение западных немцев освободить спортсменов верилось с трудом. Голда

Меир попросила правительство ФРГ принять израильский спецназ и разрешить профессионалам провести операцию по освобождению заложников.

Отряд спецназа, подчиненный непосредственно генеральному штабу Армии освобождения Израиля и имеющий немалый опыт борьбы с террористами, был приведен в состояние боевой готовности. Командовал отрядом подполковник Эхуд Барак, будущий премьер-министр страны. У Барака, десантника по военной специальности, больше боевых наград, чем у любого другого израильского военного.

Бойцам раздали гражданскую одежду. Они подготовили необходимое снаряжение и жадно следили за происходящим в Олимпийской деревне. Бойцы Эхуда Барака были уверены, что вызволят заложников с минимальными потерями.

Баварские власти высказались против приезда израильтян: нельзя позволять иностранцам стрелять на нашей земле! Да и Вилли Брандт не хотел выглядеть руководителем правительства, не способного справиться с горсткой террористов. Соображения престижа заставили немцев отказаться от помощи израильтян.

— Мы разрешим конфликт наилучшим образом, — заверил израильтян Ганс Дитрих Геншер.

Министр обороны Израиля Моше Даян был готов сам отправиться в Мюнхен. Он попросил лететь с ним руководителя Моссад Цви Замира и Виктора Коэна из Шин-Бет. Коэн, свободно владевший арабским языком, понравился Даяну, когда вел переговоры с террористами из «Черного сентября», захватившими самолеты «Сабены».

В последний момент решили, что появление Моше Даяна в Мюнхене может только насторожить террористов и ужесточить их требования. Даян позвонил Голде Меир. Она согласилась, что министру обороны не стоит лететь.

Но Замира она хотела видеть в Мюнхене. Руководитель разведки тоже выразил сомнение в необходимости лететь:

— Там же есть наш посол. Что я буду делать?

Голда Меир настаивала:

— Важно, чтобы ты там был и своими глазами видел, что именно предпринимают немцы.

Цви Замир родился в Польше в 1925 году, его привезли в Палестину грудным ребенком. В 1946 году его арестовали англичане за то, что он помогал евреям нелегально приезжать в Палестину. Он служил в армии, командовал бригадой и получил погоны генерала. В Моссад он заботился одновременно об использовании самых современных технологий в разведке и о создании оперативных групп, выполнявших акции возмездия. По большей части эти группы действовали с хирургической точностью. Но бывали и громкие провалы.

МЮНХЕН, 5 СЕНТЯБРЯ 1972 ГОДА,
ДВА ЧАСА ДНЯ

В два часа дня Исса потребовал от Аннелизы Грэг организовать доставку продовольствия для заложников. Он уточнил:

— Надо столько еды, чтобы хватило на двадцать человек.

Но, предполагая возможные действия полиции, сразу же предупредил немцев:

— Мы есть не будем. Это только для заложников.

Террористы понимали, что полиция попытается подмешать в пищу снотворное или другие препараты, поэтому ели и пили только то, что принесли с собой.

У руководителей мюнхенской полиции возникла идея переодеть полицейских в поваров, которые принесут террористам еду и попытаются освободить заложников.

В 14.18 перед домом вновь появились Манфред Шрайбер и Вальтер Трёгер, их сопровождали два мнимых «официанта» — переодетые полицейские.

Запас продовольствия разложили в четыре коробки. Немцы надеялись, что террористы попросят официантов занести продовольствие в дом, но недооценили террористов.

Недаром Абу Дауд, напутствуя боевиков, запретил им пускать в дом кого бы то ни было. Его указания исполнялись неукоснительно. Исса потребовал оставить коробки у входа. Шрайберу и Трёгеру пришлось съесть по йогурту, чтобы доказать, что продукты не отравлены. После чего Исса сам перетаскивал все в дом, одну коробку за другой. «Официанты» не потребовались.

Террористы чувствовали себя уверенно. Стоя у открытых окон, они загорали. Ничего не боясь, выходили на улицу, где у входа стоял автомат с сигаретами.

Без пятнадцати три дня Геншер, Мерк и Шрайбер вновь пришли торговаться с террористами.

Первым заговорил земельный министр Бруно Мерк. Он повторил, что израильтяне все еще не собрали всех заключенных:

— Мы до сих пор не можем сказать вам ничего определенного. Если вы хотите убить израильтян, которых вы взяли, мы ничего не сможем сделать. Но ведь ничего не изменится, если вы убьете их не сейчас, а через пять минут.

Разгневанный Исса твердил, что через пять минут он кого-нибудь расстреляет.

Тогда Бруно Мерк привел посла Туниса в ФРГ Махмуда Местири и представителя Лиги арабских стран Мохаммада Хадифа. Настал их черед что-то предпринять.

Они вдвоем уговаривали Иссу:

— Дайте израильтянам больше времени, покажите, что палестинцы никого не хотят убивать.

Появление двух высокопоставленных арабских дипломатов произвело впечатление на руководителя террористов. Исса задумался и сказал, что согласен отодвинуть срок ультиматума до пяти часов.

— Но это крайний срок, — предупредил он.

Исса не мог не сознавать, что время работает не в пользу террористов. У немцев появляется возможность что-то придумать ради освобождения заложников. А его люди уже столько времени находятся в постоянном напряжении, без отдыха.

Исса начал понимать, что Израиль не собирается никого освобождать. Он столкнулся с твердой волей и решимостью израильтян. Он приготовился к смерти, но и его противники тоже были намерены сражаться до последнего.

Его начальников из «Черного сентября» судьба заключенных на самом деле совершенно не интересовала.

«Требование освободить наших братьев, томящихся в заключении, — говорил потом Джамаль аль-Гаши, — носило символический характер. Единственная цель нашей акции состояла в том, чтобы напугать мировое общественное мнение в тот самый момент, когда все радовались Олимпийским играм, и напомнить о судьбе палестинцев».

Но Исса хотел освободить своих братьев. И вообще он не мог вернуться домой с пустыми руками. Но и оставаться в захваченном им доме до бесконечности тоже было невозможно. Когда террористы устанут, немцы возьмут дом штурмом. Что же делать?

Абу Айяд рассказывал потом, будто в одном из арабских посольств возник план, который абсолютно всех устраивал. Израильских спортсменов отпускают, их место занимают немцы-добровольцы, с ними террористы улетают в какую-нибудь арабскую страну. А через два-три месяца Израиль тихо освобождает

.....

пятьдесят заключенных. И палестинцы довольны, и Израиль не потерял лица...

Но никто другой, помимо Абу Айяда, ни разу не упоминал этот план. Возможно, он все это придумал. Палестинскому руководству не нужен был тихий обмен заключенными. Палестинцам нужен был громкий теракт, от которого ужаснулся бы весь мир.

В 16.35 Геншер, Мерк, Трёгер, Шрайбер и еще несколько чиновников вновь появились возле дома на Конноли-штрассе. Аннализа Грэс попросила Исса выйти.

Бруно Мерк завел прежний разговор. Израильское правительство все еще не дало окончательного ответа, не все министры согласны отпустить заключенных. Израильскому правительству нужно дополнительное время...

Исса понимал, что его откровенно обманывают.

— Не пытайтесь нас надуть, — кричал он на баварского министра. — Вам не обмануть нас!

Но и немцы уже устали.

— Германия делает все, что может, — отрезал Геншер. — Мы выполняем все ваши требования, которые в состоянии исполнить. Если у вас есть новые требования, излагайте, мы готовы их выслушать.

Исса закурил и попросил подождать. Вернулся в дом. Через две минуты вышел.

— Ситуация изменилась, — более спокойным тоном сказал он. — Мы сыты по горло отсрочками. Один из заложников предложил лететь в Каир и там найти решение кризиса. Мне нравится эта идея. Значит, мне нужны два самолета. Они должны быть готовы к вылету через час.

«Я не верил, что израильтяне захотят вступить с нами в переговоры, пока мы находимся в Германии, — вспоминал Абу Дауд, — поэтому мы и запланировали перелет в арабскую страну. Когда мы оказались бы на

арабской земле, израильтянам пришлось бы вести с нами переговоры».

Руководители «Черного сентября» снабдили Иссу списком арабских стран, в которые он должен попытаться улететь вместе с заложниками, если Израиль откажется исполнить требования террористов. Первым в списке значился Египет, затем Марокко.

Немцы не знали, что ответить. Они понимали, что руководители Израиля не согласятся на то, чтобы их граждан вывезли в любую арабскую страну, которая находится в состоянии войны с еврейским государством. А в сентябре 1972 года еще ни одно арабское государство не признало Израиль и не заключило с ним мира.

Немецкие министры опять попытались уговорить Иссу отказаться от операции. Они снова перепробовали все варианты. Предлагали деньги, выражали готовность лететь вместе с террористами, если заложников освободят. В заложники предложил себя даже сын канцлера Федеративной Республики Петер Брандт. Но все предложения были наотрез отвергнуты.

Геншер на всякий случай предупредил палестинцев, что за столь короткое время ему не найти два самолета. К тому же предстоит подобрать пилотов-добровольцев — не всякий летчик «Люфтганзы» готов рискнуть своей головой. Исса согласился удовлетвориться одним самолетом, потребовав приготовить машину к семи вечера.

Но для начала немецкие чиновники решили убедиться, во-первых, в том, что заложники еще живы, и, во-вторых, в том, что они и в самом деле готовы лететь в Каир.

Немцы сказали Иссе, что с учетом трагического опыта нацистской Германии невозможно вновь силой вывезти евреев с немецкой земли. Поэтому они обязаны поговорить с заложниками и убедиться, что они согласны лететь в Каир.

Исса подумал и согласился. Он что-то крикнул по-арабски своим помощникам. К окну первого этажа подвели тренера по фехтованию Андре Шпицера, который говорил по-немецки. Его руки были связаны за спиной.

Андре родился в Трансильвании. Когда ему было всего одиннадцать лет, отец умер. Они с матерью эмигрировали в Израиль. Он отслужил в армии, поступил в спортивную академию и стал заниматься фехтованием.

Шпицера послали в Голландию учиться. Параллельно он сам учил молодежь, желающую освоить фехтование. Его ученицей стала местная девушка по имени Анки. Он научился говорить по-голландски и очень ей понравился, особенно благодаря его замечательному чувству юмора. Через два года Анки приняла иудаизм, и они поженились. Они поехали в Израиль и поселились на севере, неподалеку от границы с Ливаном. Они были счастливы. За месяц до поездки на Олимпиаду у них появилась дочка.

Шпицер говорил жене, что ему нравится идея олимпийского движения, где политические, религиозные и любые иные разногласия отходят на задний план и спортсмены разных стран становятся друзьями.

Они не хотели расставаться ни на минуту. Когда Андре отправили в Мюнхен, Анки с ребенком поехала в Голландию. Она остановилась в родительском доме, благо ее брат был педиатром. Она хотела повидать мужа. У нее не было денег на поезд, и она добралась до Мюнхена на перекладных. Муж снял ей комнату в маленькой гостинице. Вечерами она пробиралась к нему в Олимпийскую деревню, легко находя ворота, которые вообще не охранялись.

Во время соревнований Андре Шпицер оказался рядом со спортсменами из Ливана.

— Знаешь, — рассказал он жене, — я подошел к ним и поздоровался.

— Ты с ума сошел! — ахнула она. — Они же из Ливана, а Ливан находится в состоянии войны с Израилем!

— Анки, — уверенно сказал Шпицер, — в этом смысл Олимпиады. Мы можем свободно разговаривать друг с другом, и политика не имеет для нас никакого значения.

Он действительно подошел к ливанским спортсменам, представился и поинтересовался, какие у них результаты. И ливанцы пожали ему руку, они спокойно разговаривали.

Шпицер вернулся довольный и сказал жене:

— Это то, о чем я мечтал.

Дочка заболела, и на один день они оба поехали в Голландию. Они провели с девочкой весь день. В результате Андре опоздал на обратный мюнхенский поезд. Тогда на машине они доехали до следующей станции, и он успел вскочить в вагон. Лучше бы он опоздал...

Накануне вечером Андре Шпицер позвонил жене из Олимпийской деревни. Они говорили, пока у него не кончились деньги. Анки только услышала:

— Я люблю тебя!

И его голос замолк. Это был последний раз, когда они разговаривали. В тот день его жена находилась в доме своих родителей. В половине десятого утра она узнала, что ее муж среди заложников. Она не отрывалась от телевизора и вдруг в последний раз увидела Андре.

Распахнулось окно, и палестинцы показали его немцам.

— Все в порядке? — спросил его Геншер. — Как себя чувствуют остальные заложники?

— Все в порядке, кроме одного, — ответил Андре Шпицер, но террорист ударил его прикладом, чтобы он не говорил лишнего.

Тогда Андре Шпицер сказал иначе:

— Все заложники, кто пережил утреннее нападение, живы. Они в порядке.

Геншер крикнул:

— Мы делаем все, что можем, ради вашего освобождения!

Шпицер хотел что-то сказать, но его опять ударили прикладом и оттащили от окна. Окно закрыли.

Геншер твердо сказал Иссе, что так не пойдет:

— Мы должны поговорить со всеми заложниками. Только в таком случае немецкие власти могут позволить вам и заложникам покинуть Федеративную Республику.

Исса оказался в трудном положении. У него не оставалось выбора. Уже было пять часов дня. Время истекало, его люди скоро устанут. Ему нужно было любыми средствами вылететь в дружественную арабскую страну и там либо продолжать переговоры, либо прикончить израильтян.

Исса разрешил Геншеру войти. С министром хотел пойти Манфред Шрайбер, но палестинец не хотел пускать в дом полицейского. Он предпочел впустить бургомистра Олимпийской деревни Трёгера.

В половине шестого вечера перед немцами распахнулась голубая дверь дома № 31 на Конноли-штрассе. Они поднялись по лестнице на второй этаж, прошли по коридору, и их завели в комнату, где держали заложников. Два террориста с автоматами стояли у дверей.

В центре комнаты по-прежнему лежало тело Йосефа Романо. На стенах остались следы от пуль, на полу запеклась кровь. Огромный Гутфройнд сидел в кресле. Остальных заложников посадили на кровать у другой стены. Руки и ноги у всех были связаны.

— Я никогда не забуду этой сцены, — говорил потом Геншер. — Сколько я буду жить, я буду помнить эти лица.

Обратившись к заложникам, Геншер назвал себя и сказал, что сделает все, чтобы им помочь. Потом он спросил заложников, как они себя чувствуют, не хотят ли они есть?

Спортсмены в равной степени боялись и террористов, которые уже застрелили двоих израильтян, и полицейских — спасательная операция также могла закончиться их смертью. Поэтому, когда Геншер спросил, согласны ли они быть вывезенными из страны — при условии, что их безопасность гарантируется, — израильтяне в принципе не стали возражать. Это был хотя бы какой-то шанс:

— Если для того, чтобы обрести свободу, нам придется отправиться в столицу арабской страны, то мы согласны.

Но тренер по стрельбе Кеат Шорр — он был старше других и участвовал в антифашистском сопротивлении в годы Второй мировой войны — добавил:

— Это имеет смысл только в том случае, если наше правительство согласно удовлетворить требования террористов. Иначе нас там убьют.

— Иначе говоря, — уточнил Геншер, — если ваше правительство не согласно выпустить заключенных в обмен на вас, вы не хотели бы покинуть территорию Германии?

— В этом нет смысла, — резонно ответил Шорр.

По словам Вальтера Трёгера, заложники сознавали, что они представляют Израиль, что они должны быть мужественными перед лицом врагов, и они держались с достоинством. Но они, конечно же, хотели остаться в живых.

Андре Шпицер попросил Геншера передать его жене, что он ее любит и не сомневается в том, что все будет хорошо:

— Когда-нибудь мы с юмором будем все это вспоминать.

Геншер передал его слова израильскому послу. Тот позвонил жене Шпицера. Анки была поражена оптимистичностью его слов. Но как иначе мужчина в такую тягостную минуту мог успокоить женщину?

— Мы вас не бросим, — пообещал Геншер на прощание, но он сам понимал, что это были лишь слова.

С мрачными лицами двое немцев покинули здание на Конноли-штрассе, предоставив евреям их судьбе. Подполковник Ульрих Вегенер был поражен, увидев Геншера. Министр внутренних дел впал в депрессию.

— Они фанатики, — обреченно сказал Ганс Дитрих Геншер о палестинцах.

В кризисном штабе Манфред Шрайбер и его подчиненные-полицейские буквально набросились на Геншера и Трёгера; их просили описать ситуацию внутри здания, местонахождение заложников и террористов. Особенно полицейским важно было понять, сколько террористов, чем они вооружены и как себя ведут. В кризисном штабе обдумывали возможность штурма здания.

Вопрос о количестве террористов был ключевым. Геншер и Трёгер сказали, что они видели четверых, максимум пятерых палестинцев. Их оценку приняли как точно установленный факт. В дальнейших расчетах полиция исходила из того, что террористов не более пяти. Эта ошибка привела к роковым последствиям. Причина этой ошибки — нерасторопность и некомпетентность мюнхенской полиции.

В четыре утра почтальоны видели в Олимпийской деревне большую группу людей, которых они ошибочно приняли за подгулявших спортсменов. Когда почтальоны услышали о захвате заложников, они немедленно обратились в полицию. Но только в шесть вечера их допросили! Почтальоны подтвердили, что террористов было от восьми до двенадцати человек. Точнее они не могли сказать. Но полицейские должны были как минимум усвоить, что террористов

не пятеро, а вдвое больше! Однако эта жизненно важная информация не достигла кризисного штаба.

Геншер и Трёгер принесли и другую новость — они видели труп убитого израильтянина. Просмотрели фотографии членов израильской делегации и поняли, что убит Йосеф Романо.

Его жена Илана не хотела отпускать мужа на Олимпиаду, и никто из знакомых не мог понять ее мотивы — это такая высокая честь.

— Я боюсь, — говорила Илана мужу, — у меня плохое предчувствие.

— Перестань, — улыбался он. — Это же немцы, они обо всем позаботятся, у них все всегда предусмотрено. Не беспокойся, там все будет в порядке.

3 сентября Йосеф Романо позвонил Илане из Мюнхена и сказал, что он получил травму, поэтому через два дня вернется на родину вместе с одним из спортивных врачей. Ему, наверное, придется сделать операцию.

— Операция чепуховая, — утешал он жену. — Не беспокойся. Я очень скучаю без вас.

Это был его последний звонок. Утром 5 сентября соседи рассказали Илане, что произошло в Мюнхене.

— Я сразу поняла, — говорила она потом, — что он не позволит обращаться с собой, как с овцой. Он что-нибудь предпримет. И дьявол внутри меня сказал, что я его больше не увижу...

В Израиле полицейский приехал к Илане Романо, ставшей вдовой, вместе с сотрудником Национального олимпийского комитета. В этой стране о смерти родных сообщают немедленно и только лично.

— Плохие новости о Йосефе, — начал полицейский.

Илана понимала, что должна подготовиться к худшему. Она посмотрела ему в глаза:

— Скажи правду.

— Новости ужасные. Йосеф убит. Утром. Сначала они убили Моше. Затем его.

— Он страдал? — только и спросила Илана.

Полицейский, не колеблясь, ответил:

— Нет.

Илана Романо ему не поверила. Ей стало плохо. Вызвали врача, который ввел ей валиум. Сутки ее держали на седативных препаратах.

МЮНХЕН, 5 СЕНТЯБРЯ 1972 ГОДА, ШЕСТЬ ВЕЧЕРА

А в Мюнхене Исса отодвинул срок ультиматума до девяти часов вечера. Добавил, что делает это в последний раз. Он вновь пригрозил, что будет убивать по одному заложнику каждый час, пока немцы не предоставят ему самолет.

— Освобожденные палестинцы должны ждать нас завтра на взлетной полосе в Каире в восемь утра, — сказал Исса немцам. — Если их там не окажется, мы казним заложников прежде, чем покинем самолет.

— Это же невинные люди, — сказал Геншер.

— Я солдат, — бросил Исса. — Мы — на войне.

Исса верил в то, что им позволят улететь. Он приказал боевикам готовиться к отъезду в аэропорт.

Немецким властям было ясно, что Израиль никогда не одобрит отправку своих граждан во враждебную страну. Поэтому в правительстве Федеративной Республики с самого начала решили, что заложники никуда не улетят. Террористам ввали, чтобы выиграть время и найти способ освободить заложников.

Несколько десятков немецких полицейских, для маскировки переодетых в спортивные костюмы, расположились на крышах соседних домов, выискивая слабые места в обороне террористов.

В кризисном штабе возникла еще одна идея — полицейские могут проникнуть в дом скрытно, через вентиляционные шахты, находившиеся на крыше. Проверили: диаметр шахт достаточен для того, чтобы человек пролез внутрь.

Проблема состояла в том, чтобы подыскать подходящих людей. Подготовленных оперативников среди мюнхенских полицейских не оказалось. Наиболее умелыми сочли тринадцать человек из специальной розыскной группы мюнхенской полиции, поскольку они занимались борьбой с организованной преступностью и хотя бы немного владели рукопашным боем.

Все полицейские согласились рискнуть ради того, чтобы спасти невинных людей, но понимали, что шансов на успех совсем немного. Они с семи утра торчали на крыше, ожидая какого-нибудь приказа. Их снабдили бронежилетами, автоматами и штатным оружием — револьверами.

Операция по освобождению заложников получила оптимистическое название «Солнечное сияние». Полицейские несколько часов изучали планы здания и готовились нырять в вентиляционные шахты. Проблема состояла в том, что они не знали, где точно внутри здания находятся террористы.

Но и от этой идеи пришлось отказаться. Повсюду находились не только тысячи наблюдателей, живо обсуждавших происходящее, но и телевизионные камеры, которые с самого утра показывали все происходящее вокруг заложников. Камеры зафиксировали бы и передвижение полицейских на крыше. Телевизионщики уже показали, как полицейские сняли кожухи с вентиляционных шахт и стоят рядом с ними, готовые к атаке. Жены полицейских, сидевшие дома, с удивлением наблюдали за своими мужьями.

Полицейских на крыше увидели и террористы. Иса спустился вниз и выскочил на улицу. Он крикнул стоявшим там немецким чиновникам, что, если поли-

цейские немедленно не исчезнут, он лично пристрелит парочку заложников.

Позднее выяснилось, что в доме № 31 в каждой комнате был телевизор, и террористы видели все, что происходило у них над головой.

Выбора у Манфреда Шрайбера не оставалось. В 6.10 полицейские, находившиеся на крыше, собрали вещи и исчезли. Полицейским ничего не объяснили, им просто передали по радио приказ покинуть крышу. Они были счастливы.

— Слава богу, что мне не довелось услышать кодовые слова «Солнечное сияние»! — признался один из них. — Это была бы самоубийственная миссия. Мы абсолютно не были готовы к тому, чтобы бороться с террористами.

Когда полицейских с крыши убрали, террористы в доме расслабились. Через минуту Исса вновь вышел из дома. Он любезно угостил Аннелизу Грэс сигаретой, потом со вкусом очистил себе банан, второй протянул ей.

Немцы убедились в том, что спасательная операция внутри дома невозможна. Дом представлял собой настоящий лабиринт со множеством коридоров, где на каждом шагу мог находиться вооруженный террорист или замаскированная мина. Значит, попробовать освободить заложников можно было только в тот момент, когда террористы покинут дом.

КАИР, 5 СЕНТЯБРЯ 1972 ГОДА

Но федеральное правительство все еще надеялось избежать кровопролития.

Канцлер Вилли Брандт попросил министра иностранных дел Вальтера Шееля обратиться к руководителям арабских стран с просьбой вмешаться и добиться освобождения заложников.

После заседания правительства ФРГ ведомство печати и информации распространило текст обращения Брандта главам государств и правительств арабских стран:

«Федеральное правительство глубоко потрясено сообщением о том, что олимпийский мир нарушен в результате нападения, которое стоило человеческих жизней и угрожает жизням других. В этот час я призываю вас сделать все для того, чтобы были освобождены заложники».

Вилли Брандт родился в Любеке и был записан в метрическую книгу как Герберт Эрнст Карл Фрам. Это его настоящее имя. Он появился на свет внебрачным ребенком продавщицы в кооперативном магазине. Его происхождение было предметом издевок и нападков со стороны политических противников. Он мужественно их переносил. Уже будучи известным политиком, он узнал, что его отцом был Йон Мёллер, скромный бухгалтер, умерший в 50-х годах. Он и не подозревал, что его сын станет одним из самых знаменитых немцев.

Будущий канцлер очень рано заинтересовался политикой, сначала присоединился к социал-демократам, потом вступил в более радикальную Социалистическую рабочую партию. После прихода нацистов к власти он попытался уйти в подполье и взял себе псевдоним Вилли Брандт.

Но быстро понял, что ему придется покинуть Германию. Он бежал на рыбацкой лодке в Данию, оттуда перебрался в Норвегию, где участвовал в антифашистской борьбе. В 1938 году нацистские власти лишили его германского гражданства. Он получил норвежское гражданство, стал журналистом. После оккупации Норвегии бежал в Швецию.

Немецкое гражданство ему вернули в 1948 году, псевдоним подпольщика он сделал фамилией. Так

.....

появился немецкий политик Вилли Брандт. Он был противником и крайне правых, и крайне левых. В 1949 году он произнес громкую речь против коммунистов, взявших власть в Чехословакии:

— Старик Маркс перевернулся бы в гробу, если бы знал, что натворили эти нетерпеливые идиоты.

В октябре 1957 года его избрали правящим бургомистром Западного Берлина. Этот пост поставил его в центр мировой политики, поскольку вокруг Западного Берлина постоянно вспыхивали баталии между Советским Союзом и Западом.

В августе 1960 года социал-демократы выдвинули Брандта кандидатом в канцлеры на очередных выборах с лозунгом:

— Новые времена требуют новых людей. За дело должно взяться молодое поколение с его еще не растраченной энергией. Поэтому федеральным канцлером должен стать Вилли Брандт!

Партийный съезд встретил Брандта бурными аплодисментами. Социал-демократы вели себя так, будто партия уже победила, а он и в самом деле стал канцлером. Делегаты партийного съезда с воодушевлением пели:

Когда мы шагаем плечом к плечу,
И старые песни поем,
И нам отвечают эхом леса,
Мы чувствуем: все нам удастся!
С нами приходит новое время,
С нами приходит новое время!

Социал-демократы считали, что избрание молодого и обаятельного Джона Кеннеди президентом Соединенных Штатов открывает дорогу молодежи в мировую политику. Это был период политических грез. Социал-демократы поверили, что, выдвинув Вилли Брандта, они идут в ногу со временем и благодаря этому победа на выборах у них в кармане.

На всеобщих выборах в бундестаг 17 сентября 1961 года социал-демократы получили на два миллиона голосов больше, чем в прошлый раз, но этого было недостаточно, чтобы претендовать на власть. Избирателей, возможно, отпугивал ярлык незаконнорожденного левака, который политические противники навесили на Брандта. Социал-демократы остались в оппозиции, Вилли Брандт — правящим бургомистром Западного Берлина.

Американские журналисты окрестили его «Вилли-победителем», считая, что на него падает частица блеска, излучаемого мифом Кеннеди. Соотечественники называли его «немецким Кеннеди». Брандт стал символом разделенного Берлина, когда построили стену. В июле 1963 года, когда Кеннеди произнес свою знаменитую речь в Западном Берлине, сказав по-немецки «Я — тоже берлинец», рядом стоял Брандт. Он стал политиком международного масштаба.

Но Брандт был против конфронтации с Восточной Германией и Советским Союзом. Он считал, что два немецких государства — это реальность.

«Вилли Брандт, — писал хорошо его знавший Франц Йозеф Штраус, — очаровывал многих людей. Он был человеком перспективных планов и утопий, пророком, ясновидцем, который умел создавать впечатление, что он видит берега будущего.

Брандт, подобно Кеннеди, стал идиолом многих граждан, центром притяжения паломников из числа нуждающихся и испытывающих трудности людей».

Наступил момент, когда Вилли Брандт получил возможность реализовать свои планы, казавшиеся Штраусу и многим другим утопией. В 1966 году он стал вице-канцлером и одновременно министром иностранных дел. Через три года — канцлером. Он сразу заявил о необходимости установить новые отношения с Советским Союзом и ГДР. И ему это удалось.

В 1971 году Брандт был удостоен Нобелевской премии мира. Но признание им послевоенных границ в Европе вызвало раздражение тех немцев, кто видел Германию великой державой и мечтал о возвращении утраченных территорий. Половина немцев сочла его коленопреклонение перед памятником варшавского гетто неуместной выходкой.

Другие им восхищались. Вилли Брандт сумел найти редкое сочетание власти и морали. «Мораль без власти недействительна, власть без морали мертва», — сказал о нем федеральный президент Рихард фон Вайццеккер.

Вилли Брандт сделал еще одну попытку. Он попросил соединить его с египетским президентом Анваром аль-Садатом. Брандт намеревался попросить Садата выступить посредником. Он рассчитывал, что глава крупнейшего арабского государства сможет уговорить террористов освободить заложников и покинуть страну.

Садат стал президентом страны после скоропостижной смерти Насера за два года до описываемых событий. Они вместе создавали организацию молодых офицеров, которая свергла монархию. Насер держал соратника в тени, и это злило Садата. «Насер был занят почти исключительно созданием мифа о собственном величии», — писал Садат в своих воспоминаниях.

Ходили слухи, что Насер, цвет кожи которого был лишь чуть светлее, за глаза именовал Садата «черным ослом». Садат был по натуре более лукавым человеком, чем Насер. Находясь в тени хозяина Египта, он научился той истине, что в политике терпение может быть столь же эффективным оружием, как и хитрость.

Нового президента недооценивали. Западные политики воспринимали его как напыщенного невежду. Сам Садат обиженно повторял:

— Запад ненавидит арабов просто потому, что считает их неграми.

Анвар аль-Садат даже не захотел разговаривать с канцлером ФРГ, сослался на занятость. Египетский президент умыл руки. У него были другие проблемы. Именно в эти дни начинался напряженный — и суперсекретный! — диалог между ним и Соединенными Штатами.

Садат не разделял социалистических убеждений Насера, и ему не нравился чересчур тесный союз с Москвой. Став президентом Египта, он более всего желал полной перемены курса.

В начале апреля 1972 года Египет установил секретный канал связи с Белым домом. Один высший египетский офицер заявил американскому дипломату в Каире, что в Египте недовольны уровнем официальных контактов и хотели бы установить связь на президентском уровне. Так начался секретный обмен информацией между Вашингтоном и Каиром.

За месяц с небольшим до начала Олимпиады, 18 июля 1972 года, Садат потребовал от Советского Союза в течение недели вывести весь военный персонал из Египта. Садат радикально менял внешнеполитические ориентиры, налаживал отношения с американцами и не хотел вступать в неприятные истории с палестинскими боевиками и заложниками. Кроме того, египетский президент не имел ничего против боевых операций палестинцев. Он сам готовился к новой войне с Израилем, которую начнет через год с небольшим.

Вилли Брандту пришлось удовольствоваться беседой с премьер-министром Египта Азизом Сидки.

«Я пытался убедить его в том, что в наших общих интересах решить проблему без дальнейших жертв, — вспоминал Брандт. — Я спросил, может ли самолет, который потребовали для себя террористы, сесть в Каире? Нельзя ли сразу отделить террористов от заложников?»

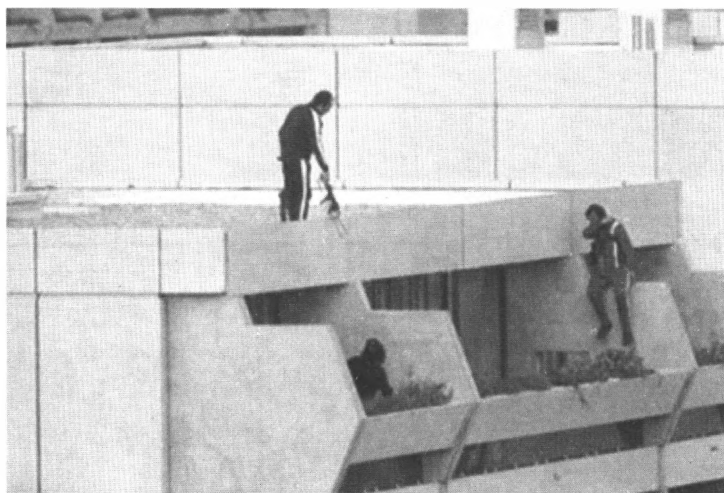
Групповой снимок израильской команды, которая приехала на Олимпиаду в Мюнхен. Еще все живы и счастливы.

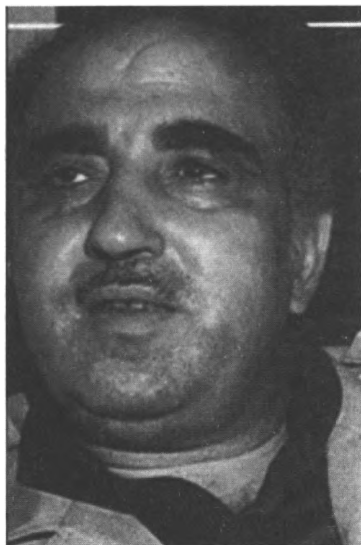
Лишь немногие предчувствовали дурное. Остальные члены израильской спортивной команды радовались празднику спорта в Мюнхене. Пока их не убили.

ПАЛЕСТИНСКИЕ ТЕРРОРИСТЫ ЗАХВАТИЛИ ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛА ИЗРАИЛЬСКАЯ СПОРТИВНАЯ КОМАНДА. ЭТОТ СНИМОК ВОШЕЛ В ИСТОРИЮ КАК СИМВОЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА.

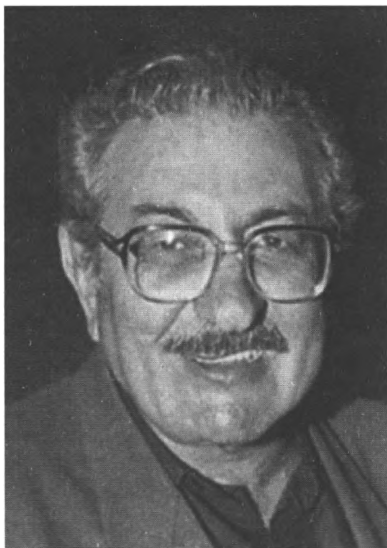

Террористы чувствовали себя в Олимпийской деревне совершенно уверенно и ничего не боялись.

Абу Айяд - руководитель боевых операций ФАТХ и "Черного сентября". Он подобрал террористов, которые нападут на Олимпийскую деревню в Мюнхене.

Абу Дауд - ближайший соратник Ясира Арафата. Он непосредственно руководил боевиками, которые похитили и убили израильских спортсменов.

Али Хасан Саламех (слева) считался наследником Ясира Арафата.

Вызванные в Олимпийскую деревню на помощь полицейские были безоружны.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ФРГ ГАНС ДИТРИХ ГЕНШЕР БЕЗУСПЕШНО ПЫТАЛСЯ ДОГОВОРИТЬСЯ С РУКОВОДИТЕЛЕМ ТЕРРОРИСТОВ ПО ИМЕНИ ИССА.

ЭЙВЕРИ БРЭНДЕДЖ,
ПРЕЗИДЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО
ОЛИМПИЙСКОГО КОМИТЕТА,
БЫЛ ОЗАБОЧЕН ТОЛЬКО ОДНИМ:
ЕМУ ХОТЕЛОСЬ ВО ЧТО БЫ ТО
НИ СТАЛО ПРОДОЛЖИТЬ ИГРЫ.

АВТОБУС С ЗАЛОЖНИКАМИ. ЕЩЕ НИКТО НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ИЗРАИЛЬСКИЕ
СПОРТСМЕНЫ ОБРЕЧЕНЫ.

Андре Шпитцер и его счастливая жена. Кто знал, что их ждет в Мюнхене?..

Гад Цабари (крайний слева) – единственный, кто сумел уйти от террористов. Его товарищи по команде – Марк Славин, Моше Вайнберг и Элизейзер Халфин погибли.

Яков Шпрингер, как судья,
должен был жить в гостинице.

Он предпочел остаться
с друзьями и тоже попал в руки
террористов.

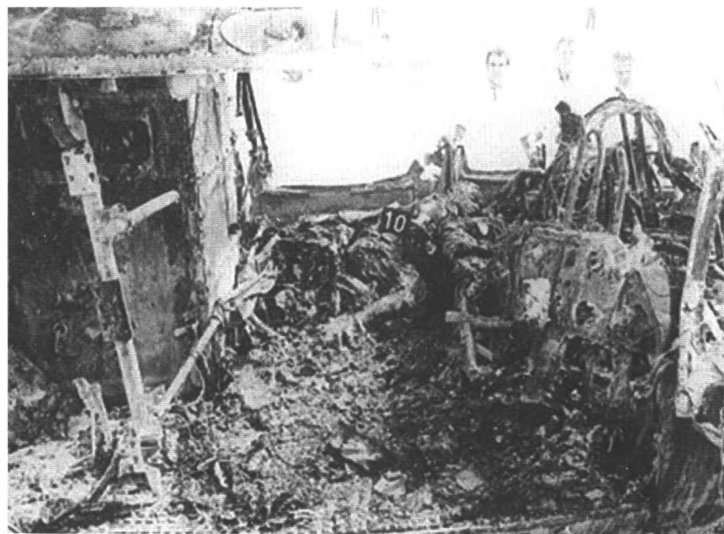
Йосеф Романо сражался
с террористами до последнего.

Йосеф Гутфройнд выиграл для
своих товарищей несколько
секунд и как минимум одному
человеку спас жизнь.

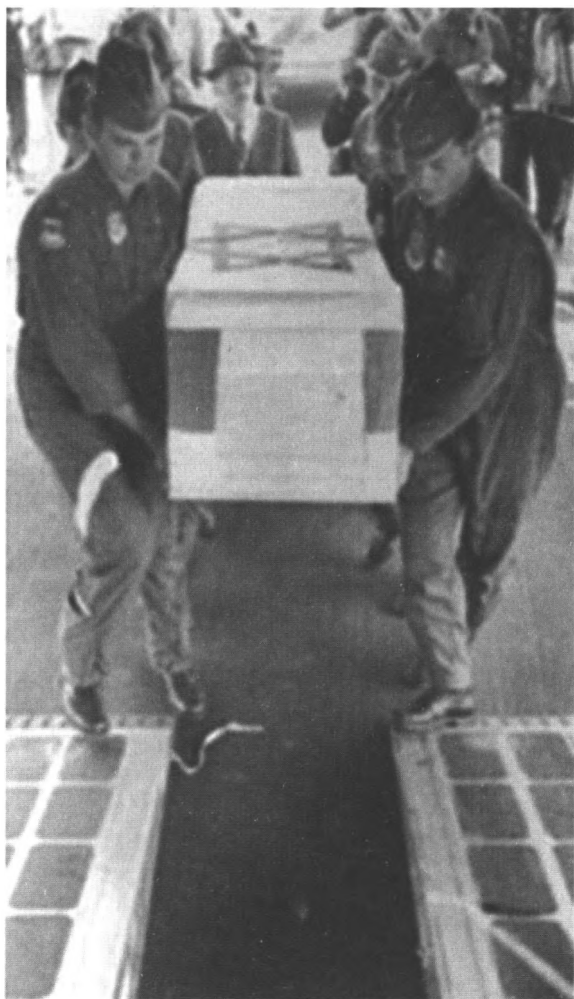
Террористы и заложники улетели на двух вертолетах.

Баварская полиция действовала на редкость неумело. Вот все, что осталось от вертолета с заложниками.

УБИТЫЕ ИЗРАИЛЬСКИЕ СПОРТСМЕНЫ.

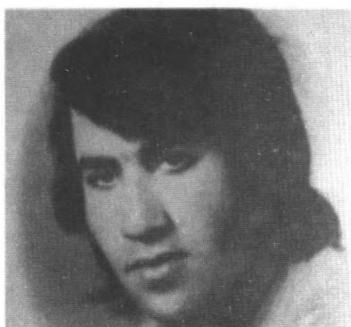
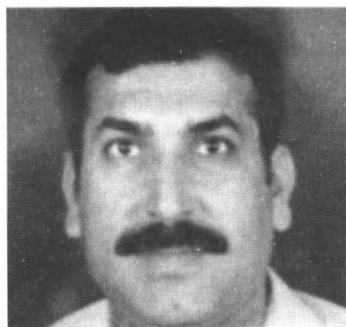
Убитых спортсменов хоронили в Израиле со всеми почестями.

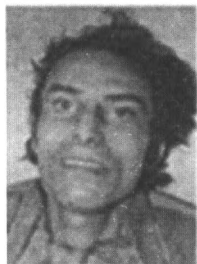
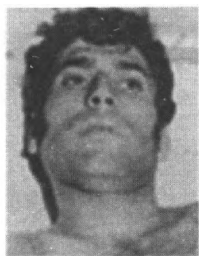
ДИРЕКТОР МОССАДА ЦВИ ЗАМИР
ВИДЕЛ, КАК ГИБЛИ СПОРТСМЕНЫ
В МЮХЕНЕ. ОН РУКОВОДИЛ
ОПЕРАЦИЕЙ ВОЗМЕЗДИЯ.

АБУ ДАУДА ПЫТАЛИСЬ
УБИТЬ В ВАРШАВЕ,
НО ОН ВЫЖИЛ.

ПАЛЕСТИНСКИЕ ТЕРРОРИСТЫ,
ОСТАВШИЕСЯ В ЖИВЫХ ПОСЛЕ БОЙНИ
НА АЭРОДРОМЕ. ПОТОМ ОПЕРАТИВНИКИ
МОССАДА ВСЕ ЖЕ ДОБРАЛИСЬ ДО НИХ.

Полиция ФРГ выпустила плакат с фотографиями террористов из "Черного сентября", которые убили израильских спортсменов.

БАССАМ АБУ ШАРИФ, ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ НЕПРИМИРИМОЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНЫЙ ФРОНТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПАЛЕСТИНЫ. НА НЕГО БЫЛО ОРГАНИЗОВАНО ПОКУШЕНИЕ. ОН ПОЛУЧИЛ БОМБУ В ПОСЫЛКЕ. ОН ПОТЕРЯЛ ГЛАЗ И ЛИШИЛСЯ НЕСКОЛЬКИХ ПАЛЬЦЕВ, НО ОСТАЛСЯ ЖИВ. СО ВРЕМЕНЕМ ОН ПЕРЕШЕЛ К АРАФАТУ И СТАЛ СТОРОННИКОМ ПЕРЕГОВОРОВ С ИЗРАИЛЬТЯНАМИ...

МИНИСТРЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ФРГ – ГАНС ДИТРИХ ГЕНШЕР И БАВАРИИ – БРУНО МЕРК РАССКАЗЫВАЮТ О ТОМ, ПОЧЕМУ ПРОВАЛИЛАСЬ ОПЕРАЦИЯ, КОТОРОЙ ОНИ РУКОВОДИЛИ.

Сидки все это не нравилось. Напрасно я пытался объяснить, что возможные тяжкие последствия повредят арабскому делу. Мне ответили, что Каир ничего не намерен делать в отношении «этих людей».

Эта была последняя попытка уладить все миром.

Отказ Садата вмешаться означал, что в Мюнхене кровопролитие становилось неминуемым.

Правда, египетский премьер Азиз Сидки позднее излагал иную версию разговора с канцлером. По его словам, Вилли Брандт требовал гарантий безопасности израильских заложников, если они окажутся в Каире. Сидки ответил, что он не может дать абсолютных гарантий (египтяне не контролировали «Черный сентябрь»), но обещал сделать все возможное.

Один из немецких политиков предположил, что, если бы израильтяне попали в Египет, их бы там убили.

— Как он мог такое сказать? — возмутился Сидки. — Неужели египетское правительство допустило бы бойню? Мы хотели спасти заложников. Но Германия выбрала другой путь, и все погибли...

Трудно сказать, как повели бы себя египтяне, если бы самолет с заложниками-израильтянами оказался в их власти. Но Вилли Брандт не верил в добрые чувства руководителей Египта и отказ дать ему гарантии безопасности заложников воспринял как угрозу их жизни.

— Нельзя позволить, чтобы израильтян вывезли из нашей страны, как багаж, — сказал канцлер своим подчиненным. — Террористов надо остановить.

МЮНХЕН, 5 СЕНТЯБРЯ 1972 ГОДА,
СЕМЬ ВЕЧЕРА

Родственники заложников в Израиле ничего не знали. Они металась в отчаянии, приходя в ужас от различных слухов. Мириам Гутфройнд отправилась к

Стене Плача. Она просто молилась. В Мюнхене остатки израильской команды немцы собрали вместе, снабдили их едой и одеждой, принесли телевизор и привели переводчика, знающего иврит.

В этой ситуации полицай-президент Шрайбер пришел к выводу, что силовая операция — единственный выход. Придется подготовить самолет для террористов, но ни при каких обстоятельствах он не должен взлететь.

Вальтер Трёгер первым сообразил, что опасно вести террористов в огромный мюнхенский гражданский аэропорт, где полно людей. Вспомнили, что в двадцати пяти километрах от города находится военный аэродром Фюрстенфельдбрюк, который иногда использовался в гражданских целях, например, во время ежегодного пивного фестиваля.

Военный аэродром казался идеальным местом для проведения спасательной операции: двадцать километров от города, изолирован от населенных пунктов, окружен лесом и двухметровой оградой, сверху колючая проволока, через которую пропущен электрический ток.

В Фюрстенфельдбрюк отправили полицейского чиновника подготовить самолет для террористов и пять снайперов, которые должны были освоиться на местности.

Тем временем рейсовым самолетом из Израиля в Мюнхен прилетели директор Моссад Цви Замир и сотрудник Шин-Бет Виктор Коэн. Гостей отвезли в Олимпийскую деревню, где с ними беседовали Геншер и самый популярный мюнхенский политик Франц Йозеф Штраус, бывший федеральный министр и будущий премьер-министр Баварии.

Блистательный оратор и искушенный политик, Штраус был человеком с юмором. На свои деньги издавал альбомы весьма нелестных для него карикатур и раздаривал их гостям, справедливо полагая, что

.....

в свободном обществе это на пользу всем, а ему еще и дополнительная реклама.

Бавария считалась твердыней католицизма. Штраус вспоминал, что клерикальное крыло его партии хотело ограничить членство в партии только теми, кто регулярно посещает церковь. Штраус отстаивал иной принцип: ХСС — партия граждан, которые исповедуют христианский нравственный закон в самом широком толковании этого понятия. Он говорил, что партию не должно интересовать, ходит ли тот или иной человек в церковь и вообще к какому вероисповеданию он принадлежит. Но Штраус был против приема в ХСС воинствующих атеистов.

Он хотел, с одной стороны, сохранить Баварию с ее крестьянской и ремесленно-сословной структурой, а с другой — превратить родину в современное передовое индустриальное государство.

Штраус был генеральным секретарем партии с 1948 года. В марте 1961 года его избрали председателем ХСС, и он руководил партией дольше, чем любой другой глава партии в истории Федеративной Республики. Казалось, что он неминуемо станет канцлером. Возглавить правительство ему не удалось, но в Баварии без него ничего не решалось.

Руководитель Моссад Цви Замир предложил немцам свою помощь. Он считал, что нужно затягивать переговоры до бесконечности. Напряжение невыносимо для террористов, следовательно, надо делать все, чтобы их психика не выдержала, чтобы они устали, чтобы их силы истощились.

Немцы отказались от его помощи. Его, собственно, даже не стали слушать. Немецкие чиновники не сомневались, что сами справятся:

— У нас есть хороший план. Его надо исполнять. Если мы промедлим, они начнут убивать заложников.

С Виктором Коэном точно так же не пожелали советоваться, хотя он был признанным специалистом по

ведению переговоров с террористами. У израильтян создалось ощущение, что их вообще воспринимают как нежелательных свидетелей.

— Баварские чиновники вели себя враждебно, — вспоминал Замир. — Они просто отказывались с нами разговаривать. Геншеру и нашему послу приходилось постоянно вмешиваться.

Замир все-таки добился, чтобы его посвятили в план операции. Он узнал, что террористов и заложников отправят на военный аэродром на двух вертолетах. Немецкие чиновники будут сопровождать их на третьем вертолете. А там, в Фюрстенфельдбрюке, террористов уничтожат. Этому поможет то, что на аэродроме двое террористов, в том числе их руководитель, пойдут осматривать самолет. В этот момент их перестреляют.

Замир тоже видел, что в самой Олимпийской деревне военная операция затруднена, и одобрил план мюнхенской полиции.

Директора Моссад сильно удивило, что Геншер и другие федеральные чиновники практически не имели никакого влияния на баварские и мюнхенские власти. Федеральные чиновники не давали никаких указаний, они могли только советовать. Некоторые из них вообще предпочитали помалкивать.

Кое-кто из немцев был полон дурных предчувствий.

— Я боялся, что все окончится очень плохо, — рассказывал Вальтер Трёгер. — В течение всего дня я много общался с террористами и видел, что они не сдадутся, что они будут сопротивляться. А в том, что их первыми жертвами станут именно заложники, сомневаться не приходилось.

Геншеру план тоже не нравился. Во-первых, он боялся за судьбу вертолетчиков, которые оказывались в полной власти террористов, а потом могли оказаться на линии огня. Во-вторых, он считал, что с террористами надо продолжать переговоры и довести их до

.....

изнеможения. Но баварские власти уже приняли решение.

Геншер пытался посеять некоторые сомнения в Мерке и Шрайбере, предлагал им еще и еще раз взвесить все «за» и «против», прежде чем решаться на операцию. Но баварские руководители убедили себя, что справятся, что им это дело по плечу. Они не сомневались в успехе.

Баварские министры и мюнхенская полиция находились под сильнейшим давлением организаторов Олимпийских игр. Жесткий и самоуверенный глава Международного олимпийского комитета Эйвери Брэндедж был озабочен только одним: ему хотелось во что бы то ни стало продолжить игры. Для того ему нужно было как можно скорее покончить с этой неприятной историей.

В семь вечера собрался Международный олимпийский комитет в Мюнхене. Решили поминки по двум убитым израильским спортсменам устроить на следующее утро. И что бы ни произошло с остальными заложниками, Игры должны продолжаться.

Эйвери Брэндедж сам в юности много занимался спортом и никогда не терял интереса к легкой атлетике. Он разбогател на строительных подрядах. Финансовая независимость позволила ему профессионально заняться руководящей работой в спорте.

В 1928 году Брэндедж возглавил Американский олимпийский комитет, а в 1936 году, на Олимпиаде в Берлине, стал членом Международного олимпийского комитета — в не малой степени потому, что резко возражал против идеи антифашистов бойкотировать игры в столице нацистской Германии.

В 1952 году, после Игр в Хельсинки, он возглавил Олимпийское движение. Двадцать лет пятый президент МОК Эйвери Брэндедж противился любому влиянию политики на его любимые Олимпийские иг-

ры. И он не собирался позволить каким-то террористам прервать игры, за которыми следит весь мир.

Баварские и мюнхенские власти во всем шли навстречу Олимпийскому комитету. Они тоже хотели как можно скорее все уладить, чтобы в Мюнхене поскорее воцарились порядок и спокойствие, чтобы в столицу летних Олимпийских игр вернулся олимпийский дух.

В 6.35 Геншер, Мерк, Шрайбер и Трёгер вновь пошли разговаривать с Иссой. Они сказали предводителю террористов, что все будет сделано, как он просил. На двух вертолетах боевиков и заложников доставят в аэропорт, оттуда на самолете отправят в Каир. Иссе и еще одному террористу будет позволено осмотреть самолет перед вылетом.

Исса удивился:

— Зачем нам вертолеты? Почему нельзя добраться до аэродрома на автобусе?

Вариант с автобусом был отвергнут во время совещания в кризисном штабе. Шрайбер и Мерк боялись, что террористы прикажут водителю остановиться и по пути захватят еще заложников — на сей раз из числа немцев.

Иссе они объяснили, что в Мюнхене сложная ситуация на дорогах — пробки. Припугнули: тысячи немцев за пределами Олимпийской деревни жаждут палестинской крови. Полиция не гарантирует безопасности. Зачем боевикам подвергать себя риску?

Подозрительный Исса качал головой и твердил, что этот план его не устраивает.

— Послушайте, — не выдержал Геншер, — вы можете убить всех заложников прямо сейчас, но ситуацию это не изменит. Нам все равно нужно два часа.

Слова министра возымели действие. Поколебавшись, Исса согласился. Установили время отъезда — девять вечера.

— Наша задача, — объяснял потом Манфред Шрайбер, — состояла в том, чтобы истощить силы террористов и одновременно как следует подготовить операцию на аэродроме.

Переговоры относительно каких-то деталей продолжались в 6.48 и в 6.58, но оттягивать и дальше время отъезда немецкие чиновники не решились. С каждой минутой Исса становился все более подозрительным. В половине седьмого он уже заметно нервничал. В семь вечера, разговаривая с Аннализой Грэс, он был настроен мрачно. Он впервые появился с автоматом в руке, раньше ему хватало гранаты в кармане.

Исса решил напугать полицейских и сказал, что за пределами Олимпийской деревни находятся и другие боевики, которые в условленное время придут к нему на помощь. Он предупредил, что без колебаний убьет всех израильтян и вместо них возьмет в заложники немцев.

Исса признался Аннализе, что чувствует опасность.

— Я готов поспорить на двадцать марок, — сказал он, — что нас атакуют и что я сегодня погибну.

К 7.20, как было условлено, прилетели два вертолета. Они сели на площадке рядом с административным зданием Олимпийской деревни. Это были темно-зеленые многоцелевые вертолеты UN-1D «Ирокез», испытанные лошадки, которые перевозили американских солдат в Южном Вьетнаме. Экипаж машины — два человека.

В 7.30 министр Мерк и начальник полиции Шрайбер на одном из вертолетов улетели на военный аэродром. Они хотели проверить, как идет подготовка к операции. Там всем руководил заместитель Шрайбера Георг Вольф.

Полет занял всего десять минут. Мерк и Шрайбер быстро обошли аэродром и одобрили план действий, разработанный на скорую руку Вольфом.

В 8.37 министр и полицей-президент вернулись в деревню, где кризисный штаб продолжал работать.

Руководители полиции увидели какой-то шанс на успех в самой ситуации отправки террористов и заложников на военный аэродром. Именно в этой суеде можно попробовать провести операцию и спасти израильтян.

У полицейских созрела новая идея — а что, если заставить Исса пройти пешком двести метров от захваченного им дома до площадки, где сели вертолеты? Боевики сразу превратятся в мишени для полицейских, которых можно разместить за бетонными плитами подземного гаража на Конноли-штрассе.

Тогда надо вернуть на Конноли-штрассе снайперов, и они из укрытия перестреляют террористов. Заложников едва ли удастся спасти, но жизни немцев будут вне опасности.

Шрайбер и Мерк согласились с идеей. Отправили вертолет за снайперами. Оставалось только убедить Исса.

В 8.50 обычная команда — Геншер, Мерк, Шрайбер и Трёгер — пошла вести переговоры. Немцы сообщили палестинцу, что нашли четверых вертолетчиков, готовых лететь. Но Исса должен поклясться, что не причинит пилотам вреда и не возьмет их в заложники. Исса был готов обещать все, что угодно. Он пришел в хорошее расположение духа и сказал Геншеру:

— Я хочу искренне поблагодарить ваше правительство за желание сделать все, что в ваших силах.

Но когда он услышал, что должен пройти двести метров пешком до вертолетов, ему это не понравилось. Немцы наивно полагали, что он согласится не раздумывая. Но он не был дураком и ответил, что ему нужно самому проверить этот путь.

Исса предупредил немцев, что, если он не вернется через шесть минут, остальные члены боевой группы убьют заложников. Сопровождаемый Шрайбером и

Трёгером, он прошел тем же путем, который шестнадцатью часами ранее оказался спасительным для израильского спортсмена Гади Цабари.

Группа проследовала мимо гаражей. Там уже везде расположились полицейские. Снайперы подбирали себе позиции. Они пытались скрыться, но даже если Исса их не заметил, он понял, что по дороге он будет уязвим и что в этой ситуации у него нет шансов. Он отверг идею пешей прогулки и потребовал автобус.

Немцам пришлось согласиться. Еще один план отпал.

Оставалось уповать на удачу на аэродроме. На всякий случай полицейские отряды были отправлены еще на четыре аэродрома в радиусе тридцати километров от Мюнхена. Существовала опасность, что террористы нарушат договоренность и заставят вертолетчиков сесть в другом месте.

МЮНХЕН, 5 СЕНТЯБРЯ 1972 ГОДА, ДЕВЯТЬ ВЕЧЕРА

В 21.05 переговоры с террористами завершились. На экранах телевизоров возникли Геншер и руководитель террористов, который был в хорошо сшитом костюме.

Немецкие власти официально обещали палестинским террористам, что специальный самолет доставит их в столицу Египта. Палестинцам подтвердили, что их требования выполнены и что их ждет готовый к вылету самолет.

К выходу из подвального этажа подогнали шестнадцатиместный мини-автобус. Исса потребовал автобус побольше. С машиной проблемы не было, но понадобился водитель, имеющий права на управление автобусами и перевозку пассажиров. Баварские власти

строго следили за соблюдением законов даже в кризисной ситуации. Стали искать добровольца.

Палестинцы понимали, какие опасности их подстерегают. Они знали, что дорога на автобусе должна занять не больше часа, на вертолете — полчаса. Их научили, как надо небольшими группами переводить заложников, чтобы их не подстрелил снайпер.

Около десяти вечера большой темно-зеленый автобус «фольксваген» с номерными знаками 19-3593 подкатил к подъезду дома, где разместили израильскую команду и где весь день хозяйничали террористы.

В 22.03 из дома вышел один из террористов с оружием. Он осмотрелся, стараясь убедиться в том, что это не ловушка. Затем заложников с повязками на лицах группами по трое загнали в автобус. Террористы, явно нервничавшие, держали пальцы на спусковом крючке.

В начале одиннадцатого автобус повез террористов и заложников к вертолетам. Только тогда полицейские крайне осторожно вошли в дом № 31. Повсюду были грязь, кучи мусора, оставленные палестинцами. На третьем этаже, в комнате, где держали заложников, пол и белые стены были забрызганы кровью. Йосеф Романо лежал на полу мертвый. Можно было представить, каково пришлось израильтянам, которых держали в этой комнате весь день.

Автобус подъехал к вертолетам. За полицейским барьером собралась огромная толпа. С раннего утра драма, к которой было приковано внимание не только Западной Германии, развивалась на телеэкранах. Теперь главные действующие лица предстали перед зрителями.

Исса ни на кого не обращал внимания. Он вылез из автобуса и тщательно осмотрел вертолеты. Потом махнул рукой, и заложников на глазах тысяч людей запихнули в вертолеты.

— Я опять видел, как связанных евреев ведут по немецкой земле, — рассказывал Цви Замир. — Я никогда не забуду этой страшной картины. Я думал тогда, что оправдан любой способ освободить их.

Стоявший рядом с директором Моссад министр внутренних дел Геншер считал террористов. Он насчитал восьмерых. А ведь немцы исходили из того, что террористов только пятеро. Замир не понял, как неприятно было это открытие для немцев. Он не знал, что на аэродром отправили только пятерых снайперов.

Под прицелом телекамер в первый вертолет террористы зачихнули Фридмана, Халфина, Бергера и Шпрингера. С ними сел Тони и еще трое террористов. Вертолет поднялся в небо.

Во второй вертолет посадили Славина, Гутфройнда, Шорра, Шпицера и Шапиро. Охраняли их Джамаль аль-Гаши, его дядя Аднан и еще один террорист. С ними летел Исса.

В 22.21 вертолеты растаяли в черном небе. Пилоты направили их в сторону военного аэродрома Фюрстенфельдбрюк, где на взлетной полосе стоял «Боинг-727».

Руководители Олимпийского комитета были довольны — главное, что террористов убрали из деревни. Теперь ничто не мешает продолжению Игр. Спортсменов предупредили, чтобы они готовились к завтрашним соревнованиям.

На третьем вертолете полетели Геншер, Мерк, Шрайбер, Штраус, а также Цви Замир и Виктор Коэн. Израильтяне с трудом добились, чтобы их взяли с собой. Баварцы не хотели присутствия иностранных наблюдателей на аэродроме.

Оба вертолета с террористами и заложниками полетели дальним путем, чтобы начальство успело прибыть на аэродром раньше их. По пути они пересекли крупную магистраль с указателем «В сторону Дахау и Фюрстенфельдбрюка». Напоминание о концлагере было пугающим предзнаменованием.

Члены кризисного штаба почти не верили в то, что заложников удастся спасти.

— Мы на девяносто девять процентов были уверены, что не сможем ничего сделать, — говорил позднее Шрайбер. — Мы были похожи на врачей, пытающихся вернуть к жизни мертвого.

Никто из израильтян не выжил. Они не могут рассказать, что они ощущали, оказавшись в вертолетах. Об этом можно только догадываться.

Джамаль аль-Гаши уверял, что атмосфера не была такой уж подавленной.

— Все расслабились, — рассказывал аль-Гаши, — даже израильтяне. Что касается нас, то, поднявшись в воздух, мы почувствовали, что сделали то, что хотели. Впервые я подумал о судьбе заложников. Мы все сидели рядом. Мы получили приказ в безнадежной ситуации убить заложников. Но никто не учил нас убивать безоружных связанных людей.

В отличие от неопытных боевиков Исса и Тони понимали, что начинается самая опасная часть их операции. Их смущало то, что им так легко дали сесть в вертолеты. Значит, их подстерегает ловушка. Скорее всего на них нападут на аэродроме. Исса всех инструктировал:

— Сражаться мужественно и продать свои жизни задорого.

ВОЕННЫЙ АЭРОДРОМ ФЮРСТЕНФЕЛЬДБРЮК, ДЕСЯТЬ ВЕЧЕРА

План заместителя начальника мюнхенской полиции Георга Вольфа состоял в следующем.

Пилоты посадят вертолеты примерно в ста метрах от бело-голубого самолета «Люфтганзы» «Боинг-727», внешне готового к полету до Каира.

На летном поле террористы окажутся под прицелом полицейских снайперов. Они имели возможность подыскать себе удобные позиции. Там была контрольная вышка, из которой все было видно, рядом двухэтажное административное здание с плоской крышей и еще небольшая пожарная станция, в которой тоже можно скрытно расположиться.

Но главным козырем в плане Георга Вольфа была устроенная им ловушка в самолете «Люфтганзы». После провала операции руководители мюнхенской полиции пытались скрыть, что именно полицейские внутри самолета должны были сыграть ключевую роль — захватить или убить руководителей террористов Тони и Иссу.

Возле машины стояли переодетые в летную форму полицейские. Они изображали членов экипажа и стюардов (рубашки им выдали люфтганзовские, а брюки у всех остались форменные, полицейские). Всем выдали по пистолету и по семнадцать патронов. Начальник группы Райнхольд Райх попросил дополнительно три автомата. Принесли автоматы и два магазина к каждому.

Это были все те же сотрудники специального разыскного отряда мюнхенской полиции, которых первоначально хотели запустить внутрь захваченного террористами здания через вентиляционные шахты.

Немцы договорились с Иссой, что после посадки вертолетчики смогут беспрепятственно покинуть кабины и уйти, а он сам и Тони пройдут к самолету, чтобы его осмотреть.

Полицейские должны были убить или схватить Иссу и Тони. После этого снайперы прикончили бы остальных палестинцев, которые в критический момент, лишившись руководства, несомненно, должны были растеряться.

Но из этой идеи ничего не вышло.

За пятнадцать минут до появления вертолетов переодетые полицейские наотрез отказались участвовать в операции, которую они считали самоубийственной. Они не верили, что сумеют схватить и обезоружить двоих террористов. Прикинули: если не успеют их убить первыми же выстрелами, то сами обречены.

Большинство из них хотело укрыться в хвосте самолета, надеясь, что гранаты террористов до них не долетят. А полицейские, изображавшие пилотов, оказывались на линии огня и своими телами закрывали террористов от полицейских в хвосте. Тут еще выяснилось, что самолет заправлен под завязку и от взрыва гранаты может взлететь на воздух.

Начальник спецгруппы Райнхольд Райх провел голосование. Все полицейские как один отказались участвовать в самоубийственной акции и проголосовали за то, чтобы покинуть самолет. Полицейские понимали, что от них зависит жизнь заложников, но предпочли не рисковать. Семнадцать немецких полицейских испугались двоих террористов и дезертировали.

Вертолеты уже приближались. Начальник спецгруппы Райх добежал до Вольфа и доложил, что произошло. План рухнул.

— Что же теперь делать? — растерянно спросил Георг Вольф своих подчиненных.

Не оставалось времени ни придумывать новый план, ни искать более смелых полицейских, которые бы рискнули остаться в самолете.

В распоряжении Вольфа оставались только снайперы.

Пилоты вертолетов немного покружились в воздухе, позволив третьему вертолету, на котором прилетели Шрайбер, Геншер и Мерк, сесть раньше. Они приземлились ровно в половине одиннадцатого вечера.

Цви Замир был потрясен, увидев темный аэропорт. Он не верил своим глазам. Летное поле должно было быть залито светом, чтобы видеть любой маневр тер-

рористов. Директор Моссад предположил, что свет отключен ради затаившихся повсюду снайперов, что на поле подтянуты бронемашинны для атаки.

— Но ничего не оказалось, — рассказывал изумленный Замир. — Немцы просто ни на что не годились! Ни на что!

Замир, Коэн, Геншер и Штраус поднялись по лестнице на второй этаж контрольной вышки, чтобы оттуда наблюдать за тем, что будет происходить на взлетном поле.

— Самое неприятное выясняется в последний момент, — мрачно бросил Шрайбер своему заместителю Вольфу.

— Что еще выяснилось? — переспросил тот.

— Как что? Оказывается, их восемь.

— Что? Ты хочешь сказать, что арабов восемь? — поразился Вольф.

— А ты только от меня узнал об этом? — в свою очередь удивился Шрайбер.

Пораженный известием Вольф обреченно кивнул. Почему-то Шрайбер не счел необходимым поделиться со своим заместителем этой информацией, как только она стала ему известной. Начальник мюнхенской полиции пребывал в уверенности, что это должен был сделать кто-то другой.

И снайперы тоже не подозревали, что террористов значительно больше, чем им сказали.

Эта операция была обречена с самого начала.

Баварская прокуратура потом проводила расследование всех обстоятельств трагедии. Полицией-президента Шрайбера спросили, почему же он в течение всего дня не озаботился очевидным вопросом: а сколько всего террористов?

Его ответ во многом объясняет, почему все шло из рук вон плохо.

— Я был уверен, — искренне ответил начальник мюнхенской полиции, — что кто-то другой посчитает их при первом же удобном случае.

И по сей день немцы не в состоянии внятно объяснить, почему они не могли собрать побольше снайперов, чтобы на каждого террориста приходилось два-три стрелка.

При расследовании выяснилось, что в распоряжении баварской полиции были еще пятьдесят снайперов, которых можно было перебросить на военный аэродром. Причем первый спецотряд быстрого реагирования прошел подготовку по снайперской стрельбе с использованием телескопических прицелов — после того, как во время ограбления банка 24 августа 1971 года полицейские случайно застрелили взятую в заложницы кассиршу, и власти пришли к выводу, что блюстителей порядка нужно учить меткой стрельбе. Отчего же никому не пришло в голову использовать этот отряд 5 сентября 1972 года?

Еще трое подготовленных снайперов тщетно ждали приказа в Олимпийской деревне. Двое решили, что о них просто забыли, и попросили отпустить их домой. А третьему сказали, что он больше не нужен, и он ушел.

Отвечая в прокуратуре на неприятные вопросы, Манфред Шрайбер всякий раз предусмотрительно напоминал, что план операции был придуман не им, а его заместителем Вольфом...

Успех операции и жизнь заложников полностью зависели от точности пяти снайперов, которые не имели специальной подготовки и соответствующего опыта. Их выбрали только потому, что они увлекались стрельбой и в выходные — вместо пивной — ходили в тир.

Снайперов с немецкой педантичностью пронумеровали.

Трое из них — снайперы № 3, 4 и 5 (из мюнхенской городской полиции) — залегли на крыше административного здания. Снайпер № 2 (из отряда бавар-

ской полиции по борьбе с демонстрациями и уличными выступлениями) занял позицию рядом со взлетной полосой, укрывшись за низким бетонным парапетом.

Снайпер № 1 (из того же отряда) спрятался за пожарной машиной. Он был самым опытным и настоял на том, чтобы рядом с ним был еще один полицейский с автоматом.

Шрайбер и Вольф пытались что-то предпринять в последний момент. Они приказали полицей-обермайстеру Антону Флигербауэру с группой вооруженных автоматами полицейских поддержать огнем снайперов. Антон Флигербауэр спустился на первый этаж контрольной вышки и расположился у окна.

Снайперы все еще считали, что террористов всего пятеро. Никто не потрудился сообщить им, что целей будет значительно больше.

ВОЕННЫЙ АЭРОДРОМ ФЮРСТЕНФЕЛЬДБРЮК, ПОЛОВИНА ОДИННАДЦАТОГО ВЕЧЕРА

Вертолеты сели в 22.35 примерно в ста пятидесяти метрах от самолета.

Из одного вертолета вылезли Тони и его напарник. Они стали осматриваться. Из второго вертолета выбрались все четверо боевиков во главе с Иссой.

Директор Моссад Цви Замир тщетно пытался их разглядеть — на поле было темно. Он не мог понять, почему немцы так и не позаботились об освещении. Он несколько раз говорил немцам, что свет — обязательное условие успешной спасательной операции. Хорошо освещен был только лайнер «Люфтганзы». Снайперы получили категорическое указание не стрелять по самолету, потому что его топливные баки были полны. Попытались осветить и оба вертолета.

Террористы были настороже. Во-первых, они летели дольше, чем ожидали. Во-вторых, они увидели пустой аэродром, где не было других самолетов. И они, конечно же, предполагали, что вокруг могут быть снайперы.

Пока двигатели вертолетов не остановились, вращение лопастей мешало в темноте разглядеть, что происходит на поле, и попытаться взять террористов на мушку. Когда лопасти прекратили вращаться, Исса и Тони пошли в сторону самолета, на котором собирались лететь в Каир. Им предстояло преодолеть сто пятьдесят метров по открытому пространству.

Экипажи обоих вертолетов тоже спрыгнули на полосу. Пилотам было приказано сразу уходить в сторону, не снимая белых шлемов, чтобы их не спутали с террористами. Но, как только они попытались двинуться, террористы дали понять, что не отпускают их. Палестинцы не промолвили ни одного слова, но их движения были красноречивы — они направили на вертолетчиков автоматы. Теперь в руках у террористов находилось тринадцать заложников.

Снайперы должны были видеть хорошо террористов. Но у них на линии огня оказались пилоты вертолетов. Снайперу № 2 почему-то сказали, что вертолеты сядут немного западнее и окажутся «прямо у него под носом». Если бы он знал, где они на самом деле приземлятся, то занял бы другую позицию. Он сам оказался на линии огня остальных троих снайперов. Если бы стрельба началась немедленно, его вполне могли застрелить свои же.

Исса и Тони отправились осматривать самолет. Двигатели были включены. Оба террориста поднялись по трапу. Наверное, они хотели убедиться в том, что в кабине и пассажирском салоне нет полицейских. Но на борту вообще никого не оказалось! Обычный экипаж убрали. Полицейские, которые должны были изображать экипаж, тоже исчезли.

Обнаружив пустой самолет, который явно не собирался лететь в Каир, террористы поняли, что им приготовлена ловушка, и бросились назад.

Георг Вольф лежал на крыше рядом с тремя снайперами. Двое держали на прицеле террористов у вертолета — четверо из них стояли на поле, двое все еще оставались в вертолете с заложниками. Третий снайпер следил за Иссой и Тони.

Когда Исса и Тони уже преодолели половину пути, они стали что-то кричать остальным. Террористы схватились за оружие, готовые стрелять. В этот момент снайперу, который должен был держать на прицеле Тони и Иссе, пришлось сменить позицию, чтобы их не упустить.

И тогда Георг Вольф приказал открыть огонь.

Много раз потом и следователи, и историки будут задаваться вопросом: зачем он сделал это в ситуации, когда провал операции был очевиден? От отчаяния? Не знал, что предпринять, и боялся обвинений в преступном бездействии?

Наверное, в той ситуации надо было позволить террористам улететь вместе с заложниками. Как ни страшно было бы израильтянам оказаться в Египте, все-таки оставался шанс на благополучный исход. На военном аэродроме Фюрстенфельдбрюк их ждала смерть.

Нам никогда не узнать, что они, связанные и беспомощные, пережили в те минуты, когда внезапно началась беспорядочная стрельба.

Психологи многие годы изучают людей, которые были заложниками и выжили.

Даже самое короткое время, проведенное в руках террористов, приводит к серьезным психическим сдвигам.

Заложники испытывают беспомощность и страх. Чувство беспомощности усиливается, когда их связывают. Они быстро понимают, что ничего не могут

поделать. Если они станут жаловаться, их завяжут еще туже или избьют. Чувство беспомощности возрастает, когда заложников держат отдельно друг от друга.

Эти чувства испытывали все, кто хотя бы на несколько часов оказался заложником. Поразительно то, что продолжительность неволи и степень физической боли существенно не влияет на степень страха и подавленности. Это как бы постоянная величина.

Они теряют ощущение времени. Они не хотят ни спать, ни есть, они словно находятся в шоке. Со стороны даже не очень понятно, на что жалуются заложники, которых не били и не пытали. Но с обычными мерками подходить к этому опыту нельзя. Это настоящий террор — физический и душевный. Страх, который они испытывают, невозможно сравнить с обычным страхом, который время от времени испытывают все люди.

Заложники уверены, что рано или поздно их убьют. Они думают о том, как именно это произойдет. Они представляют себе, как их тела найдут после того, как мятеж будет подавлен. Когда они слышат звуки выстрелов, им кажется, что стреляют в них. Человек не способен все это спокойно выносить. Каждый крик, вопль, грохот, вообще шум усиливает страх. Эмоциональная система не выдерживает.

Иногда странным образом чувство полной беспомощности придает им некий стоицизм: они как бы перестают бороться за свою жизнь и тем самым в какой-то степени становятся неуязвимыми. Угрожать им больше нечем.

Когда Вольф, находившийся на контрольной вышке, приказал открыть огонь, его услышали только трое, что были на крыше. Двое остальных, увидев, что начата стрельба, присоединились к товарищам, но увидели, что оказались на линии огня своих товарищей и попросту мешают им, и вынуждены были спря-

.....

таться. Так что фактически против восьмерых террористов действовали не десять, не двадцать, а только трое снайперов... Теперь все зависело от их способности убить террористов в считанные секунды.

Снайперы, услышавшие приказ Вольфа, свалили двоих террористов, которые охраняли пилотов. Ахмед Чик Ча и Афиф Ахмед Хамид упали, хотя только один из них был убит.

Дальше начался невообразимый хаос. Четверо вертолетчиков бросились врассыпную, надеясь спастись.

Исса и Тони уже не шли, а бежали изо всех сил. Третий снайпер открыл по ним огонь, но первая пуля прошла мимо. Снайперы не имели хорошо пристрелянного оружия, которым обычно пользуются профессионалы, поэтому промахивались. Исса побежал зигзагами. Вторая пуля попала Тони в ногу. Он рухнул на поле.

Джамаль аль-Гаши и еще трое террористов нырнули в спасительную тень под вертолетами, став невидимыми для снайперов. Вот теперь стало очевидно, какую ошибку допустила полиция, не сумев полностью осветить аэродром.

Когда началась стрельба, свет зачем-то полностью выключили. Потом включили. Но полиция выставила всего три мобильных осветительные вышки, их было недостаточно. Безлунной ночью вертолеты отбрасывали длинную тень, а у снайперов не было приборов ночного видения, инфракрасных прицелов, необходимых при ведении прицельной стрельбы ночью.

Через несколько дней после этой трагедии следственная группа баварской прокуратуры проводила эксперимент. Ночью следователи заняли места снайперов. В приборах ночного видения они могли отчетливо увидеть фигуры рядом с вертолетами.

Боевики поняли, что их обманули, что переговоры с ними велись только для отвлечения внимания, и открыли беспорядочный огонь из «калашниковых». Они

палили во все стороны — в здание аэродрома, в самолет и в убежавших вертолетчиков. Они стреляли и по прожекторам, стараясь их погасить.

Пули попали в комнату, где находились члены кризисного штаба. Федеральный министр внутренних дел Геншер с поразительной для его комплекции ловкостью спрятался под столом. Министры и прочие высокопоставленные чиновники были словно парализованы. Один только темпераментный Франц Йозеф Штраус, побывавший на фронте, не потерял присутствия духа. Он безостановочно ругался, но ничего не мог сделать.

Полицай-обермайстер Антон Флигербауэр присоединился к снайперу и тоже открыл огонь. Но не расстрелял и половину магазина, когда чья-то пуля пробила стекло контрольной вышки и попала ему в голову. Он умер на месте.

Снайпер № 2 все еще находился на линии огня. Кто-то из террористов бросил гранату, она разорвалась совсем рядом. Снайпер осторожно выглянул и увидел террориста, который стрелял из автомата. Он прицелился и тут увидел, что на него бежит какой-то человек. Но это был не террорист, а один из пилотов. Жизнь пилоту спасло то, что снайперов предупредили — пилоты в белых шлемах. Вертолетчик добежал и распростерся рядом со снайпером. Пули свистели прямо над ними.

Джамаль аль-Гаши был ранен в руку, его оружие отлетело в сторону. На самом деле это была случайная пуля. Немцы практически ничего не видели и стреляли просто по вертолетам, надеясь, что летчики уже убежали.

В это время умелые спецназовцы могли и должны были бы атаковать палестинцев и покончить с ними. Но полицейский спецотряд, который доставили на вертолетах через час после начала стрельбы, зачем-то

посадили на другом краю аэродрома, в двух километрах от места действия. Отряд так и не был введен в действие.

— Главная ошибка состояла в том, что не хватило снайперов, — считал подполковник Ульрих Вегенер, который был военным адъютантом Геншера в тот день, а потом возглавил спецназ, созданный через две недели после катастрофы в Мюнхене. — Вторая ошибка состояла в том, что под рукой не оказалось спецназа, способного атаковать террористов и освободить заложников.

Полиция могла использовать бронированные машины, чтобы под их прикрытием подобраться к боевикам. Но шесть бронемашин, которые вызвали, застряли в пробке. Множество автомобилей устремилось в сторону аэродрома — люди хотели посмотреть, что там происходит, словно речь шла об олимпийских соревнованиях. Одну из бронемашин вообще по ошибке отправили на гражданский аэропорт, находившийся на другом конце города. Только к полуночи бронемшины добрались до аэродрома.

Шрайбер умолял своих подчиненных покончить с Иссой. Но тот укрылся за вертолетами и отстреливался.

Снайперам не раздали переговорных устройств, они были лишены связи со своим командованием. Снайпер № 2 попросил уоки-токи еще в Олимпийской деревне, потом повторил свою просьбу уже на аэродроме. Ему ответили, что переговорных устройств просто нет.

Впоследствии баварские власти, оправдываясь, пришли к выводу, что никто не виноват — не было времени снабдить снайперов связью. Хотя в Олимпийской деревне были сотни переговорных устройств, ими снабжали всех безоружных охранников. Так что ничто не мешало переправить на аэродром деся-

ток-другой миниатюрных приборов. Любому профессионалу было понятно, что снайперы нуждаются в связи.

В результате руководивший операцией Георг Вольф по-прежнему мог руководить только теми тремя снайперами, которые заняли позиции рядом с ним.

Ни одному из снайперов не досталось ни бронежилета, ни стальной каски, хотя Шрайбер и Вольф потребовали их еще в 8.45 утра. В результате снайпера № 4 пуля царапнула по голове. Если бы снайперы были минимально защищены, они бы чувствовали себя увереннее, меньше боялись и стреляли бы в террористов с более удобных позиций.

Баварские власти так и не смогли объяснить все эти промахи и ошибки. Да и какие объяснения могут быть сочтены убедительными? В распоряжении кризисного штаба были все ресурсы — баварской земельной полиции и федеральной пограничной охраны. Ничем не воспользовались...

Если бы операция была лучше подготовлена, как минимум часть заложников удалось бы спасти. Но назвать это продуманной операцией невозможно. Это была просто беспорядочная перестрелка.

Замир и Коэн с изумлением наблюдали за происходящим. Если не хватает снайперов, тогда следует организовать одновременную атаку со всех сторон, чтобы подавить террористов численным превосходством.

Замир и Коэн напрасно спрашивали Геншера:

— Что же это происходит?

— Я ничего не могу поделать, — раздраженно отвечал федеральный министр. — Этим занимается Бавария.

Замир не мог хладнокровно наблюдать за происходящим. Они с Коэном выскочили из вышки, надеясь найти кого-то, кто там распоряжается и способен еще что-то предпринять.

— Что теперь? — спрашивал Замир попавшегося ему навстречу полицейского офицера. — Что вы намерены предпринять?

На улице ничего не происходило. Немцы не видели террористов и не решались стрелять, опасаясь попасть в заложников. Один из полицейских ответил, что ждет бронетранспортеров. Они помогут организовать атаку.

— Сейчас в ограде, — объяснял он, — вырезают отверстия, чтобы бронетранспортеры вошли прямо на поле.

Замир и Коэн попросили разрешения подняться на крышу и с помощью громкоговорителя обратиться к террористам на арабском языке. Немцы сначала сказали нет, потом согласились.

Мегафон отыскиали. Замир и Коэн забрались на крышу.

— Прекратите стрелять, — сказал Коэн по-арабски. — Самолет готов, как вы хотели. Если будете продолжать стрелять, вас убьют. Прекратите стрельбу!

Но палестинцы не хотели вступать в переговоры. Они открыли огонь по крыше.

Немецкие чиновники бессильно наблюдали за происходящим. Они не могли помочь ни израильским спортсменам, ни собственным пилотам. Немецкие вертолетчики металась по полю в поисках убежища. Один бросился на землю рядом со снайпером № 2, еще один притворился мертвым.

Подполковник Вегенер был возмущен не меньше израильтян.

— Сделайте же что-нибудь! — кричал он на полицейского чиновника. — Отправьте туда своих людей, вытащите заложников!

— У меня нет приказа, — пробормотал тот.

Еще до начала операции Вольф приказал никому, кроме снайперов, не стрелять. И все остальные полицейские просто наблюдали за происходящим.

В 23.34 в двух километрах от места перестрелки сел вертолет с группой хорошо вооруженных полицейских. Когда они добрались до места боя, никто не знал, как их использовать. Им поручили охранять высокопоставленных чиновников, находившихся на контрольной вышке.

ВОЕННЫЙ АЭРОДРОМ ФЮРСТЕНФЕЛЬДБРЮК, ПОЛНОЧЬ

Через час после начала перестрелки, в 23.55, на поле боя появились как минимум четыре бронированные машины. В начале первого они стали маневрировать на взлетном поле.

Манфред Шрайбер сказал позднее, что он хотел расположить бронемашину поближе к террористам, чтобы оказать на них психологическое давление. Но террористы решили, что сейчас их расстреляют из пулеметов.

— Все произошло очень быстро, — говорил Шрайбер.

Внутри вертолета, стоявшего на восточной части взлетного поля, террорист открыл огонь по четырем заложникам. Шпрингер, Халфин и Зеэв Фридман были убиты мгновенно. Террорист стрелял практически в упор. Но, как выяснилось при вскрытии, Давид Бергер был только ранен двумя пулями в ногу.

Террорист выпрыгнул из кабины, вырвал чеку из гранаты и бросил ее в вертолет. И был тут же убит выстрелом снайпера. Исса появился из тени, которую отбрасывал другой вертолет, и открыл огонь по зданию аэродрома. Находившиеся там полицейские бросились на пол, зато снайперы на крыше через несколько секунд открыли ответный огонь по Иссе и убили его.

Но уже было поздно. Когда оба террориста рухнули на взлетное поле, граната внутри вертолета взорвалась, вспыхнул топливный бак. Израильтяне сгорели. Раненый Бергер сгорел заживо. Если бы полицейские действовали быстрее, Бергера можно было спасти.

Когда взорвался первый вертолет, Аднан аль-Гаши вылез из-под другого вертолета, вскочил внутрь кабины и начал из автомата поливать свинцом остальных заложников — это были Гутфройнд, Шорр, Славин, Шпицер и Шапиро.

Подполковник Вегенер рассказал потом, что он слышал их предсмертные крики.

— Они убили всех, — обреченно сказал Цви Замир.

Покончив с заложниками, палестинцы пытались спастись.

Халид Джавад со всех ног помчался в ту сторону, где находился снайпер № 2. Тот поднял винтовку и несколько раз в него выстрелил. Тот рухнул на землю в трех шагах от снайпера и затих.

Стрелявшего засекли в бронетранспортере, который двигался по полю. Экипаж не предупредили о том, где находятся снайперы. Бронетранспортер открыл огонь по снайперу и лежавшему рядом пилоту Ганнеру Эбелю. Пуля засвистела вокруг них. Две попали в цель. Снайпера ранили в филейную часть, а пилот получил пулю в легкое. Это было серьезное ранение. Попросить о помощи они не могли — связи не было. Помощь к ним подоспела только через полчаса.

В бронетранспортере пришли к выводу, что покончили с врагами, и двинулись в сторону горевшего вертолета.

Тем временем пожарная команда решила, что если полицейские не знают, что им делать, то уж они-то точно знают свои обязанности. Они подкатали пожарную установку к догоравшему вертолету и залили его пеной. Но минимум четверо террористов еще были живы и начали стрелять. Пожарные побежали назад.

Снайперы засекли вспышки и застрелили еще одного палестинца. После этого продолжавшаяся два часа перестрелка прекратилась.

Оба израильтянина и десяток немцев бросились смотреть, что осталось от вертолета. Верх машины разворотило взрывом, и перед ними предстали трупы убитых израильтян. Видно было, что они были связаны, поэтому не могли убежать.

Говорили, что кого-то из заложников могла убить и пуля, выпущенная немецким снайпером. Но провести экспертизу не представлялось возможным — так сильно обгорели тела.

Полицейские стали считать трупы. Выяснилось, что не хватает трех тел. Трое террористов исчезли. Четыре бронемшины и полицейские с собаками бросились их искать.

Двое оказались рядом. Один притворялся мертвым. Второй не выдержал и побегал. Их задержали. Через сорок минут с помощью собак полиция отыскала третьего, который пытался укрыться на краю аэродрома.

Пятерых террористов немцы застрелили, троих взяли живыми: это Джамаль аль-Гаши, его дядя Аднан аль-Гаши (кличка Денави) и Мохаммад Сафади (кличка Бадран). Только Джамаль был ранен в руку. Их привели в комнату на первом этаже. Велели раздеться, чтобы отдать одежду на экспертизу. Один из палестинцев бросился на колени, уверенный, что их сейчас же расстреляют. Им выдали другую одежду.

Вот теперь недостатка в полиции не было, на поле собралось четыреста пятьдесят полицейских, они осматривали место происшествия.

Один полицейский был убит, несколько ранены, причем двое — не террористами. Вертолетчики спаслись все. Зато не спасся ни один израильтянин.

.....

МЮНХЕН, 6 СЕНТЯБРЯ 1972 ГОДА,
ТРИ ЧАСА УТРА

Пока на аэродроме происходили драматические события, за его пределами никто ни о чем не подозревал. Все почему-то полагали, что дело разрешится самым благоприятным образом.

Мюнхенцы радовались уже тому, что непрошенные гости удалены и, следовательно, можно вернуться к прежней жизни. Некоторое количество любопытных, те, кто преодолел пробки, столпились у главного входа на военный аэродром Фюрстенфельдбрюк. Приехало и некоторое количество журналистов.

Потом стали поступать сообщения о перестрелке.

Первым не выдержал и позвонил на аэродром бывший обер-бургомистр Мюнхена Фогель. Сначала никто не брал трубку. Наконец он услышал голос знакомого полицейского.

— Что у вас происходит? — спросил Фогель.

— Трудно объяснить!

— Почему? — удивился Фогель.

— Потому что я сижу под столом, а вокруг стреляют. У меня нет никакой информации.

В разгар перестрелки у ворот появился человек, который обратился к журналистам и громко сказал:

— Все в порядке! Заложники освобождены!

Эти слова мгновенно облетели всех журналистов. Через полчаса, в 23.31, информационное агентство Рейтер передало срочное сообщение: «Все взятые в заложники израильтяне освобождены».

По всему миру уставшие за день журналисты с облегчением вздохнули, заметки о прошедшем дне можно было закончить на оптимистической ноте и идти спать, чтобы на следующий день вновь писать об Олимпиаде. Все хотели верить, что худшее позади.

Мир порадовался удачному завершению трагических событий.

Утренний выпуск выходящей в Израиле на английском языке газеты «Джерузалем пост» заверстали с огромной шапкой «Заложники в Мюнхене освобождены. Все в безопасности. Немцы захватили арабов на военном аэродроме».

Эту новость сообщили Шмуэлю Лалкину, руководителю израильской делегации на Олимпийских играх. Он был счастлив. Успели даже доложить Голде Меир, что все закончилось наилучшим образом. Никто не обратил внимания на то, что немецкие власти почему-то молчат.

Руководитель второго канала немецкого телевидения предложил Вилли Брандту немедленно выступить с этой радостной новостью. Канцлер инстинктивно ощущал, что радость преждевременна. Он отказался от выступления, объяснив, что подождет подтверждения от министра внутренних дел Геншера, находившегося на аэродроме. Помощники канцлера тщетно пытались дозвониться до министра.

С журналистами разговаривал Конрад Алерс, представитель федерального правительства по связям с прессой. Алерс был человеком с хорошей профессиональной репутацией. В начале 60-х он работал заместителем главного редактора в самом известном еженедельнике «Шпигель».

Как раз тогда министр обороны Франц Йозеф Штраус, возмущенный критикой со страниц «Шпигеля», натравил на журналистов полицию. В ночь с 26 на 27 октября 1962 года оперативная группа Федерального ведомства по уголовным делам ворвалась в редакцию и конфисковала гранки очередного номера, заявив, что «Шпигель» обвиняется в «государственной измене».

Отдыхавший в Испании Конрад Алерс был арестован, доставлен в Федеративную Республику и препро-

вожден в следственную тюрьму. В стране разразился грандиозный скандал, отзвуки которого не замолкали десятилетия.

К удивлению Штрауса, организовавшего эту акцию, западные немцы выразили возмущение полицейской акцией и поддержали журналистов. Штраусу пришлось уйти из правительства, на нем осталось клеймо, он так и остался олицетворением чего-то мрачного и реакционного. Мало того, это дело стало причиной кризиса в правящей коалиции. Конрад Аденауэр покинул пост канцлера. Всех арестованных по этому делу Федеральная судебная палата признала невиновными.

Вилли Брандт, став канцлером, пригласил Алерса в аппарат правительства...

Конрад Алерс с облегчением сказал тележурналистам, что кризис с захватом заложников позади:

— Я очень рад тому, что, насколько нам известно, полицейская операция увенчалась успехом. Конечно, жаль, что Олимпийские игры были прерваны, но если все закончится так, как мы этого желаем, через несколько недель все забудется. Для нас, немцев, это особенно трагично, когда нечто подобное происходит с евреями. Слава богу, что все позади, а то возродились бы неприятные воспоминания о прошлом...

Пожалуй, один только Вальтер Трёгер не поверил в счастливое избавление. Он понимал, что палестинцы так легко не сладутся.

В отеле «Четыре времени года» в центре Мюнхена члены Международного олимпийского комитета, напротив, считали, что все увенчалось полным успехом. Президент МОК Эйвери Брэндедж сказал, что Игры, разумеется, продолжатся, и в час ночи с легким сердцем лег спать.

В Израиле соседи приходили к семьям заложников с цветами и шампанским. Особенно радовались дети. Но жены почему-то не испытывали радости. Потом

пошли сообщения о том, что на аэродроме идет перестрелка, что один из вертолетов взорван, что кто-то из заложников ранен.

С каждым часом новости становились все хуже. Но никто не знал всей правды. Только в три ночи Цви Замир и Виктор Коэн вернулись в Олимпийскую деревню. Замир позвонил Голде Меир домой.

— У меня плохие новости, — сказал директор Моссад. — Я только что вернулся с аэродрома. Ни один из израильтян не выжил.

Голда Меир не могла прийти в себя.

— Но как же все эти новости по радио, по телевидению?

— Голда, — сказал Замир, — мы видели их сгоревшими в вертолете. Никто не выжил.

Короткий период радости окончился, когда в 3 часа 17 минут утра Рейтер передало поправку: «Срочно! Все израильтяне, взятые арабскими боевиками в заложники, мертвы».

Худшие предположения оправдались. Ведущие телевизионных новостей выглядели потрясенными.

В Израиле уже было утро. Сотрудники Национального олимпийского комитета разносили страшную весть родным убитых спортсменов.

Немецких чиновников охватил ужас. Заложники погибли из-за их некомпетентности.

В три часа утра две тысячи журналистов собрались в пресс-центре Олимпийских игр. На пресс-конференцию пришли все главные действующие лица — Ганс Дитрих Геншер, Бруно Мерк, Манфред Шрайбер и Георг Вольф.

Держать ответ пришлось баварским властям. Делая большие паузы для перевода на английский язык, земельный министр внутренних дел Мерк для начала изложил историю переговоров с террористами. С его точки зрения, во всей этой трагической истории вино-

ваты евреи и арабы, которые у себя дома никак не могут договориться, а из-за них страдают другие.

То же повторил потом Георг Вольф, проваливший операцию на аэродроме:

— Вся ответственность ложится на тех, кто ведет войну между израильтянами и палестинцами, в смысле — арабами.

— Но как хозяин вы отвечали за безопасность своих гостей, — возражали журналисты.

— Да, но как хозяин я рассчитывал, что гости не начнут войну в моем доме! — взорвался Вольф.

— Но не израильтяне же начали эту войну, — напомнили ему журналисты.

— Это не имеет значения, — отмахнулся Вольф.

Министр Бруно Мерк объяснил, что террористов и девять заложников отправили бы самолетом в Каир, если бы египетское правительство гарантировало немедленное освобождение израильских заложников после их прилета. Но канцлеру Брандту не удалось получить гарантий их безопасности от премьер-министра Египта. Немецкие власти боялись, что после прилета в Каир все заложники будут убиты. Тогда и был отдан приказ уничтожить террористов, как только они появятся на военном аэродроме.

Капитан Йозеф Кистлер, представитель мюнхенской полиции, сказал, что стрельбу открыли террористы. Они ранили одного из вертолетчиков.

Только потом Шрайбер признал, что полицейские первыми начали стрельбу, но лишь потому, что террористы заметили снайперов...

— У нас практически не было шансов освободить заложников, — утверждал Шрайбер. — Разве что если бы террористы наделали глупостей. Говорят, что заложники погибли из-за ошибок полиции. Правда в другом. Заложники погибли потому, что террористы не допустили ошибок. А мы не могли повлиять ни на израильское правительство, ни на террористов.

Шрайбер сказал, что с самого начала шансы спасти заложников были небольшие. Но не преминул сообщить, что израильтяне одобрили план операции.

— Я был рядом с полицейским, получившим пулю в голову, — рассказал Шрайбер. — В меня тоже стреляли. Но я не мог контролировать ситуацию.

Немецкие власти попросили Шмуэля Лалкина как главу израильской делегации прилететь на аэродром и опознать тела. Лалкин взял с собой врача израильской команды доктора Вигеля. Они увидели страшную картину — обгоревшие трупы своих товарищей.

МЮНХЕН, 6 СЕНТЯБРЯ, ДЕСЯТЬ УТРА

Поминальная служба по Моше Вейнбергу и Йосефу Романо была назначена на десять утра. Но прощаться пришлось и с остальными убитыми спортсменами.

Анки Шпицер прилетела из Голландии. Когда она оказалась в Олимпийской деревне, то увидела повсюду тренирующихся спортсменов. Картина показалась ей фантазмагорической. Рядом стояли гробы, а они продолжали заниматься спортом.

Вот теперь стало ясно, как много в Мюнхене полиции. На военный аэродром Фюрстенфельдбрюк не могли отправить десяток снайперов. Теперь же в столице Олимпийских игр собрали пятнадцать тысяч полицейских, не считая солдат бундесвера и служащих пограничной охраны.

Церемония в память погибших проходила на Олимпийском стадионе. Присутствовали семьдесят тысяч человек. Арабские делегации не пришли. Было несколько глав государств, пришел американский спортсмен Джесси Овенс, герой Олимпиады 1936 года. Отсутствовала советская делегация, пришли несколько

.....

человек из команд Польши и ГДР. Из всех социалистических стран только в Восточном Берлине показали церемонию прощания с убитыми израильскими спортсменами.

«А что же Москва? — задавался вопросом писатель Александр Кикнадзе. — Москва молчит. О трагедии ни слова. Зато бурный поток радиосообщений о победном шествии советских олимпийцев, о медалях, добытых за последние дни. Близится пятидесятилетие образования СССР, и посланцы Москвы все ближе к выполнению социалистического обязательства — ознаменовать юбилей пятьюдесятью золотыми медалями.

Объявлено о траурном митинге, который состоится на Олимпийском стадионе. Руководство советской делегации строго предупреждает своих олимпийцев, журналистов, туристов: на митинг не ходить! Бойкотируют митинг и подневольные делегации социалистических стран».

Одиннадцать мест — по числу погибших — оставили пустыми. Сначала слово предоставили Шмуэлю Лалкину как главе израильской делегации. Потом выступил президент МОК.

— К сожалению, — говорил Эйвери Брэнделж, — в этом несовершенном мире чем значительнее становятся Олимпийские игры, тем более они уязвимы для коммерческого, политического и преступного давления. Игры XX Олимпиады стали объектом двух омерзительных атак. Мы ведь еще и проиграли битву за Родезию, поддавшись откровенному политическому шантажу. Надеюсь, все согласится со мной, что мы не можем позволить горстке террористов разрушить международное сотрудничество и добрую волю Олимпийского движения.

«Битва за Родезию», упомянутая президентом Олимпийского комитета, была проиграна, когда африканские страны потребовали не допускать к Играм команду

страны, где процветал расизм. Сравнение было явно неуместным.

— Игры должны продолжаться, — объявил Брэн-дедж. — Мы объявляем сегодня день поминовения и продолжим соревнования днем позже, чем предполагали.

Толпа радостно заплодировала.

Один из присутствовавших на стадионе горько заметил:

— Эти люди пришли не для того, чтобы почтить память убитых. Они пришли, чтобы узнать, продолжатся ли Игры.

Во время поминальной службы умер от сердечного приступа Кармель Элиаш, двоюродный брат Моше Вайнберга. Он приехал на Олимпиаду туристом. Его сердце не выдержало этой трагедии.

Спортивный телекомментатор Нина Еремина вспоминала:

— Нам пришлось молчать про жуткий захват террористами заложников. Все страны тогда передавали репортажи в прямом эфире. А мы приезжали на место трагедии и делали вид, что тоже передаем, «снимали» выключенной камерой. Это было страшно. Безумно. Там был перерыв на день, объявили траур. Мы с нашим корреспондентом Колей Малявиным тайно пошли в деревню, где это происходило. Я мечтала поскорее уехать домой...

А в Москве министр внутренних дел Николай Анисимович Шелоков доложил в ЦК:

«6 сентября с.г. в 15.30 группа лиц еврейской национальности в количестве тридцати шести человек собралась у голландского посольства, где намеревалась передать представителю посольства соболезнование по поводу инцидента в Олимпийской деревне. После соответствующего разъяснения они разошлись.

В этот же день в 19.15 группа указанных лиц на автомашинах (такси) прибыла к ливанскому посольству.

После предупреждения о недопустимости нарушения общественного порядка и невыполнении законных требований работников милиции собравшиеся в количестве сорока трех человек были доставлены в подразделение милиции. Среди них были: академик Сахаров А. Д., профессор член-корреспондент АН СССР Лернер А. Я., член Союза писателей СССР Маркиш Д. П., сотрудник института конкретных социальных исследований Рашковский В. С. и др.

Работниками управления внутренних дел Мосгорисполкома были проведены индивидуальные беседы с доставленными, а затем все они были отпущены.

Все мероприятия проводились совместно с работниками Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР».

Представители московской интеллигенции во главе с академиком Сахаровым отправились в голландское посольство, потому что после разрыва дипломатических отношений с Израилем в 1967 году Нидерланды взяли на себя защиту интересов еврейского государства в Советском Союзе.

ИЗРАИЛЬ, 7 СЕНТЯБРЯ 1972 ГОДА

6 сентября гроб с телом Давида Бергера, имевшего и израильское, и американское гражданство, отправили в Кливленд, где жили его родители. Президент Соединенных Штатов Ричард Никсон прислал за его телом военный самолет.

7 сентября утром в Израиль доставили тела остальных десяти убитых спортсменов. Все магазины в стране были закрыты. Государственные учреждения, почта и воздушные и морские порты не работали.

Олимпийцы, вернувшиеся живыми, чувствовали себя виновными за то, что других привезли в гробах.

В аэропорту Лод собрались тысячи людей. Убитых оплакивала вся страна.

На военных грузовиках гробы доставили в родные места. Днем их тела предали земле. На траурную церемонию пришли все министры и депутаты кнессета. Голда Меир отсутствовала, потому что у нее умерла сестра Шейна. Ее заменил министр обороны Моше Даян.

Мюнхенская трагедия изменила настроения в стране. Убийство спортсменов было ничем не прикрытым преступлением против мирных людей. Евреи опять чувствовали себя одинокими: их убивали, и никто не пришел им на помощь. Это означало, что они должны и обязаны защищать себя сами. Израиль требовал наказать убийц.

Анки Шпицер прилетела в Израиль. Она позвонила родителям в Голландию, дома никто не ответил. Позвонила брату и сестре — тоже никого. Набрала номер больницы, где лежала дочка. Дежурный ответил, что ее ребенка здесь нет, и назвал номер, по которому ее просили перезвонить. Это оказался телефон израильского посольства в Голландии.

Оказывается, ее родным звонили по телефону с угрозами. Судя по акценту, это были немцы. Поэтому всю семью пришлось спрятать. Сотрудники израильского посольства опасались, что террористы из «Черного сентября» могут похитить девочку и потребовать освободить троих боевиков, схваченных мюнхенской полицией. Через несколько недель девочку доставили в Израиль, к матери, специальным рейсом авиакомпании «Эль-Аль».

Министерство обороны предложило Анки Шпицер пожить вместе с ребенком на военной базе, где они будут в полной безопасности. Она отказалась. Многие годы после этого она находилась под охраной полиции.

Анки Шпицер могла бы вернуться к родителям в Голландию, но решила, что в этой благополучной европейской стране ее дочь странным образом будет страдать из-за слишком обильных проявлений симпатий.

— А здесь в ее судьбе нет ничего особенного, — объяснила Анки Шпицер журналистам. — В Израиле многие дети лишились отцов.

МОСКВА, 7 СЕНТЯБРЯ 1972 ГОДА

На следующий день после поминальной службы, 7 сентября 1972 года, в Москве на Старой площади Секретариат ЦК КПСС рассматривал короткую записку двух отделов ЦК (международного и пропаганды) и КГБ при Совете Министров СССР «О плане основных пропагандистских и контрпропагандистских мероприятий в связи с очередной антисоветской кампанией международного сионизма».

Записку подписали исполнявший обязанности руководителя отдела пропаганды ЦК Александр Николаевич Яковлев, будущий академик и «отец гласности», первый заместитель заведующего международным отделом Елизар Ильич Кусков, трудолюбивый чиновник, злоупотреблявший горячительными напитками, и заместитель председателя КГБ генерал-майор Ардальон Николаевич Малыгин, выходец из партийного аппарата.

Председательствовал на секретариате Михаил Андреевич Суслов, член Политбюро, отвечавший за идеологию и международные дела. Много в стране, если не все, зависело от мнения Михаила Андреевича, которому Брежнев доверял безоговорочно.

Заседание было рядовое, так что присутствовали еще двое секретарей ЦК — Федор Давыдович Кула-

ков, член Политбюро, занимавшийся сельским хозяйством, и Петр Нилович Демичев, кандидат в члены Политбюро. Он непосредственно курировал идеологические отделы.

Речь шла о только что принятом решении брать выкуп с уезжавших из страны на постоянное место жительства за полученное ими в Советском Союзе высшее образование. Это было направлено против евреев, потому что выпускали практически только в Израиль, и среди эмигрантов было много людей интеллигентных профессий. Выкуп за право эмигрировать был делом невиданным — такое было только в нацистской Германии, в первые годы, когда евреям еще разрешали уезжать. Они должны были заплатить эмиграционный налог — двадцать пять процентов от стоимости всего имущества.

Советское руководство предполагало, что в мире возникнет скандал, поэтому партаппарату и КГБ предусмотрительно поручили подготовить пропагандистскую кампанию.

Авторы записки предлагали опубликовать в газете «Известия» этот самый указ Президиума Верховного Совета СССР «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное жительство за границу, государственных затрат на обучение».

Суслов распорядился вместо «Известий» поместить указ в служебном издании «Ведомости Верховного Совета СССР», чтобы не привлекать внимания широкой публики.

Авторы записки считали необходимым провести в агентстве печати «Новости» пресс-конференцию министра высшего и среднего специального образования Вячеслава Петровича Елютина для советских и иностранных журналистов. Министр должен был объяснить, как дорого стоит прекрасное образование в Советском Союзе. Причем министру и руководителям

АПН предписывалось «в двухдневный срок представить в ЦК план проведения пресс-конференции».

Суслов велел пресс-конференцию отменить. Он вообще не хотел напоминать советским людям о том, что кто-то желает покинуть социалистическую родину.

А вот Министерству иностранных дел поручили «подготовить и направить соответствующие указания совпослам и советским представителям в международных организациях. Совпослам в случае необходимости информировать друзей».

«Друзьями» дипломаты и разведчики именовали руководителей иностранных компартий. Некоторые из них не разделяли антисемитизма советских товарищей, и с ними приходилось «вести разъяснительную работу».

И, наконец, Суслов, Кулаков и Демичев согласились с «планом основных пропагандистских и контрпропагандистских мероприятий в связи с очередной антисоветской кампанией международного сионизма, представленным Отделами ЦК КПСС и КГБ при Совете Министров СССР».

План на двух страницах, подписанный заведующим сектором идеологического сотрудничества отдела пропаганды Борисом Александровским, основные задачи ставил перед агентством печати «Новости», которое работало на границу.

АПН предписывалось «активизировать разоблачение чело­веконенавистнического характера сионизма и политики Израиля, акцентируя при этом внимание на обличении расизма и агрессивных устремлений сионизма».

Другим советским средствам массовой информации следовало делать то же самое, но в меньших масштабах.

КГБ поручалась борьба с вражескими вылазками и «еврейскими националистами в стране». Внутри Ко-

митета госбезопасности «сионистами» ведал один из отделов пятого управления.

На следующий год, летом 1973 года, Андропов создаст восьмой отдел, которому передали задачу «выявления и пресечения акций идеологической диверсии подрывных сионистских центров». Этот отдел начальник пятого управления КГБ курировал лично.

Сионизм — это движение среди евреев за возвращение на землю предков, в Палестину, и создание там собственного государства. В советском обиходе тех лет сионизм обозначал совсем другое — то, что нацисты называли «мировым еврейством».

Отвечом на введенный в Советском Союзе налог за выезд из страны лиц с высшим образованием стала знаменитая «поправка Джексона—Вэника».

В Соединенных Штатах уже был подготовлен проект закона, предоставлявший Советскому Союзу режим наибольшего благоприятствования в торговле. Но влиятельный сенатор Джексон предложил поправку к закону, которая ставила предоставление этого режима в зависимость от отмены этого налога (в нижней палате такую же поправку внес конгрессмен Вэник).

Советские руководители пошли на попятный и в апреле 1973 года сообщили американцам, что действие закона приостановлено, а затем и вовсе его отменили. Более того, по секретным каналам обещали Вашингтону, что будут ежегодно выпускать не меньше тридцати пяти тысяч евреев, желающих эмигрировать в Израиль. Видя, что дело плохо, увеличили цифру до сорока пяти тысяч.

Государственный секретарь Генри Киссинджер пытался спасти закон о предоставлении Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования в торговле, но его разговоры с сенаторами были безуспешны. Возмущение советской политикой было настолько велико, что летом 1974 года законопроект о торговле был утвержден с поправкой сенатора Джек-

сона. 3 января 1975 года президент Джеральд Форд подписал закон, и он вошел в силу. Поправка Джексона действует и по сей день...

7 сентября 1972 года советские газеты поместили короткое сообщение ТАСС:

«Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР, Олимпийский комитет СССР и советская делегация на XX Олимпийских играх в своем заявлении выразили глубокое сожаление по поводу трагического инцидента, случившегося 5 сентября с.г. на XX Олимпийских играх.

Советские спортивные организации и общественность, говорится в заявлении, считают, что террористические действия несовместимы с духом сотрудничества и взаимопонимания между народами, лежащими в основе международного олимпийского движения».

Летние Игры 1972 года были самыми успешными для советских спортсменов.

За два года до Олимпиады, в 1970 году, было принято постановление ЦК о подготовке к Играм. Главная цель состояла в том, чтобы не отстать от американской команды.

Спорткомитет рапортовал в ЦК о полной победе: советская команда вчистую переиграла американскую.

В советскую команду входили четыреста одиннадцать спортсменов. Наши олимпийцы выступали во всех видах программы, кроме хоккея на траве.

11 сентября Мюнхенская Олимпиада закрылась.

12 сентября в Шереметьеве встречали олимпийцев.

Руководитель советской делегации председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР Сергей Павлов доложил, что наша сборная привезла в Москву девяносто девять медалей: пятьдесят золотых, двадцать семь серебряных и двадцать две бронзовые. Американцы собрали всего тридцать три золотые медали.

Сергей Павлович Павлов принадлежал к группе выходцев из комсомола, которые занимали высокие посты и оказались в конфликте с Брежневым. Девять лет, с марта 1959 по июнь 1968 года, он был первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Считалось, что и сам Павлов был склонен к политическим играм. Говорят, что Брежнев, увидев его на каком-то мероприятии, предупредил:

— Будешь заговоры плести, в порошок сотру.

Разогнав «комсомольцев», Брежнев убрал из политики и Сергея Павлова. Его поставили руководить физкультурой и спортом. Карьера Павлова целиком и полностью зависела от успехов советских спортсменов. После Олимпиады в Мюнхене он торжествующе говорил:

— В десяти видах спорта наши спортсмены показали наилучшие результаты и еще в пятнадцати видах были впереди американцев.

Особенно приятно было доложить, что Валерий Борзов победил в беге на сто и двести метров, где прежде неизменно первыми приходили американцы.

В Мюнхене сборная Соединенных Штатов по баскетболу впервые проиграла. Горечь поражения усугублялась тем, что американцы проиграли советским спортсменам.

Игра шла в ночь с 9 на 10 сентября. Борьба была невероятно острой. За минуту до окончания американцы опережали советскую команду на одно очко. И все-таки наши баскетболисты смогли отыграть очко и выйти вперед. Причем этот решающий мяч был забит буквально в последнюю секунду матча. С подачи Ивана Едешко Александр Белов отправил мяч в кольцо почти одновременно с финальной сиреной.

Соединенные Штаты никогда не могли одержать победу в хоккее на траве, футболе и других командных состязаниях. Но баскетбол был американским видом спорта. Проигрыш советской команде был невыноси-

мым испытанием. Американская команда, считая присуждение победы соперникам несправедливым, отказалась присутствовать на церемонии награждения и получать серебряные медали.

Руководители советской команды заявили, что пятьдесят золотых медалей — это подарок спортсменов своей стране по случаю 50-летия образования Советского Союза.

Новый президент Международного олимпийского комитета лорд Килланин съязвил:

— Я не думаю, что, если вы выиграли кучу медалей, это свидетельствует о превосходстве вашего образа жизни...

МЮНХЕН, 7 СЕНТЯБРЯ 1972 ГОДА

Вилли Дауме, президент оргкомитета Мюнхенской Олимпиады, вначале хотел прекратить Игры. Дауме участвовал еще в Олимпиаде 1936 года в составе баскетбольной команды. После войны он стал спортивным функционером, возглавил в Западной Германии федерацию спортивных союзов. В 1956 году его избрали членом Международного олимпийского комитета. Через десять лет Вилли Дауме возглавил оргкомитет XX Олимпийских игр в Мюнхене.

Потрясенный случившимся, Дауме повторял, что его любимое детище, Игры, мертвы. Но руководители Международного олимпийского комитета взяли верх.

— Мы не можем позволить, — патетически говорил Эвери Брэндедж, — чтобы Олимпиада стала местом торговых, политических или преступных акций, позволить, чтобы горстка террористов загубила один из основных примеров международного сотрудничества.

Руководители МОК убедили баварское правительство, что в их собственных интересах продолжить Иг-

ры, иначе в памяти людей останутся только мертвые тела убитых палестинцами израильских спортсменов.

— Я сомневался, правильно ли было продолжать Игры, — вспоминал Фогель, — но со временем пришел к выводу, что мы не можем позволить террористам решить, будто они могут срывать олимпиады.

Семьи погибших израильских спортсменов убеждены, что главной задачей немцев было спасти не заложников, а Олимпийские игры. Президент Международного олимпийского комитета хотел во что бы то ни стало убрать террористов с заложниками из Олимпийской деревни. Игры были важны и для международных спортивных чиновников, и для руководителей ФРГ, жаждавших международного признания. Этому была подчинена политика западногерманского правительства в момент кризиса.

В какой-то момент немцы сказали себе: если нельзя спасти заложников, надо спасти хотя бы Олимпийские игры.

— Олимпийская деревня была для нас как что-то святое, как церковь, ее следовало сберечь любыми усилиями, — подтверждает эти предположения подполковник Вегенер.

Уже утром 6 сентября, когда тела погибших еще не были преданы земле, в Мюнхене на пресс-конференции объявили почасовую программу Игр, во второй половине дня, после поминальной службы, Игры вошли в график. Настал и час тех спортсменов, которые не смогли выступить накануне.

Немногие спортсмены выразили солидарность с убитыми. В знак протеста уехали шестеро голландских спортсменов. Тринадцать норвежцев отказались участвовать в Играх:

— Мы не можем делать вид, будто ничего не произошло, когда убиты одиннадцать спортсменов.

Команды Египта, Сирии и Кувейта покинули Игры, заявив, что они боятся мести.

По-своему расстроился и руководитель «Черного сентября» Абу Айяд:

— Мы были поражены тем, что мир больше огорчился тем, что Игры отложили на сутки, а не драматической судьбой палестинского народа.

Посмотреть футбольный матч между командами Западной Германии и Венгрии собрались восемьдесят тысяч зрителей. Они радовались и размахивали национальными флагами. Распорядители даже не попросили болельщиков помнить о только что произошедшей трагедии.

Несколько зрителей развернули плакат со словами: «Семнадцать человек убиты. Они уже забыты?» Сотрудники службы безопасности конфисковали плакат и вывели всех со стадиона.

В официальном отчете об Играх отмечены выдающиеся успехи американского пловца Марка Спитца (он поставил семь мировых рекордов и получил семь золотых медалей — никто и никогда не добивался такого успеха!) и советской гимнастки Ольги Корбут, за волнующими выступлениями которой следила вся пресса. Не забыта была и Олимпийская деревня, где спортсменам были созданы замечательные условия.

Что касается убийства израильских спортсменов, то это сочтено досадным эпизодом и описано по-тевтонски неуклюже:

«После ужасных событий 5 сентября 1972 года вновь вернулась атмосфера Олимпийской деревни, которая помогала спортсменам расслабиться и прекрасно себя чувствовать».

Мюнхенцы, пожалуй, больше обижались на евреев, чем на палестинцев. Это израильтяне навлекли неприятности на их замечательный город. Из-за них здесь разразилась настоящая война и мюнхенцы должны были рисковать жизнью...

Только в начале 2001 года Германия наконец согласилась выплатить компенсацию семьям убитых в раз-

мере трех миллионов долларов на всех (эти деньги в равных пропорциях платят федеральное и земельное правительства, а также городские власти Мюнхена). Один миллион долларов заплатил Немецкий Красный Крест сразу после катастрофы. Не все семьи погибших израильтян приняли немецкие деньги. Анки Шпицер передала свою долю школе фехтования в Израиле.

Но семьи убитых в еще большей степени ждут извинений и объяснений. Они уверены, что некоторые документы до сих пор от них утаиваются немецкими властями.

Вдова Шпицера Анки сказала журналистам:

— Если бы они хоть раз сказали: «Знаете, мы старались, у нас не получилось, но мы не хотели, чтобы так все закончилось, вы нас извините»... Но они этого так и не сказали.

Три месяца Анки не могла получить из Германии личные вещи мужа, дорогие ей как память. Кончилось тем, что она ворвалась в кабинет посла Федеративной Республики в Израиле и пригрозила обо всем рассказать журналистам. Она получила вещи убитого мужа на следующий день...

После мюнхенской трагедии в ФРГ был выпущен официальный доклад о том, что произошло. Этот объемистый документ — шестьдесят три страницы — решительно не устроил семьи погибших. В этом документе почему-то отсутствовали результаты патолого-анатомических исследований, трассологических и баллистических экспертиз. Это казалось странным применительно к немцам с их старательностью и скрупулезностью.

Родные убитых считали, что есть другие, более откровенные документы, рисующие полную картину того, как принимались решения в Бонне и Мюнхене и как действовали баварские полицейские. И двадцать лет спустя такие документы вдруг появились! В них немецкие власти предстали в самом неприглядном

.....

виде. Стало ясно, почему они хотели все это скрыть. Они понимали, что родственники убитых заложников подадут на них в суд, и ждали, пока истечет срок давности...

Главный организатор Олимпийских игр в Мюнхене Вилли Дауме в том же 1972 году был избран вице-президентом МОК.

Обер-бургомистр Мюнхена Ганс-Йохен Фогель незадолго до Олимпиады оставил свой пост, потому что ожидал перевода в Бонн. На досрочных выборах в ноябре 1972 года он был избран депутатом бундестага от социал-демократической партии. Канцлер Вилли Брандт пригласил его занять в федеральном правительстве кресло министра градостроительства и архитектуры. Затем он стал министром юстиции. В этой роли он был противником любых уступок террористам.

Сам Вилли Брандт недолго оставался главой правительства.

Утром 24 апреля 1974 года был арестован один из его референтов Гюнтер Гийом, который признал, что он на самом деле является гражданином ГДР и служит в звании капитана в Министерстве госбезопасности. Причем западногерманские контрразведчики, которые давно следили за Гийомом, не сочли нужным заранее информировать канцлера.

7 мая 1974 года Брандт по собственной воле оставил пост канцлера. Разоблачение Гийома стало фактически концом политической карьеры Брандта. Ему даже приходила в голову мысль о самоубийстве.

Самый знаменитый агент разведки ГДР Гюнтер Гийом был сыном старого врача, который когда-то, в нацистские времена, лечил будущего канцлера ФРГ социал-демократа Вилли Брандта и даже спасал его от гестапо.

После войны Гийом-старший жил в Восточной Германии, и на него обратили внимание сотрудники

главного разведуправления Министерства госбезопасности. Они попросили его в 1955 году написать Вилли Брандту, уже ставшему в Западной Германии заметным политиком, и вежливо напомнить о себе.

Доброжелательный Вилли Брандт действительно не забыл о докторе и охотно согласился позаботиться о сыне человека, который для него столько сделал.

Гийом-младший вместе с женой перебрались с Востока на Запад и получили в 1956 году статус политических беженцев. Выполняя свое обещание, Вилли Брандт взял Гийома-младшего на работу и привечал молодого сотрудника за то, что он был очень старателен и все время проводил на службе.

Начальник разведки ГДР генерал Маркус Вольф, посмеиваясь, говорил, что поначалу — в отличие от Вилли Брандта — не особенно высоко ценил своего агента Гюнтера Гийома. Переправляя эту супружескую пару в ФРГ, Вольф возлагал надежды в основном на жену Гийома — Кристель, казавшуюся ему исключительно серьезной и целеустремленной.

Вольф не ошибся: Кристель была прилежной секретаршей и чуть было не попала в аппарат министра обороны ФРГ, но тут Гюнтер неожиданно стал делать карьеру, и в итоге его назначили одним из референтов канцлера.

Западногерманские газеты писали, что ГДР сама себе навредила — в ее интересах было бы сдуть пылинки с Вилли Брандта, сторонника улучшения отношений с Советским Союзом, ГДР и другими социалистическими странами, а не подставлять его таким образом.

Советские руководители — неофициально, разумеется, — выразили экс-канцлеру соболезнования: они уверяли, что никогда не стали бы подставлять под него агента, но, к сожалению, восточных немцев остановить невозможно.

Восточные немцы поспешили также выразить Брандту сожаление: они давно хотели вернуть Гийома домой, но русские настаивали на том, чтобы он продолжал работать...

Мюнхенская трагедия изменила Олимпийские игры. На зимних Играх в Лейк-Плейсиде забота о безопасности превратила Олимпийскую деревню в тюрьму. Летом 1980 года в Москве просвечивали весь багаж, город был наводнен милицией.

В 1997 году в Международном олимпийском комитете создали банк данных, который передается из одной олимпийской столицы в другую. Помочь Афинам подготовиться к Олимпиаде 2004 года приехали специалисты по безопасности из многих стран.

Но террористы умеют ждать.

Психолог Георг Зибер, который первым предположил, что Олимпиада в Мюнхене может стать целью террористов, говорит:

— Скажем, радикально настроенные сепаратисты из организации «Страна Басков и свобода» (ЭТА) очень терпеливы. Если они хотят кого-то убить, то они посылают своего оперативника под видом строителя. Он нанимается к этому человеку, который строит новый дом, и закладывает бомбу. Проходят годы. Когда этот человек женился, завел детей и считает себя счастливым, они взрывают эту бомбу с помощью радиовзрывателя.

МОГАДИШО, 18 ОКТЯБРЯ 1977 ГОДА

После Мюнхена офицер для особых поручений при министре внутренних дел подполковник Ульрих Вегенер получил приказ сформировать спецподразделение по борьбе с террористами — GSG-9 (Grenzschutzgruppe), 9-й отряд специального назначения. Это была ини-

циатива Геншера. Подразделение сформировали внутри федеральной пограничной полиции, в которой служил Вегенер.

В апреле 1973 года Вегенер уже располагал подготовленными бойцами. Спецподразделение насчитывало 180 человек. Вегенер опирался на опыт израильского спецназа.

Главный редактор западногерманской газеты «Цайт» Тео Зоммер одобрял решение обменять террористов на заложников. Он писал: «Беспомощное государство лучше бессердечного». Но возвращенные на свободу террористы возвращаются в террор и вновь убивают. Отношение Федеративной Республики к террористам изменилось, когда жертвами палестинских боевиков стали сами немцы. Это произошло в 1977 году, когда в ФРГ было совершено больше всего террористических актов.

7 апреля 1977 года боевики из «Фракции Красной армии» застрелили в Карлсруэ генерального прокурора Зигфрида Бубака, его водителя Вольфганга Гёбеля и полицейского Георга Вустера. Бубака убили, чтобы спровоцировать прокуратуру на более жесткие меры — это должно было привлечь общественное мнение на сторону боевиков.

30 июля в городке Оберзуль в горах Таунас с букетом красных роз Сюзанна Альбрехт, дочь известного адвоката, стояла перед виллой президента дрезденского банка Юргена Понто, студенческого друга ее отца. Кроме того, Понто был еще и крестным отцом ее сестры. Сюзанна не была столь кровожадна, просто она не могла уклониться от исполнения этого задания. Все пережитки буржуазной морали должны быть забыты: любые колебания могут быть сочтены предательством.

Сюзанну знали в доме банкира, и в день покушения дверь перед ней и ее спутниками гостеприимно

распахнулась, поскольку она заранее по телефону предупредила о своем приходе.

Когда ее впустили, два ее спутника неожиданно выхватили оружие. Но Понто не испугался, а попытался вырвать у террористки Бригитте Монхаупт ее оружие. Тогда третий боевик, Кристиан Клар, стал стрелять. Понто был смертельно ранен и скончался в больнице.

28 апреля земельный верховный суд в Штутгарте после 192-дневного процесса приговорил руководителей «Фракции Красной армии» Андреаса Баадера, Гудрун Энслин и Яна-Карла Распе к пожизненному заключению — за четыре убийства и тридцать четыре попытки совершить убийство.

25 августа полиция случайно обнаружила самодельный гранатомет, нацеленный на здание федеральной прокуратуры. После этого в Западной Германии началась «горячая осень». Полтора месяца горстка террористов держала в напряжении шестьдесят миллионов западных немцев. Все государственные дела были отложены. Главные новости поступали не из правительства и парламента, а из не предусмотренного конституцией «большого кризисного штаба». Федеральный канцлер принял на себя обязанности начальника генерального штаба по преследованию террористов и освобождению заложников.

5 сентября отряд «Красной армии», действовавший под названием «Комmando Зигфрида Хаузнера», похитил Ганса Мартина Шляйера, занимавшего две должности: президента Федерального союза немецкой промышленности и главы Объединения германских предпринимателей.

Около половины шестого он направлялся домой. За его тяжелым «Мерседесом-450 SEL» следовала машина сопровождения с тремя полицейскими, выделенными для его охраны. Когда «Мерседес» свернул

на Винцент-Штатц-штрассе, прямо посреди проезжей части оказалась голубая детская коляска.

Это террористка Зиглинде Хофман толкнула детскую коляску под колеса машины Шляйера, заставив его водителя Хайнца Марциша резко нажать на тормоза (через много лет Хофман поймают и приговорят к пожизненному заключению). Машина сопровождения не успела затормозить и врезалась в «Мерседес» Шляйера.

Пятеро террористов, вооруженные автоматами и самозарядными винтовками, открыли огонь. Они буквально изрешетили водителя и троих полицейских, которые даже не успели достать оружие. На месте преступления нашли потом сто одну гильзу от винтовочных патронов и сорок шесть от автоматных.

Самого Шляйера вытащили из его машины и закинули в белый микроавтобус.

Его выбрали потому, что, во-первых, он считался символом немецкого капитализма, во-вторых, во время войны он служил в аппарате управления имперского протектората Богемии и Моравии. Это была территория оккупированной Чехии. Шляйер служил под руководством обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха, который совмещал обязанности протектора и начальника главного управления имперской безопасности.

Потом станет известно, что паспорта, оружие, авиабилеты для участников покушений на Бубака, Понто и Шляйера поступили из арсеналов палестинцев.

В обмен на его возвращение похитители потребовали выпустить одиннадцать осужденных террористов:

«Кроме того, мы предостерегаем вас против того, чтобы вы проводили розыск Шляйера, иначе мы расстреляем его раньше, чем дело дойдет до переговоров о его освобождении».

Через неделю террористы нанесли новый удар по Западной Германии.

13 октября 1977 года четверо палестинцев, называвших себя «Команда имени Халимеха», угнали самолет «Люфтганзы» с восемьюдесятью шестью пассажирами и пятью членами экипажа, летевший из Пальма-де-Мальорки во Франкфурт-на-Майне, и посадили его на Кипре. Боевики повторили требования похитителей Шляйера и от себя потребовали освободить еще двоих задержанных в Турции палестинцев и пятнадцать миллионов долларов выкупа.

Ответить за эту трагедию предстояло канцлеру ФРГ Гельмуту Шмидту. Если бы погибли пассажиры и экипаж самолета, он мог оказаться главным виновником. На тот случай, если все усилия окажутся тщетными, он решил для себя, что уйдет в отставку.

Об этом никто не знал. Его лица не покидала обычная холодность. Если не было повода для разговора, никто не решался подойти к нему. Никто не рисковал помешать его раздумьям, никто не смел навязываться, никто не хотел стать мишенью для его беспощадного сарказма.

Гельмут Шмидт решительно руководил своими подчиненными — как военными, так и гражданскими:

— Я жду доклада о выполнении приказа.

Он отметал все лишнее, ненужное, что могло помешать принятию быстрого решения. Одному полицейскому офицеру он дал совет:

— Отправляйтесь-ка лучше домой. Вы здесь только мешаете.

Подчиненные знали: Шмидт ворчун по утрам и труженик по вечерам. Вечером он собирал у себя узкий круг помощников.

Если Гельмут Шмидт приходил на заседание кабинета министров хорошо выспавшимся, то он бывал вполне дружелюбен. Где не было повода обратиться на «ты», он ограничивался обязательной формулой

«господин коллега». Коллега, который вызывал раздражение канцлера, слышал в ответ «господин министр такой-то» и сразу понимал, что теперь ему туго придется.

Гельмут Шмидт любил детали. Он хотел знать все, хотя и сам приходил на заседания хорошо подготовленным. От министров и чиновников более низкого ранга он требовал такой же точности и такого же усердия, какие проявлял сам. Само собой разумеется, что не каждый способен был с ним сравниться. Он не щадил тех, кто не выполнил его поручения и попался на этом. Тому, кто провинился, доставалось по полной программе. Шмидт требовал от всех подчиненных исключительного напряжения сил.

Шмидт решился применить силу для освобождения заложников и отправил на Ближний Восток 9-й спецотряд пограничной охраны. А вместе со спецназом улетел и государственный министр Ганс-Юрген Вишневский. Его обязанность состояла в исполнении особых поручений канцлера.

Он всегда испытывал тягу к тайным и щекотливым делам. В начале 60-х, будучи депутатом бундестага, Вишневский установил тесные отношения с Фронтом национального освобождения Алжира. Его даже на арабский манер именовали «Бен Виш». Контакты Вишневского с алжирскими сепаратистами возмутили Париж. Французская контрразведка в ту пору не оставалась ни перед чем, чтобы устранить поклонников алжирской независимости. Несколько человек пострадали на территории Федеративной Республики. Вишневский тоже попал под прицел. Назревал дипломатический скандал, и Бонн самым энергичным образом призвал французов к сдержанности.

Темпераментный и быстрый, Ганс-Юрген Вишневский был готов сцепиться с противником или заключить в объятия союзника. Вишневский обращался к Шмидту на «ты». Шмидт не возражал, понимая, что

имеет дело с весьма своеобразной личностью. Но Вишневский не забывал, кто в стране хозяин.

Он неустанно следовал за террористами, которые перелетали из города в город, вел переговоры и с террористами, и с правительствами тех стран, которые принимали угнанный самолет. Он обеспечил канцлеру успех, когда уговорил руководителя группы боевиков покинуть кабину пилота.

С Кипра террористы отправились в Аден. Здесь, в аэропорту, террористы застрелили пилота Юргена Шумана. В ночь на 17 октября самолет перелетел в столицу Сомали Могадишо. Следующую ночь террористы не пережили. Спецотряд пограничной охраны ФРГ под командованием подполковника Вегенера штурмом взял самолет и освободил заложников.

18 октября, в двенадцать минут первого, всего через семь минут после того, как в сомалийской столице вступил в действие 9-й спецотряд, Ганс-Юрген Вишневский позвонил федеральному канцлеру и доложил:

— Дело сделано.

У Шмидта на глазах выступили слезы. Два встревоженных министра взяли его под руки, опасаясь, что он вот-вот рухнет. Но это были слезы облегчения, внезапно наступившей психической разрядки. Он поговорил с женой и пришел в себя, вновь стал прежним Шмидтом, который и вида не подает, что у него могут быть слабости. К федеральному канцлеру вернулась уверенность, как к выздоровевшему больному румынец. Гельмут Шмидт укоризненно обратился к министрам:

— Что же вы стоите здесь, господа? Нам надо засесть.

Никто из заложников не пострадал.

Троих террористов из Народного фронта освобождения Палестины убили. Оставшуюся в живых террористку Сухейлу аль-Сайех судили в Сомали. Ее приговорили к 20 годам тюремного заключения, но через

год под предлогом плохого состояния здоровья выпустили, и она вернулась в Бейрут.

В 1992 году она решила выйти на покой и получила разрешение поселиться в Норвегии. Но к тому времени власти ФРГ почти закончили ликвидацию сети «Фракции Красной армии» — с помощью найденных через архивы Министерства госбезопасности ГДР экс-террористов. Ее арестовали и выдали ФРГ. В ноябре 1996 года ее приговорили к 12 годам заключения за соучастие в убийстве пилота.

Женщины-террористки ведут себя отвратительнее мужчин. Она была одной из самых жестоких террористок, разгуливала по самолету с гранатами и кричала на пассажиров, как надзиратель в концлагере. Когда убивали пилота, она стояла рядом, наблюдала за происходящим и ела яблоко.

Приказ канцлера Гельмута Шмидта силой освободить заложников были недвусмысленным сигналом: государство не позволит террористам шантажировать себя. Это поняли и те, кто уже сидел в тюрьме Штаммхайм, и похитители Шляйера.

В день, когда западногерманский спецназ ликвидировал палестинских боевиков, захвативших самолет, в камерах тюрьмы Штаммхайм обнаружены мертвые тела руководителей «Фракции Красной армии» Баадера, Энслин и Распе.

Приговоренные к пожизненному заключению, они надеялись, что товарищи по совместной борьбе сумеют их освободить. Похищение Шляйера ничего не принесло. Террористы были уверены, что буржуазное государство пойдет на любые уступки после того, как столь видный представитель капитала, как Шляйер, окажется в их руках. Но все получилось по-другому. Государство наотрез отказалось вступать с террористами в переговоры. Когда надежда рухнула, они решили уйти из жизни.

Соратники пытались назвать это убийством и обвиняли власти в жестокой расправе.

Баадер был левша, но следы пороха и кровь обнаружили на его правой руке. И выстрел был произведен в затылок, что крайне редко встречается при самоубийствах. Все это стало поводом для сомнений — не убили ли его? Но эксперты пришли к выводу, что Баадер сделал это специально: в качестве последней мести тюремщикам. Он нажал спусковой крючок не указательным, а большим пальцем.

Гудрун Энслин повесилась. Она очень исхудала. Повесилась на электропроводе, дважды обмотав его вокруг шеи. Никаких следов насилия эксперты не обнаружили. Предположение, что ее убили, а потом повесили, было отвергнуто — характерный рубец от петли на шее был прижизненным повреждением.

Ее не могли и силой засунуть в петлю, потому что в таких случаях жертву нужно крепко держать и остаются кровоизлияния в тканях. В ее крови не было ни алкоголя, ни каких-либо других видов токсичных или иных препаратов, которые могли свидетельствовать об отравлении или о приведении в бессознательное состояние.

Со временем несколько боевиков, которые предпочли прекратить борьбу, признались, что с самого начала знали: их лидеров никто не убивал, они совершили самоубийство, но следовало утверждать обратное, чтобы иметь повод для продолжения террора.

Но Ганса-Мартина Шляйера спасти не удалось. Полиция собиралась вести игру с похитителями до тех пор, пока не будет обнаружено их укрытие. Но боевикам надоела эта игра, и они убили промышленника. Идейные боевики превратились в тривиальных уголовников. 19 октября труп Шляйера нашли в багажнике машины, брошенной в городе Мюльхаузен в Эльзасе.

ТРИПОЛИ, СЕНТЯБРЬ 1972 ГОДА

В палестинских лагерях тоже узнали, что в Мюнхене пятеро боевиков убиты и трое задержаны. Арабский мир считал погибших героями, павшими за святое дело. Палестинский поэт Махмуд Дервиш, которого весьма почитали в Советском Союзе, написал стихотворение, обещая, что «песни смерти будут продолжаться».

Руководители Организации освобождения Палестины пришли к выводу, что игра стоила свеч. Они заставили весь мир говорить и думать о Палестине.

Али Хассан Саламех во время теракта находился в Восточном Берлине. После окончания операции он улетел в Бейрут, где его встретили как героя. Арафат поздравил его с успехом:

— Ты мой сын, и я люблю тебя, как сына.

В палестинских кругах Саламеха стали считать самым вероятным наследником Арафата.

Лидер ливийской революции полковник Муамар Каддафи потребовал от правительства Федеративной Республики отдать ему трупы убитых террористов. Вилли Брандт согласился. Никто не хотел связываться с Каддафи, который, казалось, не контролировал ни свои слова, ни поступки. У него были те же преимущества, какими обладает уличный хулиган перед воспитанным человеком.

Некоторые западные исследователи полагали, что лидер ливийской революции существует в каком-то шизофреническом мире. Но его иррационализм, скорее, следствие безнаказанности. Хорошо знающие Каддафи люди считают его «толковым, ушлым парнем, воспитанным улицей».

Пятерым убитым террористам Каддафи устроил торжественные похороны в Триполи как «героям палестинского народа». В их честь был произведен оружейный салют.

Муамар Каддафи сам возглавил тридцатитысячную процессию, которая прошла по улицам ливийской столицы, и вручил пять миллионов долларов Ясиру Арафату. Каддафи знал, кто именно убил израильских спортсменов, хотя формально ответственность взяла на себя новая боевая группа под названием «Черный сентябрь».

Муамар Каддафи мог бы считаться учеником Троцкого. Ливийский лидер тоже сторонник перманентной революции. Свергнув 1 сентября 1969 года ориентированного на Запад короля Идриса, полковник постоянно реорганизует систему собственной власти, уничтожая всех, кого считает врагом, и избавляясь от тех, кто недостаточно ему предан.

Ливия — маленькая страна с трехмиллионным населением, большую часть которого составляют бедуины, трудно интегрирующиеся в современное общество. Каддафи мог бы остаться никому не известным маленьким царьком, если бы не нефтедоллары, которые полились в страну рекой в 70-е годы.

Подобно многим восточным царькам, он испытывает непреодолимую тягу к опереточным мундирам и помпезным церемониям. У многих наблюдателей часто даже возникало сомнение в его умственной полноценности.

В 70-х годах Каддафи вдруг понял, что терроризм — прекрасная игрушка, создающая иллюзию власти над миром и заставляющая газеты всего мира писать о нем. Ввязавшись в настоящую войну, он мог лишиться всего. Начиная кампанию террора, Каддафи не рисковал ничем.

Тогдашний ливийский министр иностранных дел ясно обрисовал ситуацию:

— Мы говорим открыто: да, в Ливии добровольцы из восемнадцати арабских государств готовятся к битве против Израиля. Стагнация в арабском мире закончилась с революцией в Ливии. И естественно, мы,

ливийцы, поможем каждой палестинской операции. Повторяю: каждой операции.

Каддафи превратил ливийские посольства, переименованные в народные бюро, в базы для террора. Профессиональных дипломатов заменили сотрудники спецслужб.

Дипломатический багаж, освобождаемый от таможенного досмотра, оказался удобным каналом переправки оружия и взрывчатки в нужное место. Террористам не надо было рисковать, пересекая границы с оружием в руках. Они получали все, что им было нужно, в ливийском посольстве, которое снабжало их любыми необходимыми документами, в том числе и дипломатическими паспортами, позволявшими избежать ареста и суда.

Полковник Каддафи давал оружие, деньги, паспорта, предоставлял убежище множеству террористических организаций и жаловался на то, что у него слишком много берут и слишком мало убивают. Каддафи давал оружие и деньги только в том случае, если видел для себя конкретную выгоду.

Он предельно эгоистичен: никакой филантропии. Каддафи способен произнести на митинге длинную речь о необходимости помочь палестинцам, которые должны огнем выбить израильтян с захваченной ими земли, а вернувшись в свой кабинет, подписать распоряжение о прекращении выдачи денег своим палестинским «братьям».

Глава «Черного сентября» Абу Айяд жаловался на вождя ливийской революции:

— Каддафи уверен, что палестинцы должны выполнять только его приказы. Что мы должны безоговорочно поддерживать его линию. Что мы должны быть друзьями его друзей и врагами его врагов. Он обращался с нами как с наемниками, которым платят и которых заставляют отрабатывать полученные деньги.

По багдадскому соглашению, заключенному между руководителями арабских стран, обещавших поддержку ООП, Каддафи дал согласие ежегодно переводить на счета Арафата сорок миллионов долларов. Обещание свое он выполнял с большой неохотой: правда, Арафат получал от Ливии в большом количестве оружие: ракеты «земля—воздух», ракетные установки «Град», 130- и 122-миллиметровые орудия, патрульные катера — в основном советского производства.

Когда ООП стала искать пути решения палестинского вопроса за столом переговоров, Каддафи не только перестал давать им обещанные деньги, но и поддержал палестинские организации, выступившие против Ясира Арафата. Он создал карманную палестинскую группу — «Национальная арабская молодежь за освобождение Палестины». Ее возглавил Ахмед Шафур, бывший представитель ООП в Триполи. Организация Арафата приговорила «предателя» к смерти и исполнила приговор.

Но осенью 1972 года до поисков мира было еще далеко. Пока что арабские страны готовились к новой войне.

ИЕРУСАЛИМ, ОКТЯБРЬ 1972 ГОДА

Первый ответный удар был нанесен Израилем уже 8 сентября 1972 года. В ходе самой масштабной со времени шестидневной войны операции 75 израильских истребителей-бомбардировщиков атаковали восемь лагерей боевиков Организации освобождения Палестины, а также склады оружия и взрывчатки на территории Сирии и три в Ливане. Погибли 66 человек. Сирийские истребители были подняты на перехват. В коротком бою израильские летчики сбили три сирийских самолета советского производства.

Недавно рассекречены документы американской разведки того времени. В еженедельной информационной сводке ЦРУ от 15 сентября 1972 года говорилось:

«Израильские удары по базам арабских террористов через три дня после убийств в Мюнхене, возможно, только начало интенсивной попытки Израиля избавиться от угрозы, которую представляют собой арабские боевики. Пока Израиль не провел крупной наземной операции, но она вполне возможна».

12 сентября 1972 года в кнессете Голда Меир сказала:

— У нас нет иного выбора, кроме как наносить удары по террористическим организациям повсюду, где мы сможем их обнаружить. Это наш долг перед нами самими и перед миром. И мы исполним свой долг.

Советские руководители поспешили на помощь Сирии. Советский представитель в Совете Безопасности ООН получил указание провести резолюцию, возлагающую всю ответственность на Израиль, и не позволить американцам осудить террористов, устроивших бойню в Мюнхене, и их покровителей — тех, кто предоставляет террористам убежище, кто дает им деньги, документы и оружие.

Представитель Соединенных Штатов в Совете Безопасности ООН Джордж Буш-старший заклеил «бессмысленную и ничем не оправданную террористическую вылазку в Мюнхене».

На следующий день «Правда» поместила статью своего корреспондента в Нью-Йорке Томаса Колесниченко:

«Со стороны США выдвинут проект резолюции, в котором отсутствует вопрос, обсуждаемый Советом Безопасности, об агрессии Тель-Авива.

Вместо этого предлагается осудить действия узкой группы частных лиц, осуществивших террористиче-

.....

ский акт в Мюнхене, группы, которая не имеет никакого отношения к правительствам арабских стран Сирии и Ливана. В этом документе содержится явная попытка обвинить арабские страны в создавшемся положении на Ближнем Востоке и возложить на них ответственность за действия террористов в Мюнхене.

Проект США по сути дела оправдывает агрессивные действия Израиля против Сирии и Ливана под насквозь фальшивым предлогом так называемых «ответных мер», предпринимаемых Тель-Авивом».

16 сентября израильские войска пересекли ливанскую границу и снесли сто тридцать домов, которые, по данным разведки, принадлежали боевикам Организации освобождения Палестины. Заодно артиллерийским огнем были уничтожены позиции палестинских боевых отрядов.

17 сентября в Москве члены Политбюро одобрили написанный в Министерстве иностранных дел текст «Заявления Советского правительства»:

«Дымовая завеса израильской пропаганды, раздувающей шумиху вокруг известного трагического случая в Мюнхене, никого не может ввести в заблуждение. Ни Ливан, ни Сирия не несут никакой ответственности за эти события...»

Для советских руководителей убийство спортсменов в Мюнхене было всего лишь случаем, на который, видимо, не стоило обращать внимания.

Израильтяне же пребывали в состоянии шока. Но все понимали, что авиационные удары по базам боевиков нельзя считать ответом тем, кто убил невинных людей в Мюнхене. Все израильские политики сходились в том, что преступники должны понести наказание. Но как это сделать?

В служебном кабинете Голды Меир, где присутствовал узкий круг министров, руководитель Моссад Цви Замир подробно рассказал о том, что он видел в Мюнхене своими глазами. Когда он описал, как

связанных израильтян вели на смерть, министры, люди несентиментальные, плакали.

Генерал Аарон Ярив, руководитель военной разведки, предложил Голде Меир уничтожить руководителей «Черного сентября». Пусть террористы почувствуют себя в роли людей, за которыми охотятся, пусть они станут жертвами, поменяются местами с теми, кого они привыкли убивать. Причем наказать нужно и тех, кто придумал эту операцию, кто руководил террористами, сидя за письменным столом, тех, кто посылает других убивать, а сам ничем не рискует.

Голда Меир внутренне противилась этой идее. Она не была военным человеком. Но генерал Ярив ее убедил.

И до Мюнхена израильский спецназ уничтожал террористов. Но речь шла только о боевиках, на руках которых кровь. После Мюнхена Голда Меир разрешила спецслужбам начать войну против палестинских вождей.

24 октября 1972 года сразу несколько палестинских лидеров в разных странах получили бомбы в посылках. В Ливии посылка взорвалась в руках палестинца Мустафы Авадха Абу Зейда. В Алжире был тяжело ранен представитель ООП Абу Халиль. Это было лишь началом.

Премьер-министр Голда Меир просила канцлера ФРГ Вилли Брандта выдать Израилю трех оставшихся в живых и арестованных немецкой полицией участников нападения.

Брандт ответил, что их будет судить немецкий суд. Но его правительство дало слабину, и этим сразу же воспользовались палестинцы.

Через полтора месяца, утром в воскресенье, 29 октября 1972 года, двое палестинских боевиков захватили «Боинг-727» принадлежавший «Люфтганзе». Самолет летел из Дамаска во Франкфурт-на-Майне. Террори-

сты сели на борт в Бейруте, где самолет сделал промежуточную остановку.

Они потребовали лететь в Мюнхен. Самолет дозаправился на Кипре и полетел в сторону Западной Германии. Террористы потребовали освободить своих соратников, арестованных за участие в похищении и убийстве израильских спортсменов. В противном случае они угрожали взорвать самолет.

Западные немцы были готовы на все, лишь бы их самих не трогали. Даже не оповещая Израиль, власти Федеративной Республики приняли решение капитулировать.

— Я не видел иной альтернативы, — объяснил свои действия Вилли Брандт. — Пришлось подчиниться ультиматуму, чтобы предотвратить новое кровопролитие.

Немецкие власти обещали, что самолет примут в мюнхенском аэропорту и троих заключенных освободят.

Но террористы, видимо, не стали рисковать. Они заставили пилота лететь в югославский город Загреб. Самолет кружил над городом. Количество топлива постепенно уменьшалось.

Трое арестованных террористов — Джамаль аль-Гаши, Аднан аль-Гаши и Мохаммад Сафади — ожидали худшего. Но немецкие полицейские и тюремные власти обращались с ними более чем корректно. Их допрашивали, но без применения мер давления.

Все трое находились в разных тюрьмах — в Штраубинге, Штадельхайме и в Ландсберге, где когда-то отбывал наказание молодой Адольф Гитлер.

Всех троих освободили и, поскольку времени было мало, на вертолете доставили в мюнхенский аэропорт, где их ожидал самолет «Люфтганзы». Сначала палестинцы думали, что их переводят в другую тюрьму. Когда им объявили, что их передадут в руки их собст-

венной организации, радости не было предела. Они понимали, что дома их встретят как героев.

Перед вылетом в аэропорту заботливые немцы вручили им огромные пакеты с едой. С руки Джамала аль-Гаши еще не сняли повязку, но он ел с аппетитом. Террористов посадили на самолет, взявший курс на Загреб. В полете боевиков сопровождали высокопоставленный сотрудник «Люфтганзы» и несколько полицейских. Немцы невероятно спешили, потому что должны были доставить троих террористов раньше, чем в «Боинге-727» кончится топливо. В половине шестого вечера самолет мог рухнуть на город.

Террористы, захватившие «Боинг», обещали отпустить заложников сразу, как только освободят пленников, но, когда оба самолета приземлились, заявили, что большинству заложников придется лететь с ними в Ливию.

Немцы ничего не могли поделать. Самолет вновь взлетел и сел в Триполи в девять вечера. На аэродром прибыл посол ФРГ, чтобы убедиться, что пассажиров наконец освободят.

В Триполи террористов встретили как героев. Весь арабский мир считал их освобождение победой, которую отмечали массовыми митингами и шествиями. Из Ливии боевиков переправили в Ливан.

Ходили слухи, что захват самолета был результатом тайной договоренности между руководством палестинских боевых отрядов и правительством Федеративной Республики.

Палестинцы предупредили Бонн, что немцам лучше освободить арестованных членов «Черного сентября», иначе ФРГ станет жертвой диверсий и терактов. Западногерманское правительство, которое не могло справиться с собственными террористами, не хотело связываться еще и с палестинцами. В Бонне предпочли откупиться от них, надеясь на то, что они оставят Германию в покое.

.....

Правительство Брандта уже не в первый раз договаривалось с палестинцами. В феврале 1972 года палестинцы захватили самолет «Люфтганзы», летевший в Аден. Авиакомпания откупилась от похитителей пятью миллионами долларов.

Теперь история повторялась. Довольно странно, что самолет «Люфтганзы» вылетел из Дамаска без единого пассажира! В Бейруте на борт поднялись всего тридцать пассажиров, из них двое были террористами. Израильтяне решили, что вся история с похищением самолета — всего лишь инсценировка с целью вытащить из тюрьмы троих убийц.

Для Израиля освобождение террористов было удачом. Голда Меир с нескрываемой горечью говорила:

— Похоже, в мире за решеткой уже не осталось ни одного террориста. Всех отпустили. Все капитулировали перед ними. Все, кроме нас.

Все сомнения, которые оставались у премьер-министра, исчезли. Впрочем, сомнения редко посещали Голду Меир. Она отличалась редкой способностью быть абсолютно уверенной в собственной правоте и внушать эту уверенность другим.

Эта уверенность основывалась на завидной работоспособности (в ее-то возрасте), умении мгновенно схватывать суть дела и принимать неожиданные решения и не бояться ответственности. Ее действия почти всегда соответствовали настроениям и чувствам израильтян. Они иногда иронически относились к Голде Меир, но не могли не признавать ее искренности и политического чутья.

Самые сложные вопросы она предпочитала обсуждать в неформальной обстановке. Став премьер-министром, она разрешила курить во время заседаний правительства, чтобы сделать их как можно менее казенными.

Вечером у себя дома она сама готовила ужин и охотно кормила гостей. Дом премьер-министра нахо-

дился в Иерусалиме на бульваре Бен-Маймон. В просторной гостиной Голда Меир любила собирать ближний круг своих советников, угощала чаем или кофе и заставляла решать самые важные проблемы. Иногда посиделки затягивались далеко за полночь.

Трое были постоянными гостями Голды Меир — министр финансов Пинхас Сапир, основной советчик по экономическим и кадровым делам, министр без портфеля Израэль Галили, специалист по международным вопросам, и министр юстиции Яков Шимшон Шапиро, знаток законов и поверенный многих ее тайн.

Израэль Галили был ближайшим советником премьер-министра. Он не любил высоких постов и предпочитал оставаться в тени. Голда Меир больше всего ценила в нем отсутствие тщеславия, честность и верность принципам. Галили одним из первых, еще в пятидесятых годах, потребовал найти способы эффективной борьбы против террора, который казался тогда временным явлением.

Директором канцелярии премьер-министра был Симха Диниц, который начинал трудовую деятельность ночным сторожем в израильском посольстве в Вашингтоне, а потом работал с Голдой Меир еще в ее бытность министром иностранных дел. Он был надежным помощником, способным работать по двадцать часов в сутки. Но Голде Меир не хватало рядом человека, способного дать компетентный и неожиданный совет.

В ноябре 1972 года Симха Диниц отправился послом в Соединенные Штаты. А место рядом с Голдой Меир занял профессиональный дипломат Мордехай Газит, которого она ценила за блестящий ум.

Мордехай Газит, родившийся в Турции, в первую войну 1948 года был командиром роты в Хагане. После тяжелого ранения он служил в разведке, затем перешел в министерство иностранных дел. Он окон-

.....

чил Еврейский университет по специальности «археология Палестины» и первые дипломатические курсы при Еврейском агентстве. Газит получил назначение посланником в Вашингтоне, а в начале 70-х занял пост генерального директора министерства иностранных дел.

Его младший брат, Шломо Газит, служил в армии, был заместителем командира элитной бригады «Голани». После шестидневной войны руководил военной администрацией на оккупированных территориях. Интеллигентный человек, Шломо Газит совсем не был похож на военного и нашел себя, став начальником военной разведки.

Зная «голубиные» взгляды руководителя своей канцелярии, Голда Меир посвящала Мордехая Газита не во всякий вопрос.

По военным делам Меир советовалась с недавно вышедшим в отставку генералом Хаимом Бар-Левом. В юности он собирался стать ветеринаром, но еврейскому государству понадобились солдаты. Он тридцать лет прослужил в армии обороны Израиля, пока не стал начальником генерального штаба. Он ввел в практику предупредительные акции авиации и спецназа против палестинских боевиков.

В конце 1971 года Бар-Лев вышел в отставку. Голда Меир предложила ему пост министра торговли и промышленности, но предпочитала обсуждать с ним военные дела. Дело в том, что она недолюбливала министра обороны Моше Даяна.

Он взялся за оружие, когда ему было четырнадцать лет, и стал самым юным бойцом еврейской самообороны.

Моше Даян лишился глаза во время Второй мировой войны — в ходе совместной операции с солдатами генерала де Голля из «Свободной Франции». Во время боя на реке Литани молодой Моше Даян, глядя в бинокль, искал огневые точки врага. Только он обнару-

жил место, откуда противник вел интенсивный автоматный огонь, как вражеская пуля попала прямо в бинокль.

Осколки линзы и металла впились ему в левый глаз. Он был ранен еще и в руку. В госпитале Даян спросил врача, что с ним будет.

— Две вещи я могу сказать точно, — ответил доктор. — Вы потеряли глаз, но жить будете. Что мне не ясно, это что происходит с вашей головой, потому что в ней много осколков.

Сначала Даян надеялся, что сможет скоро вернуться к армейской службе, но лечение затягивалось. Он вернулся в Иерусалим, где жил в доме родителей жены, которая была беременна, и каждый день ходил в глазную клинику. Осколки, засевшие в голове, стали причиной сильнейших головных болей. Пальцы пострадавшей руки были парализованы.

Даян вновь смог читать и даже обходился без очков. Он научился с одним глазом правильно определять дистанцию и водить машину. Для того чтобы вернуть себе способность ориентироваться в сумерках, он много ходил по ночам. Спотыкался о камни, падал, но постепенно научился не падать.

После войны Моше Даян по настоянию семьи поехал в Париж, чтобы сделать операцию. Хирург надеялся, что сложная операция по пересадке кости позволит Даяну носить искусственный глаз. Даян был готов на все, лишь бы избавиться от черной повязки, закрывавшей пустую левую глазницу.

Все обращали на нее внимание, и это было невыносимо. Даян предпочитал сидеть дома, только бы не видеть обращенных на него взглядов. Он мечтал ходить по улицам, сидеть в кафе или кино и не привлекать к себе внимание. Человеку, у которого есть два глаза, трудно понять, что значит быть объектом постоянных любопытных взглядов и перешептываний...

Но операция оказалась неудачной. Организм отверг пересаженную кость, у Даяна началось воспаление с высокой температурой. Месяц он пролежал в крохотной больничной палате. За ним ухаживали его жена и ее сестра. Как только удалось собрать деньги на билет, они улетели домой. Даян был обречен до конца своих дней носить черную повязку, пересекавшую лицо. Она была постоянным напоминанием о боевом прошлом и принесенных жертвах.

Он считал, что военная служба для него закончилась. Моше Даян еще не знал, что его ждет блестящая военная карьера, которой не повредят ни потерянный глаз, ни черная повязка.

Известный как умелый и храбрый военачальник, Даян по натуре был скрытным и замкнутым человеком. Его считали «одиноким волком», который почти не способен к откровенности.

— Я не презираю людей, — сказал однажды Моше Даян. — Они просто нагоняют на меня скуку.

Голда Меир понимала, что лучшего министра обороны она не найдет, но деликатные вопросы предпочитала обсуждать с более милыми ее сердцу людьми.

Рассказывают, что на следующий день после того, как немцы отпустили троих террористов, Голда Меир приказала Моссад и военной разведке найти палестинцев, участвовавших в убийстве израильских спортсменов:

— Я хочу, чтобы все организаторы и исполнители ответили за свое преступление. Отправьте наших мальчиков.

Не оставалось никакого иного пути наказать преступников, если все остальные страны их просто освободили.

Имела ли премьер-министр право отдавать такие приказы?

Фактически с момента создания Израиля в стране существует режим чрезвычайного положения, потому

что соседние арабские страны напали на еврейское государство в день его провозглашения. На протяжении десятилетий арабский мир находился в состоянии войны с Израилем, соседи не признавали еврейское государство и пытались его уничтожить.

Режим чрезвычайного положения продлевается каждый год решением кнессета. Этот режим не отменяет основных политических прав и свобод, Израиль — единственное демократическое государство на Ближнем Востоке. Но правительство наделено всей полнотой прав в сфере безопасности, поэтому премьер-министр страны может отдать приказ армии и спецслужбам уничтожить террористов.

Операция возмездия, продолжавшаяся несколько лет, получила кодовое наименование «Божий гнев».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

.....

РАСПЛАТА

Операция возмездия, проведенная израильтянами после трагедии в Мюнхене, не знает себе равных в антитеррористической и антипартизанской борьбе.

Это была чистой воды месть. Никого не собирались похищать и сажать на скамью подсудимых. Израильские руководители считали, что суд уже состоялся и сомнений в виновности нет. Вопрос только в том, как исполнить приговор. Операция должна была повергнуть в страх не только палестинских боевиков, но и тех, кто направляет террор, сидя за письменным столом.

ИЕРУСАЛИМ, СЕНТЯБРЬ 1972 ГОДА

Для начала в Израиле было проведено служебное расследование обстоятельств гибели израильских спортсменов. Расследованием руководил Пинхас Коппель, бывший сотрудник Шин-Бет и один из руководителей полиции. Комиссия пришла к выводу, что трагедия в Мюнхене — это прокол в работе контрразведки.

Спортивные делегации Египта, ГДР и Советского Союза, несмотря на запрет Международного олимпийского комитета, все-таки включили в состав своих

делегаций офицеров безопасности. Почему же израильские власти оказались такими законопослушными?

Руководителей контрразведки наказали, хотя об этом в стране мало кто знал.

Шин-Бет с 1963 года возглавлял Иосэф Хармелин.

Он всю жизнь прослужил в контрразведке. Его отличала скорее основательность, нежели блеск ума. Он был высоким, крепко сложенным офицером. В нем видели настоящего кибуцника, крестьянина, которым он когда-то и был. Прежний премьер-министр Леви Эшкол уважал своего начальника контрразведки, часто с ним советовался, но ему ни разу не удалось его рассмешить. С чувством юмора у руководителя Шин-Бет было трудно. Но солдафоном он не был.

Хармелин был против чисток в его ведомстве. Но Голда Меир умела настоять на своем. Хармелин вскоре ушел в отставку. Его сменил Аврахам Ахитув, который прежде руководил в Шин-Бет арабским отделом. Он родился в Германии, его родители бежали в Палестину после прихода нацистов к власти. Он получил религиозное воспитание, но оказался вполне практичным человеком, изучал металлургию и работал в Национальной электрической компании. Ранение в войне 1948 года оставило его хромым на всю жизнь.

В начале 60-х Ахитув работал на Моссад за границей, о чем мало кому было известно. Он был старомодным человеком, придерживался раз и навсегда установленных правил и носил только темные костюмы и наруканники.

Ахитув был очень требователен к своим подчиненным. Он уволил офицера, когда выяснилось, что тот пытался получить в кассе Шин-Бет деньги за завтрак с информатором, которого в реальности не было. Ахитува боялись. Когда он входил в здание, все замирали, можно было услышать только, как летают мухи. Но и к себе он был не менее требователен. Самоучка, он

.....

нашел время и силы самостоятельно окончить школу и юридический факультет университета...

Новым начальником отдела безопасности сделали Аврахама Шалома. Вскоре он возглавит Шин-Бет. Родители Шалома привезли его из Германии в 1933 году. Он вступил в подпольные отряды самообороны Пальмах, рано начал службу в Шин-Бет, участвовал в доставке нацистского военного преступника Адольфа Эйхмана в Израиль.

Шалом принимал участие во всех серьезных операциях Шин-Бет. Но он так и остался оперативником и не очень годился в начальники. Коллеги считали его трудягой, настойчивым, но бесцветным человеком.

Поэтому Голда Меир поручила отомстить за Мюнхен людям, которых она больше ценила, — директору Моссад Цви Замиру и начальнику военной разведки генерал-майору Аарону Яриву. Сотрудники обеих спецслужб действовали сообща, хотя в повседневной работе они конкурировали между собой.

Формально директор Моссад был старшим в разведывательном сообществе страны, он возглавлял межведомственный координационный комитет по разведке. Но если министром обороны становился сильный политик, то находившаяся под его крылышком военная разведка переставала согласовывать свои действия с Моссад. Руководители военной разведки доказывали своему начальству в генеральном штабе, что могут работать точнее гражданских, потому что лучше понимают нужды армии.

Военная разведка первой создала заграничные резидентуры и обзавелась собственной агентурной сетью. Военные же занялись и разработкой системы радиоэлектронной разведки, способной прослушивать все радио- и телефонные переговоры на территории вероятного противника. Военные разведчики использовали только что появившиеся компьютеры для со-

ставления базы данных о положении в арабских странах и состоянии их армий.

Главная задача военной разведки состояла в том, чтобы следить за всеми переменами в арабских странах и арабских армиях. Аналитики скрупулезно по крупицам собирали информацию, в которой нуждалась армия обороны Израиля.

Когда в Египет и другие арабские страны начало поступать оружие советского производства, в израильской военной разведке появился дополнительный технический отдел, в задачу которого входило изучение советского вооружения, его боевых качеств и возможностей. Еще один отдел получил задание следить за советским военным и политическим проникновением на Ближний Восток.

На сей раз Голда Меир назначила старшим выходца из военной разведки — правда, после того, как он снял погоны.

Генерал-майор Аарон Ярив, энергичный, невысокий человек, руководил военной разведкой восемь лет, дольше всех своих предшественников. Он считался одним из архитекторов победы в шестидневной войне 1967 года, он обеспечил вооруженные силы исчерпывающе полными данными о дислокации и боевых возможностях частей и соединений египетской и сирийской армий.

Невысокий, красивый, энергичный Ярив родился в Литве. Его настоящая фамилия Рабинович. После создания Израиля палестинские евреи переименовали свои фамилии на старый ивритский лад. Они брали имена, состоящие из двух слогов. Это был символический акт. Сионисты хотели забыть свою жизнь в изгнании.

В 1935 году он эмигрировал в Палестину, учился в сельскохозяйственной школе. В 1941-м вступил в Еврейскую бригаду британской армии, дослужился до капитанских звездочек. Во время первой арабо-израильской войны он командовал батальоном. После

войны его послали учиться в военно-командное училище во Францию. Он стал первым начальником командно-штабной академии армии обороны Израиля. Три года был военным атташе в Соединенных Штатах и Канаде, а после возвращения в Израиль служил командиром элитной бригады «Голани».

В 1961 году Ярив стал помощником начальника разведывательного управления. В 1964-м, когда в Моссад ушел его предшественник генерал Меир Амит, Аарон Ярив возглавил военную разведку. Когда он принимал дела у своего предшественника, ему было сказано, что «Организация освобождения Палестины» никого не беспокоит. Можешь ООП даже не заниматься»...

Начальник разведывательного управления генерального штаба — один из влиятельнейших генералов в Израиле. Этот человек очень близок к руководителям правительства, докладывает им напрямую. Он пользуется особым их доверием. Ярив был самым почитаемым начальником разведки. Его высоко ценили и военные, и политики. Считалось, что он единственный, кто располагает точными сведениями о том, что происходит в арабских странах. Его регулярно приглашали на заседания Кабинета министров, иногда даже в тех случаях, когда обсуждались и невоенные вопросы. Он считался военным экспертом номер два — после начальника генштаба Ицхака Рабина.

Осенью 1972 года генерал Аарон Ярив ушел в отставку. Он ожидал назначения на пост личного помощника министра обороны. Голда Мсир сделала ему неожиданное предложение — стать ее советником по борьбе против терроризма и координировать действия трех спецслужб: Моссад, Шин-Бет и военной разведки. Со стороны главы правительства это был ловкий ход. Сразу ослабло давление на нее Министерства обороны, которое требовало доверить вооруженным силам борьбу против арабского терроризма.

Голда Меир считала, что это задача не армии, а спецслужб. Аарону Яриву и было поручено дать ответ тем, кто устроил теракт в Мюнхене.

— Нам пришлось это сделать, — говорил он впоследствии, — потому что не было выбора. Мы вынуждены были следовать библейскому завету: око за око. Но гордиться тут нечем.

ИЕРУСАЛИМ, ОКТЯБРЬ 1972 ГОДА

Цви Замир и Аарон Ярив составили список палестинских боевых командиров, виновных в мюнхенской бойне.

Никто не видел этого списка. Рассказывают, что там было от двенадцати до шестнадцати имен. Судить об этом можно только по числу трупов уничтоженных террористов. Впрочем, еще не известно, кого именно из внесенных в черный список убили израильтяне, а кого сами палестинцы, которые в междоусобной борьбе за власть неумолимо уничтожали друг друга.

Израильтянам не так просто было установить, кто именно причастен к убийствам в Мюнхене. Никто из палестинцев не спешил в этом признаваться.

В начале 70-х палестинские военизированные организации уже многому научились и проводили операции более умело. Они старались сделать так, чтобы одна боевая группа не знала о другой. Они больше всего боялись проникновения израильских агентов.

В конце 1967 года Ясир Арафат создал контрразведку, задача которой состояла в том, чтобы выявлять израильских агентов в палестинских рядах. Контрразведку возглавил Фарук Каддуми, но он тяготел к политической деятельности, и его сменил Абу Айяд, который вскоре занялся другими делами и подыскал себе смену в лице Али Хасана Саламеха.

Но палестинцы не любили делиться информацией между собой. Если ФАТХ что-то узнавал о методах работы Шин-Бет, то не спешил оповестить другие палестинские группы. Так же поступали и люди Хаббаша из Народного фронта освобождения Палестины. Отсутствие координации между палестинцами сильно помогало израильским оперативникам из Шин-Бет.

Абу Дауд и еще девять молодых палестинцев прошли летом 1968 года полуторамесячные курсы в Египте. Подучившись у египетских контрразведчиков, они были приняты в палестинскую контрразведку.

Тем не менее считается, что израильтяне все-таки достаточно точно установили, кто именно причастен к мюнхенской трагедии. Большинство историков предлагают такой вариант списка, составленного руководителями Моссад и военной разведки:

Абу Айяд, лидер «Черного сентября»;

Али Хасан Саламех, который задумал теракт в Мюнхене;

Абу Дауд, который непосредственно подготовил теракт;

Махмуд Хамшари, пресс-секретарь ООП, обеспечивавший «Черному сентябрю» контакты с террористами из других стран;

Ваэль Абу Цвайтер, отвечавший за доставку оружия в Мюнхен;

Базиль аль-Кубаиси, представлявший в «Черном сентябре» организацию Жоржа Хабаша Народный фронт освобождения Палестины;

Камаль Насер, один из руководителей «Черного сентября»;

Кемаль Адван, руководивший всеми терактами против Израиля на оккупированных территориях;

Мохаммад Юсуф аль-Наджар (он же Абу Юсеф), человек номер три в «Черном сентябре»;

Хусейн Абад аль-Шир, отвечавший за сотрудничество «Черного сентября» со спецслужбами социалистических стран;

Вади Хаддад, руководитель боевых операций и член политбюро Народного фронта освобождения Палестины.

Хабаш был философом, Хаддад — человеком действия. Ближайший соратник и друг Хабаша, он планировал все самые крупные теракты и считался самым изобретательным палестинским террористом.

Вади Хаддад перед каждой операцией объезжал с чемоданчиком богатые арабские страны, собирая дань. Ему не отказывали. Хаддад создал международную сеть террора, которая позволила боевикам свободно перемещаться из одной страны в другую, повсюду получая помощь и поддержку.

Говорят, что в Иерусалиме Ясира Арафата тоже хотели включить в список, но потом решили, что он не обязательно лично руководил операцией. Его не хотели трогать. Почему? Считается, что палестинцы бросили бы все силы на то, чтобы в ответ убить премьер-министра Израиля. Это сомнительное объяснение. Если бы палестинцы могли добраться до главы израильского правительства, они бы обязательно это сделали. И пытались не раз!

Скорее, причина была в другом. Израильтяне в те годы исходили из того, что наследник Арафата на посту руководителя Организации освобождения Палестины может оказаться еще более опасным человеком. К тому же его смерть вызвала бы крупный международный скандал, нежелательный для Израиля.

Непосредственная подготовка была возложена на Моссад. Политическая разведка считается самой сильной и профессиональной в Израиле.

Через три недели после создания Израиля премьер-министр Давид Бен-Гурион распорядился создать три специальные службы — по британскому образцу. Поя-

.....

вилась контрразведка Шин-Бет, военная разведка как подразделение генерального штаба и политическая разведка. Предполагалось, что, как и в Англии, куратором внешней разведки станет министр иностранных дел. В реальности она подчинялась напрямую премьер-министру.

Формально Моссад — Институт координации — появилась по приказу Бен-Гуриона 2 марта 1951 года. С 1963 года разведка называется Институтом аналитических и специальных служб.

Проблема израильской разведки состояла в том, что ей приходилось заниматься не только чисто разведывательными делами. Прежде всего от нее требовали обеспечивать безопасность евреев, которые жили в арабском мире.

После первой арабо-израильской войны в 1948 году почти миллион евреев вынуждены были бежать из своих домов в арабских странах, где к ним относились как к врагам. К моменту начала шестидневной войны в июне 1967 года в арабских государствах оставалось меньше ста тысяч евреев. Это были запуганные люди, которые ждали худшего и которых следовало спасти.

Кроме того, в начале 50-х годов в Моссад образовали отдел международных связей. Это было подразделение, которое превратилось в теневое Министерство иностранных дел. Его задача состояла в поддержании связей со странами, которые не могут устанавливать формальные отношения с Израилем, — например, с такими мусульманскими странами, как Марокко и Индонезия.

Израиль — небольшое государство, и возможности разведки крайне ограничены. Моссад не имел возможности, подобно ЦРУ или КГБ, заниматься всем миром.

Все усилия Моссад были сосредоточены на арабском мире, который считает еврейское государство подлежащим уничтожению. Военная разведка имела

больше агентов в арабских странах, чем Моссад. Но политическая разведка тщательнее подбирала агентуру, в основном из числа хорошо подготовленных арабов, которые не привлекали к себе внимание контрразведки.

Заграничные резидентуры были малочисленными, их цель состояла в том, чтобы собирать информацию о ближневосточной политике различных государств, о закупках арабами оружия, экономических отношениях арабских стран с Европой.

Один из руководителей Моссад внушал подчиненным:

— Израиль — бедная страна, мы не можем позволить себе держать под ружьем большую армию. Моссад в какой-то степени должен освободить страну от содержания большой армии и призыва резервистов перед лицом военной угрозы извне.

Штат Моссад составлял тогда полторы-две тысячи человек, из них пятьсот сотрудников — офицеры.

Моссад делился на семь отделов: планирования операций и координации; сбора информации; политических действий; кадров, финансов и безопасности; подготовки личного состава; исследовательско-аналитического; технических операций и создания технических средств для оперативной работы.

Когда палестинский терроризм стал серьезной угрозой, сотрудники Моссад за границей получили новые указания — обеспечивать безопасность израильских граждан, находить и обезвреживать зарубежные базы поддержки боевиков.

Директор Моссад Цви Замир поручил операцию возмездия Майку Харари. Ему было тогда сорок шесть лет. Когда-то его готовили в радисты. После войны Харари оказался в Риме, где участвовал в нелегальной отправке евреев в Палестину. После службы в армии, в 1950 году, был взят в Шин-Бет. Через десять с лиш-

.....

ним лет Харари перешел в Моссад, где со временем вырос до начальника оперативного управления.

Майк Харари сразу же выехал в Европу с паспортом на чужое имя. Операционной базой он избрал Париж, где резидентом Моссад был Абрахам Геймер. Он работал в израильском посольстве под крышей первого секретаря.

Считается, что боевая группа состояла всего лишь из пятнадцати человек. Двое приводили приговор в исполнение, двое их прикрывали. Еще двое занимались организационной работой — бронировали номера в гостиницах, находили конспиративные квартиры, арендовали машины. Двое отвечали за бесперебойную связь. И человек шесть-восемь следили за объектом и обеспечивали благополучную эвакуацию после операции.

Все это были опытные люди. Каждый говорил на нескольких языках. Среди них были специалисты по изготовлению фальшивых документов, взрывчатки, хорошие стрелки. Каждый в случае необходимости мог действовать самостоятельно.

Боевая группа, разумеется, имела право в случае необходимости прибегнуть к помощи региональных резидентур. Но по разным соображениям число посвященных было строго ограничено. Да и руководству Моссад не хотелось подставлять под угрозу сотрудников резидентур, обычно действующих под дипломатическим прикрытием. В самых сложных ситуациях боевой группе приходилось рассчитывать только на собственные силы.

Стратегическая задача состояла в том, чтобы оторвать террористов от их соратников и от баз снабжения, подловить их в тот момент, когда они максимально уязвимы. Террористы нуждаются в чьей-то помощи, чтобы получить документы, деньги, оружие. Если они оказываются одни, то теряются.

Кроме того, Майк Харари хотел, чтобы палестинцам всякий раз было ясно, что их человек погиб не случайно, что это месть. Поэтому в отступление от обычных правил приказ гласил: никакой маскировки под несчастный случай — напротив, действовать демонстративно. Но Харари требовал от подчиненных твердо удостовериться, что перед ними именно тот, кого они ищут. Смерть невинных, предупредил он, будет сочтена катастрофой и провалом. Предупреждение, как мы увидим, не помогло...

Начали с налаживания информационно-осведомительной сети. Предстояло выяснить, где находятся те, кого ищут. Агенты Моссад рыли носом землю по всей Европе. В ход пошли старые связи и контакты. Израильтяне через посредников наладили контакты с ультралевой западногерманской группой Баадера-Майнхоф, у которой были давние хорошие связи с палестинцами.

Это были годы, когда в Федеративной Республике поднялась война ультралевого терроризма. Начиналось с протеста молодежи против устоявшихся авторитетов и против родителей, которые позволили Германии стать нацистской. Радикально настроенная молодежь считала, что западногерманское государство движется в том же преступном направлении, что Федеративная Республика — наследница третьего рейха и что нельзя оставаться такими же пассивными, как родители.

Кажется, ничто не может быть напраснее борьбы сыновей против отцов. Ведь отцы умирают, а сыновья становятся отцами. Если конфликт поколений в чем-то естествен, так только в том, что он подчиняется закону вечного кругооборота в природе, но его постоянное повторение кажется проклятием. Каждое поколение проживает его по-своему.

«Твой отец добрый малый, — говорит Базаров своему другу в романе Тургенева «Отцы и дети», — но он человек отставной, его песенка спета».

В романе нигилист Базаров умирает раньше, чем отвергаемые им отцы.

Каждое поколение сыновей воображает себе, что его борьба с отцами единственная в своем роде и исполнена особого смысла. Это относится и к тому поколению немцев, которое появилось в военные или первые послевоенные годы. Но их конфликт со старшим поколением действительно не знает примеров в истории, поскольку их отцы совершили нечто невиданное — систематически истребляя целые народы, они превратили в золу и пепел целый континент.

И что же ощущали дети преступников из Освенцима?

В школе их учили, что немцы непостижимым образом стали жертвой гнусного маньяка и его палачей. «Гнусным» называл Голо Манн Гитлера, он же говорил о «надвигающемся мутном, увлекающем за собой потоке», как будто национальный социализм был природным катаклизмом. Как спорить с отцом, который по счастливой случайности остался жив в столь ужасную непогоду?

«Что такое наше поколение, поколение разной рухляди, состряпанной в спешке и страхе перед войной или в первые дни войны под разговоры о том, что, прежде чем отправиться на войну, муж обязан сделать жене одного ребенка.

«Я появился на свет только потому, что была война». И во что тогда превращаются детство и юность? Ничего, кроме постоянного извинения за то, что ты вообще существуешь — «извините, что я родился». Теснота, стесненная жизнь в затемненных комнатах, угроза бомбежек, бомбежка, разбитые стекла, а затем бомбоубежище, бункер. А с неба падают горящие самолеты и горящие человеческие тела.

А что потом, когда все это кончилось? Затхлая атмосфера коллективной вины, сцены жестокостей, задним числом экономно допущенные в общую атмосферу, переломанные кости, горы трупов внедрялись в сознание — этого не пережило ни одно другое поколение до нас здесь, в поверженной Германии.

Было разрушено нечто значительно большее, чем дома, было задушено и погублено значительно больше, чем было убитых на войне, — великое пространство, интеллектуальный ландшафт отмерли и были опустошены.

Теперь ты можешь понять, в каком общем климате мы, каждый на свой лад, выростали и что коварным образом прокралось в жизненный опыт и жизненные установки нашего поколения?»

Эти слова принадлежат писателю Рольфу Дитеру Бринкману, родившемуся в 1940-м и умершему в 1975 году.

«Бунт направлен против тех, кто сделал меня свиньей. Это не слепая ненависть, не стремление вернуться назад, в нирвану перед рождением. Это бунт против двадцати лет в родительском доме, против отца, манипуляций, соращения, растрачивания молодости, против восторга, энтузиазма, надежды. Так же, как я, были обмануты все мы, в своих мечтах, любви, духовных исканиях...»

Это сказано писателем Бернвардом Веспером, сыном нацистского поэта Вилли Веспера, родившимся в 1938-м и умершим в 1971 году. Бернвард Веспер был помолвлен с Гудрун Энслин, одной из самых известных западногерманских террористок. У них родился сын, которого мать потом бросит ради подполья.

Многие сыновья не захотели становиться отцами или не смогли. Они бросали бомбы в поколение отцов. Они были преступниками и жертвами одновременно.

Поколение рожденных после войны было травмировано Освенцимом, настояло на дебатах о фашизме и потребовало от отцов чего-то большего, чем частные разговоры в свое оправдание. Упоение дискуссиями охватило сыновей, желание противоречить привело к бунту против отцов. Обычные оправдания не принимались. Самая употребительная отговорка насчет того, что они ничего не знали, не вызывала доверия.

Одновременно это был протест и против подавления сексуальных свобод, против всего тяжеловесного и косного, против всего формального и архаичного. Брак признавался формой капиталистической собственности и отвергался: один человек не может принадлежать другому! Молодые отрекались от мира взрослых. Это проявилось и в одежде. Именно тогда девушки стали носить вместо юбок установленной длины брюки и джинсы.

Рассерженные молодые люди собирались в Западном Берлине. Правящий бургомистр Вилли Брандт заботился о том, чтобы студенты, творческая молодежь чувствовала себя в городе комфортно. В Западном Берлине молодые мужчины освобождались от призыва в бундесвер.

По этой причине сюда приехал Андреас Баадер, чей отец, солдат вермахта, попал в плен в 1945 году. Домой он не вернулся, видимо, умер в лагере для военнопленных. Его сын, артистичный, одаренный молодой человек, вырос законченным эгоистом с манией величия. Он не желал подчиняться никаким правилам. Ездил на мотоцикле и машине без водительских прав. В немецком обществе это немедленно привело его к конфликту с законом. В ответ он объявил войну государственной машине.

Андреас Баадер пользовался большим успехом у молодых девушек, которые настолько увлекались, что

следовали за ним во всем. В него влюбилась Гудрун Энслин, дочь пастора. Она окончила курсы преподавателей начальной школы, училась в педагогическом институте и писала диссертацию.

2 июня 1967 года в Западном Берлине проходила студенческая демонстрация против визита иранского шаха Реза Пехлеви. Европейские либералы обвиняли шаха в угнетении собственного народа. Демонстрантов жестоко разгоняли полицейские. Один из стражей порядка, Карл Хайнц Куррас, смертельно ранил студента Бенно Онезорга. Это вызвало массовое возмущение.

В тот день вечером именно Гудрун Энслин произнесла несколько фраз, ставших историческими:

— С поколением, которое устроило Освенцим, нельзя вести дискуссию. Эти свиньи нас всех прикончат. У них есть оружие, у нас нет. Мы тоже должны вооружиться.

В то время так думали многие молодые люди. Претворить эту мысль в действие означало заняться терроризмом.

«То, во что нас втянули, дерьмо, — писал Бернвард Веспер, жених Гудрун Энслин, — и нам надо сначала вернуться к тотальной безответственности, чтобы мы вообще могли спастись. Сейчас речь идет о том, чтобы добиться свободы своего Я».

Энслин и трое юношей — Андреас Баадер, Торвальд Проль и Хорст Зёнляён — совершили первый теракт, который сегодня кажется совершенно невинным. В знак протеста против убийства студента Бенно Онезорга и войны во Вьетнаме в ночь на 3 апреля 1968 года они подожгли во Франкфурте-на-Майне два универсама. Перед закрытием магазинов они оставили зажигательные бомбы.

Всех арестовали. Среди бумаг Торвальда Прольа нашли его записки:

«Мы будем поджигать универмаги, пока вы не прекратите покупать. Стремление потреблять терроризирует вас. Мы терроризируем товары».

На суде они не отрицали содеянного. Напротив, гордились собой, и в зале собирались их восторженные поклонники. Фриц Тойфель, один из основателей «секс-коммуны № 1», заявил:

— Лучше поджечь универмаг, чем владеть им.

Журналистка Ульрике Майнхоф, мать двоих детей, в прошлом убежденная коммунистка, развелась с мужем и вела борьбу со своим буржуазным бытом. Майнхоф поддержала молодых людей со страниц журнала «Конкрет»:

«Прогрессивный момент в поджоге универмага состоит не в уничтожении товаров, а в самом факте нарушения закона».

Первоначально молодые немецкие радикалы не собирались никого убивать. Криминальные акты должны были служить лишь провокацией, резким звонком будильника, выводящего из состояния летаргии погрязшее в потреблении общество. Для «расширения сознания» они употребляли не только спиртное, но и наркотики.

Молодые люди быстро перешли ту грань, за которой превратились в опасных уголовных преступников. Баадер первым небрежно бросил, что несколько смертей «пошло бы на пользу нашему делу».

Они ушли в подполье и создали небольшую организацию под названием «Фракция Красной армии», имея в виду, что в будущем единая Красная армия победит во всем мире.

Чаще их называли «группой Баадера—Майнхоф» — по имени недоучившегося студента Андреаса Баадера и журналистки Ульрике Майнхоф. Хотя в реальности более важную роль сыграла Гудрун Энслин, поразительная аморальность сделала ее мотором подполья.

Западногерманская полиция не знала, как справиться с террористами, собственными и иностранными, не имела опыта борьбы против ультралевого молодежного экстремизма.

Левые террористы были антиизраильски настроены, и палестинские боевые формирования стали их союзниками. Немецкие леваки решили, что если они достаточно радикальны и дистанцировались от поколения отцов, то они свободны от груза прошлого. Молодые немцы, которые так возмущались Освенцимом, сами оказались антисемитами, врагами Израиля и поклонниками Ясира Арафата.

Этому заблуждению посвящен известный рассказ немецкого писателя Петера Шнайдера «Папа».

«Задолго до того, как я узнал об этом, я чувствовал, что родился виновным», — говорит герой рассказа, сын эсэсовского убийцы. Он навещает отца, который скрывается в Латинской Америке. Когда он сталкивается с непоколебимым спокойствием и самоуверенностью старого нациста, его охватывает желание убить отца. Но почему именно он должен так страдать? «Вместо своего отца я ненавидел в этот момент жертвы, которые, охраняемые какой-то дюжиной охранников СС, позволяли уводить себя в камеры смертников, а меня, именно меня, назначили своим мстителем... И в эту секунду я внезапно осознал: мы — сыновья преступников. Мы — не дети жертв».

Поколение террористов многое роднило с поколением отцов, служивших Гитлеру, — отсутствие терпимости, неприятие демократии, романтизация насилия и смерти. Недаром одна британская писательница назвала немецких террористов «детьми Гитлера». Они были детьми ненависти, страха, истерии, унаследованных от третьего рейха.

Ненависть к еврейскому государству не была случайной для европейских террористов. Об этом свиде-

.....

тельствует та, казалось бы, неожиданная траектория развития, которая со временем привела некоторых бывших ультралевых боевиков (тех, кто выжил, разумеется!) к неонацистам.

Например, главным идеологом «Фракции Красной армии» был бывший адвокат Хорст Малер. Он защищал первых ультралевых террористов в Западной Германии.

— Этим подсудимым не место в тюрьме, — доказывал он судьям. — Если же тем не менее их отправят в тюрьму, придется сделать вывод, что в этом обществе тюрьма — единственное место пребывания порядочного человека.

Убедившись, что его красноречие не способно ничего изменить, Хорст Малер взялся за оружие и присоединился к своим подзащитным. Он убеждал своих товарищей, что убийство политического врага — не только необходимость, но и долг.

— Это наш моральный долг — убивать, — говорил бывший адвокат. — Мы находимся в состоянии войны с империалистической ФРГ. Именно так вы должны оценивать наши действия.

Впоследствии Хорст Малер стал идейным лидером национал-демократической партии Германии, которую называют неонацистской...

Палестинцы, которые располагали избытком оружия и денег, нуждались в политических союзниках. Палестинцы предложили «Фракции Красной армии» укрыться в их тренировочных лагерях и заодно пройти там курс боевой подготовки. Отныне «Красная армия» могла рассчитывать на постоянную помощь оружием и взрывчаткой.

Летом 1970 года двадцать молодых немцев через столицу ГДР улетели в Бейрут, откуда их доставили в Иорданию, в лагерь палестинских боевиков.

Единственная размолвка между «красноармейцами» и палестинцами возникла из-за женщин. В палестинских лагерях мужчины и женщины живут отдельно. Немцев это не устраивало. Немецкие террористки требовали полнейшего равноправия не только в боевой подготовке, но и в интимной жизни.

Из палестинского лагеря они вернулись другими людьми, готовыми стрелять и убивать. Они будут брать заложников и убивать прокуроров, судей и правых политиков. А также грабить банки, угонять автомобили, красть чистые бланки паспортов — для того, чтобы машина террора работала бесперебойно. И они всегда были готовы помочь палестинским боевикам. Некоторые немецкие леваки стали профессионально работать на палестинцев...

Израильтяне использовали западногерманских леваков втемную. Оперативная группа Моссад располагала людьми, которые выдавали себя за арабов. Немцы решили, что имеют дело со своими сторонниками. Они оказывали израильской оперативной группе различные полезные услуги — сообщали адреса палестинцев, обосновавшихся в Западной Европе.

Для начала палестинским боевикам стали звонить по телефону. На хорошем арабском им настоятельно рекомендовали впредь не участвовать в террористических акциях. Звонившие демонстрировали хорошее знание личной жизни боевиков, называли имена их жен, детей. Израильтяне хотели продемонстрировать способность достать любого из боевиков.

Потом в арабских газетах стали появляться некрологи боевиков, хотя они еще были живы. Это была психологическая подготовка. А уж когда появились статьи о том, что Моссад охотится за участниками теракта в Мюнхене, Организацию освобождения Палестины охватила настоящая паранойя.

РИМ, ОКТЯБРЬ 1972 ГОДА

Первым, всего через одиннадцать дней после мюнхенской трагедии, за убийство израильских спортсменов ответил Ваэль Абу Цвайтер. Он шестнадцать лет жил в Риме и работал в ливийском посольстве переводчиком. Поддерживал отношения со всеми итальянскими политическими партиями.

В свободное время переводил «Тысячу и одну ночь» с арабского на итальянский. Считается, что именно Цвайтер доставил террористам в Мюнхен оружие. Он участвовал в подготовке основных европейских операций «Черного сентября». В частности, в подготовке попытки взорвать самолет израильской авиакомпании «Эль-аль» в августе 1972 года с помощью бомбы, вмонтированной в кассетный магнитофон.

Цвайтер был легкой целью.

Члены израильской оперативной группы поодиночке добрались до Италии. В Рим им доставили пять полуавтоматических пистолетов «беретта» двадцать второго калибра. Это оружие сотрудники Моссад считали надежным и удобным для такого рода акций.

16 октября 1972 года два автомобиля сели на хвост Цвайтеру. В одном находились руководитель группы по имени Авнер (впоследствии именно он обо всем рассказал журналистам, хотя верить каждому его слову невозможно) и его помощник, в другом — еще один оперативник, а за рулем сидела женщина из вспомогательной группы.

Вечером Цвайтер навестил старую знакомую — Жанет фон Браун, австриячку, давно обосновавшуюся в Риме.

Когда он направился домой, его уже не выпускали из виду. Двое оперативников давно ожидали его в подъезде.

Цвайтер купил вино и какие-то продукты и остановился на несколько минут в таверне напротив своего дома, чтобы позвонить. Группа, которая вела слежку, знала, что квартирный телефон у Цвайтера отключен за неуплату.

Повесив трубку, Цвайтер примерно в половине одиннадцатого вечера пересек улицу и вошел в подъезд, нагруженный бутылками вина. Там было темно, и Авнер шелкнул выключателем: он хотел больше света, чтобы не обознаться.

Второй оперативник все равно на всякий случай спросил палестинца:

— Вы — Ваэль Абу Цвайтер?

Тот кивнул, после чего двое оперативников всадили в него по полной обойме — четырнадцать пуль. На звук выстрелов никто не появился.

Оперативники спокойно вышли из подъезда и сели в ожидавшую их машину — «Фиат-125», взятый напрокат мнимым туристом с фальшивым канадским паспортом. В кабине сидели двое. Они изображали любовников и делали вид, что целовались.

Теперь настала очередь пятого участника операции. Он должен был осмотреть место действия и убедиться, что не осталось никаких улик, способных навести полицию на след.

Четверо оперативников доехали до условленного места, где их ожидал микроавтобус с водителем. Он доставил группу на конспиративную квартиру. Стоимость операции составила 350 тысяч долларов.

ПАРИЖ, ДЕКАБРЬ 1972 ГОДА

Немцы из «Фракции Красной армии» познакомили сотрудников израильской оперативной группы с очень полезными людьми в Париже. Это были сыщики, ко-

.....

которые по частному найму занимались слежкой, предоставляли безопасные квартиры, надежные документы и оказывали другие, столь же деликатные услуги.

Руководил конторой бывший участник антигитлеровского сопротивления. После разгрома фашистов он решил, что военный опыт сможет его прокормить и в мирное время.

Не прошло и двух месяцев, как в декабре 1972 года израильтянам назвали адрес Махмуда Хамшари, руководившего боевыми операциями палестинцев с территории Франции.

Махмуд Хамшари с женой, француженкой Мари-Клод, и дочкой, которую назвали Аминой, обосновался в элегантной квартире в Париже. Он не скрывал своих отношений с Организацией освобождения Палестины. Но только посвященные знали, что он ведет оружием и взрывчаткой и подбирает объекты для терактов. После смерти Цвайтера палестинцы взяли под охрану не только самого Хамшари, но и его дом.

Израильтяне пришли к выводу, что Хамшари не сложно было застрелить прямо на улице. Но задача состояла в том, чтобы провести операцию устрашения.

Частные сыщики следили за ним круглосуточно целую неделю, чтобы установить его привычки и образ жизни.

Каждое утро его жена отводила девочку в школу. Это было сочтено самым подходящим временем для операции. Один из помощников Авнера, представившись итальянским журналистом, позвонил Махмуду Хамшари и попросил об интервью. Тот согласился. «Журналист» предупредил, что через несколько дней перезвонит, чтобы окончательно договориться о времени и месте встречи. Смысл этой игры состоял в том, чтобы Хамшари не только брал телефонную трубку, но и называл себя. Авнер придумал хитроумный способ избавиться от террориста.

Встреча состоялась в близлежащем кафе. Пока мнимый журналист и Хамшари пили кофе и обуждали ситуацию на Ближнем Востоке, сотрудники оперативной группы подобрали ключи к замку его квартиры.

7 декабря «журналист» вновь выманил Хамшари из дома. Квартиру палестинца тайно посетили два специалиста-подрывника, доставленные из Израиля. Они вмонтировали миниатюрное, но очень мощное взрывное устройство в столик под телефоном.

На следующий день, в пятницу 8 декабря, рано утром, трое сотрудников боевой группы подъехали к дому. Они дождались, когда его жена с дочкой покинут квартиру (чтобы не пострадали невинные люди).

В 8.45 Махмуду Хамшари позвонили. Он снял трубку.

— Это Махмуд Хамшари? — уточнил по-арабски руководитель группы.

— Да, это я, — с готовностью ответил тот, ожидая звонка итальянского журналиста.

Оператор с помощью дистанционного управления привел в действие детонатор... Взрывом Хамшари был смертельно ранен. Он скончался в больнице через несколько недель.

Слухи о том, что людей из «Черного сентября» убивают одного за другим, поползли по Ближнему Востоку. Но не все в это поверили.

НИКОСИЯ, ЯНВАРЬ 1973 ГОДА

Хусейн Абд аль-Шир (он же Хусейн Башир, он же Абд аль-Хир) был представителем арафатовской организации ФАТХ на Кипре, который в силу своего удачного географического положения (с острова было рукой подать до Ливана, Египта и Израиля) служил удобной базой для терактов в Европе.

Кипр, раздираемый противоречиями между турками-киприотами и греками-киприотами, еще был единым. До высадки на севере острова турецких войск в июле 1974 года оставалось полтора года.

Аль-Шир лично отбирал молодых палестинцев для боевых действий. Известно было, что одновременно он поддерживал тесные отношения с резидентурами КГБ и спецслужб других социалистических стран на Кипре. Советский Союз уже несколько лет оказывал массированную помощь палестинским боевым организациям. Аль-Шир переправлял в Советский Союз молодых боевиков, которых КГБ принимал для диверсионной подготовки.

Считается, что аль-Шир снабдил отправлявшихся в Мюнхен террористов документами и билетами.

В январе 1973 года он прилетел в Никосию из Дамаска. Он всегда останавливался в одной и той же гостинице «Олимпик» на улице президента Макариоса. Это постояние стоило ему жизни. В середине января на остров прибыли израильтяне и остановились в той же гостинице.

Когда аль-Шир уехал утром по делам, они побывали в его номере и вмонтировали в кровать небольшое количество взрывчатки. Ему достаточно было лечь в постель, чтобы прозвучал взрыв. Но руководитель боевой группы подумал о том, что аль-Шир может привести к себе гостей, кто-то присядет на кровать и погибнет. Чтобы избежать ненужных жертв, установили еще один взрыватель, требующий радиосигнала.

Вечером 24 января аль-Шир вернулся в гостиницу в сопровождении человека, который был осведомителем Моссад. Он сообщил руководителю операции, что аль-Шир в номере один.

Через некоторое время свет в номере погас, это означало, что аль-Шир лег спать. Наблюдавший за

окном оперативник подал сигнал оператору... Взрыв был настолько мощным, что выбил окна и дверь номера. Аль-Ширу оторвало голову.

АФИНЫ, ЯНВАРЬ 1973 ГОДА

Аль-Шира сменил на Кипре Зайяд Мухаси. Говорят, что его не включили в первоначальный список. Но раз было принято решение устранить его предшественника на этом посту, то и наследника сочли достаточно опасным. Тем более что Мухаси участвовал еще в попытке совершить теракт против израильтян в Никосии.

Но он неожиданно вылетел в Афины. Израильтяне отыскиали его в Греции. 31 января в его гостиничный номер заложили восемь миниатюрных зажигательных бомб, при взрыве в закрытом помещении они мгновенно сжигали весь кислород. Но взрыватель почему-то не сработал, тогда один из агентов Моссад взломал дверь и бросил еще одну бомбу...

Вслед за ним израильтяне взорвали в Риме «Мерседес», в котором сидели еще двое боевиков из «Черного сентября» — Абд аль-Хамид Шиби и Абд аль-Нади Накаа.

РИМ, ЯНВАРЬ 1973 ГОДА

В этой войне палестинцы не бездействовали.

Али Хасан Саламех организовал теракт там, где этого совершенно не ждали, — в Бангкоке.

28 декабря 1972 года четыре боевика из «Черного сентября», изображая дипломатов, сумели проникнуть в здание израильского посольства в Таиланде. Они захватили шестерых дипломатов (из них две женщины)

.....

в заложники. Боевики упустили самого посла Рехавама Амира, который был приглашен на прием к наследнику престола. Зато в руки боевиков попал израильский посол в Камбодже Симон Авимор, который, на свое несчастье, решил побывать в Таиланде.

Боевики действовали по уже опробованному сценарию. Заложников отвели на второй этаж. Террористы выбросили из окна записку с требованиями отпустить все того же Кодзо Окамото и еще тридцать пять известных террористов.

Израильские власти сразу же предупредили правительство Таиланда, что не поддадутся на шантаж. Мир приготовился к новой трагедии.

Террористов уговаривали оставить посольство и отправиться в аэропорт, где их ждал самолет. Активное участие в переговорах принял египетский посол в Таиланде Мустафа аль-Ассави. Боевики хотели выжить и смертельно боялись повторения мюнхенского сценария, но египетский посол гарантировал им безопасность. В аэропорту боевики освободили заложников, а посол полетел с ними в Каир, своим присутствием доказывая, что никто их не тронет.

Али Хасан Саламех был возмущен тем, что его люди фактически сдались и вернулись ни с чем. В Бейруте говорили, что он приказал ликвидировать всех четверых неудачников.

Саламех решил реваншироваться, убив Голду Меир. Такая возможность представилась ему в Риме.

Премьер-министр Израиля мечтала встретиться с папой римским в Ватикане.

21 июня 1963 года кардинал Монини, архиепископ Миланский, был избран папой и принял имя Павла VI. Папа римский был человеком загадочным, выскомерным и холодно-учтивым.

В начале 1964 года он в качестве паломника посетил святые места. Он стал первым папой, который покинул Италию, — после Пия VII, ездившего во Фран-

цию на коронавание Наполеона. Самолет папы был украшен желто-белыми полосами (цвета Ватикана) и ключами святого Петра.

4 января 1964 года папа римский прилетел в столицу Иордании. Он побывал на берегу Иордана, где был крещен Иисус, оттуда поехал в разделенный тогда Иерусалим, прошел по Страстному пути и отслужил мессу у Гроба Господня. Вечером он совершил молитву в Гефсиманском саду.

5 января папа перебрался в Израиль и встретился с президентом Залманом Шазаром (он родился в Белоруссии, где носил имя Шнеура Залмана Рубашова). В первом правительстве Израиля он был министром просвещения и культуры. В октябре 1950 года его хотели отправить послом в Советский Союз, но этому воспротивились чекисты. Министерство госбезопасности сообщило Министерству иностранных дел, что брат Шазара, советский гражданин, недавно был приговорен к десяти годам «за антисоветскую националистическую деятельность»...

Папа римский побывал и в Назарете, на берегу Тивериадского озера, на горе Фавор и горе Сион. Он вернулся в Ватикан вдохновленный. Павел VI изменил отношение католической церкви к евреям.

28 октября 1965 года на втором Ватиканском соборе была принята декларация, осуждающая все проявления антисемитизма и признающая, что ни древние, ни современные евреи не несут ответственности за распятие Христа. Второй Ватиканский собор убрал из церковных текстов упоминания о вине еврейского народа за «богоубийство». Это был огромный шаг вперед для католической церкви, чьи гонения на евреев по существу и положили начало антисемитизму.

Но Ватикан по-прежнему не признавал Израиль, и Голда Меир стремилась наладить отношения с главой римско-католической церкви. Наканец договоренность о встрече была достигнута. 15 января 1973 года

ее ждали в Риме. 16 января премьер-министра Израиля должен был принять папа Павел VI.

Палестинцы получили точную информацию о деталях визита Голды Меир в Ватикан. Упускать такой случай им не хотелось. Саламех находился в Восточном Берлине под опекой Министерства госбезопасности ГДР. Он вылетел в Рим, чтобы лично руководить операцией.

Он пришел к выводу, что надежнее всего сбить самолет Голды Меир над римским аэропортом. Палестинцы уже получили советские переносные зенитно-ракетные комплексы «Стрела-1». Эти ракеты, принятые на вооружение Советской армии в 1967 году, были предназначены для уничтожения воздушных целей на высоте до полутора километров. Ракеты запускались с плеча, на подготовку к запуску требовалось всего десять секунд.

Как только появились комплексы «Стрела», их запросили вьетнамцы, чтобы сбивать американские вертолеты. В Москве им поначалу отказали, потому что новое оружие держалось в секрете. Зато не отказали Египту, через Каир ракеты попали к палестинцам.

Главная трудность для Саламеха состояла в том, как доставить ракетные комплексы в Италию. Саламех нанял яхту, которую итальянские таможенники не стали досматривать. В конце декабря тяжелые деревянные ящики с ракетами с борта яхты перегрузили в большой автобус, который доставил их на снятую боевиками «Черного сентября» конспиративную квартиру.

Однако агент Моссад внутри ООП оповестил своего куратора, что ему предложено участвовать в операции против важной фигуры из Израиля. Первоначально в Моссад решили, что речь шла о нападении на израильское посольство в Бангкоке. Но в начале января они перехватили короткий разговор из квартиры

одной брюссельской проститутки, которая обслуживала высокопоставленных палестинцев.

Голос был похож на голос Саламеха. Он звонил в Рим и распорядился:

— Надо очистить квартиру и забрать все четырнадцать пирожных.

Израильтяне насторожились. Они обнаружили ту самую квартиру в Риме, куда звонил Саламех, и ворвались в нее. Там было пусто. Но при более тщательном осмотре обнаружился клочок бумаги на русском языке — это был фрагмент инструкции к ракете «Стрела».

Голду Меир ждали в Риме через три дня.

Израильтяне предупредили итальянскую полицию. Окрестности аэропорта прочесывали вновь и вновь. За несколько часов до прилета в Рим премьер-министра Израиля сотрудники Моссад обнаружили боевую группу «Черного сентября». После перестрелки израильские разведчики захватили одного из палестинцев, чтобы допросить его и узнать план операции.

Палестинец признался, что есть еще одна группа, вооруженная ракетами, которая поджидает Голду Меир.

До ее прилета оставалось меньше часа. Одни сотрудники разведки по радио умоляли Голду Меир отменить визит и ни в коем случае не садиться в римском аэропорту. Другие колесили вокруг аэропорта. Один из них обратил внимание на микроавтобус, припаркованный на обочине. Он несколько раз проехал мимо и увидел отверстия в крыше — видимо, для ракет. Он направил свою машину в микроавтобус и протаранил его, чтобы не дать палестинцам запустить ракету. Тут уже прибыла итальянская полиция...

16 января 1973 года папа Павел VI принял премьер-министра Израиля. Встреча прошла успешно.

Люди Саламеха провалились в Риме, но взяли свое в Мадриде, где под прикрытием работал сотрудник

.....

израильской разведки Барух Коэн, прекрасно говоривший по-арабски. Он совсем не походил на Джеймса Бонда. Он не пил, не увлекался женщинами, не ходил на танцы. Но он умел слушать, и люди раскрывались перед ним. Он был умелым вербовщиком.

Барух Коэн в юности хотел служить в полиции, но его не взяли из-за маленького роста. Зато ему нашлось место в Шин-Бет. Он служил и на Западном берегу, и в секторе Газа. В 1970 году он перешел в Моссад. Его отправили в Брюссель, где он работал под другим именем и под дипломатическим прикрытием. Его задача состояла в том, чтобы присматривать за палестинскими террористами в Европе.

Израильская контрразведка не сразу обратила внимание и на палестинских студентов, учившихся за границей. Леворадикальная молодежь превратилась в резерв боевых палестинских отрядов. Только после 1970 года израильтяне оценили масштаб угрозы. Израильтяне отметили, что палестинцы получают диверсионную подготовку не только в соседних арабских странах, но и в социалистических государствах.

Коэн путешествовал по всей Европе, устанавливая полезные контакты. Это была та же работа, что и в Шин-Бет, только опаснее. Он стал жертвой безумной ошибки военных цензоров. Фотография Коэна в военной форме была помещена в огромном фотоальбоме, который был издан по просьбе вооруженных сил по случаю тысячного дня после шестидневной войны. Когда появился альбом, палестинцы его тщательно изучили.

23 января 1973 года Барух Коэн беседовал в мадридском кафе с очередным студентом-палестинцем. Коэн не знал, что палестинец принадлежал к «Черному сентябрю». Во время беседы студент полез в карман... и вытащил пистолет. У Баруха Коэна была хорошая реакция. Он отпрянул, но палестинец всадил в него четыре пули.

Из-за того же злополучного альбома погиб и другой оперативник Моссад — Цалок Офир, который столь же свободно говорил по-арабски. Он работал в Брюсселе под крышей первого секретаря израильского посольства.

Через пять дней после трагедии в Мюнхене Мохаммад Рабах, араб с марокканским паспортом, осведомитель Моссад, позвонил Цадоку Офиру и попросил о срочной встрече. 12 сентября 1972 года они встретились в кафе «Принц», и израильтянин получил пулю в упор. Офир чудом выжил. Расследование показало, что стрелявший в него был двойным агентом и активистом «Черного сентября».

Бельгийцы арестовали и судили Мохаммада Рабаха. Из тюрьмы он написал в израильское посольство в Брюсселе, предлагая рассказать все, что ему известно, о палестинских боевиках...

Перехват телефонных разговоров, допросы арестованных палестинских боевиков указывали на Саламеха как организатора убийства Баруха Коэна и покушения на Цадока Офира. Израильтяне нашли и уничтожили исполнителей.

Али Хасан Саламех становился для оперативной группы Моссад целью номер один. Но добраться до него было крайне трудно.

ПАРИЖ, АПРЕЛЬ 1973 ГОДА

Через два месяца в Париже Моссад рассчитался с еще одним террористом. Базиль аль-Кубаиси, обладатель иракского паспорта, состоял в Народном фронте освобождения Палестины. Фронт обычно конкурировал с арафатовским ФАТХ. Но в рамках «Черного сентября» они убивали вместе.

Аль-Кубаиси занимался доставкой боевикам оружия и взрывчатки.

Считается, что аль-Кубаиси готовил покушение на Голду Меир, когда она прилетела в Соединенные Штаты. В машину рядом с терминалом израильской авиакомпании в аэропорту имени Джона Кеннеди заложили огромный запас взрывчатки. Но она была заранее обнаружена.

6 апреля вечером аль-Кубаиси славно поужинал в дорогом кафе и прогулочным шагом отправился в гостиницу. По дороге он получил пулю — тоже из «беретты».

БЕЙРУТ, АПРЕЛЬ 1973 ГОДА

Все это были исполнители. Те же, кто руководил террористами, обосновались в Бейруте. Окруженные множеством телохранителей, они ощущали себя в безопасности. Они были уверены, что в Ливане израильтяне до них никогда не доберутся.

Выброшенные из Иордании, руководители ООП быстро освоились в Ливане, где, пользуясь слабостью государства, стали создавать собственные государственные структуры.

Ливан — это очень пестрая страна: шииты, сунниты, христиане-марониты, православные, друзы-мусульмане. Все это в прошлом угнетаемые секты, которые привыкли сражаться за свою веру. Когда французы управляли Ливаном и Сирией, они привыкли опираться на христиан-маронитов. Французы присоединили к Ливану долину Бекаа, юг страны и часть побережья, которые принадлежали Сирии.

Власть в Ливане была распределена так: президент — христианин, премьер-министр — мусульманин-суннит, спикер парламента — мусульманин-шиит.

Палестинские евреи рассчитывали на доброжелательные отношения с ливанскими христианами. Христиане-марониты — потомки членов католической секты, изгнанных из Сирии в пятом веке и нашедших убежище в Ливане. Марониты никогда не враждовали с евреями, напротив, рассматривали евреев как такое же гонимое меньшинство, как и они сами.

В 1954 году премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион, министр обороны Пинхас Лавон и начальник генерального штаба Моше Даян предложили оказать помощь ливанским христианам, чтобы они могли создать свое государство на юге Ливана. Это государство стало бы буфером между Израилем и мусульманами Ливана и Сирии.

Бен-Гурион говорил, что если бы Ливан был христианским государством, он стал бы союзником Израиля.

Эта идея долго обсуждалась в Кабинете министров. Но Бен-Гурион оставил свой пост, а сменивший его на посту премьер-министра либеральный Моше Шарет принципиально был против такого рода подрывных акций, и правительство к нему прислушалось.

Ливан в 50-е годы превратился в важнейший финансово-экономический центр на Ближнем Востоке. В Ливане тратили миллионы богатые кувейтцы и саудиты. Они покупали здесь виллы и наслаждались жизнью.

9 мая 1958 года в Ливане вспыхнуло восстание против президента Камиля Шамуна. Президент попросил правительства Соединенных Штатов, Великобритании и Франции о военной помощи. 15 июля морская пехота 6-го американского флота высадилась в Бейруте.

Москва выразила возмущение вмешательством западных держав в дела арабских стран. Хрушев несколько раз обсуждал ситуацию на Президиуме ЦК.

17 июля была организована демонстрация у американского посольства в Москве, причем разгоряченные демонстранты выбили несколько окон в здании посольства. На следующий день устроили большой митинг на площади Восстания и демонстрацию перед зданием посольства Великобритании на Софийской набережной. Такие же митинги провели по всей стране.

Отдел партийных органов ЦК по РСФСР докладывал Хрущеву, что выступавшие просили отправить их добровольцами в Ливан сражаться против империалистов. Хотя и слушатели, и ораторы в реальности едва ли представляли себе, где находится это небольшое государство и что там, собственно, происходит...

В «Красной звезде» появилось сообщение о том, что 18 июля «в соответствии с планом боевой подготовки Вооруженных сил СССР» начинаются войсковые учения сухопутных и воздушных сил в Закавказском и Туркменском военных округах с участием Черноморского флота. Одновременно начались полномасштабные учения болгарской армии, в которых участвовали советские Военно-воздушные силы. Учения завершились 7 августа.

Ливан сохранился как экономически процветающее, но политически слабое государство.

Шаткое равновесие в стране было нарушено после того, как из Иордании в Ливан хлынули сотни тысяч палестинцев. Боевые отряды палестинцев обосновались в южной части Ливана, изгнав оттуда правительственные войска. С территории Ливана они пытались организовать теракты на территории Израиля.

— Граница Ливана проходит в непосредственной близости от важных индустриальных центров Израиля, — объясняли свою позицию руководители ООП. — Каждая взорвавшаяся в этом районе бомба или снаряд нанесет врагу ущерб в миллионы долларов. Многолет-

няя пассивность ливанцев в арабо-израильском конфликте убедила израильтян в целесообразности выбора района Галилеи как наиболее надежного и спокойного для размещения важнейших промышленных центров. Именно поэтому нам нужно остаться в Южном Ливане, где мы располагаем наилучшими стратегическими позициями.

Ливанцы-мусульмане поддержали палестинцев. Христиане выступили против, считая, что присутствие палестинских боевых отрядов нарушает политический баланс в стране. Христианская милиция вступила в войну с палестинцами.

Война разорвала некогда процветавший Ливан на клочки, каждый из которых превратился в самостоятельное царство под управлением какого-нибудь сильного человека, достаточно богатого для того, чтобы обзавестись собственной армией. В Бейруте с комфортом обосновались террористы разного толка, уверенные в том, что здесь их никто не тронет.

Но в Иерусалиме решили, что никто из тех, кто был причастен к убийству спортсменов, не уйдет от ответа. В Бейруте находились три руководителя «Черного сентября», непосредственно занимавшиеся терактом в Мюнхене, — Мохаммад Юсуф аль-Наджар (он же Абу Юсеф), Кемаль Адван и Камаль Насер.

На сей раз акцию возмездия подготовила не Моссад, а военная разведка, потому что требовалась настоящая боевая операция. Исполнение было поручено спецназу. Задание командир спецназа подполковник Эхуд Барак получил в феврале 1973 года. Он собрал своих подчиненных и показал им фотографии троих палестинских командиров, которых предстояло уничтожить.

Все трое были в Бейруте соседями — они обосновались на Rue Verdun, рядом с крупнейшим торговым центром. Адван и Насер жили в одном доме, на вто-

ром и третьем этажах. Абу Юсуф занял квартиру на шестом этаже дома напротив. Охраняли их не только палестинские боевики, но и ливанские полицейские.

Военная разведка раздобыла поэтажные планы обоих зданий, и спецназовцы приступили к тренировкам. Использование вертолетов в Бейруте исключалось — палестинцы успели бы подготовиться к атаке. Решено было скрытно проникнуть в город и максимально использовать преимущество внезапности.

Нескольким спецназовцам предстояло действовать в женской одежде, других снабдили куртками на несколько размеров больше, чем нужно, чтобы скрыть под одеждой оружие. Каждую ночь на учебной базе они тренировались — отработывали проникновение в хорошо охраняемое здание, тактику прицельной стрельбы из движущихся машин. На каждую цель выделялась группа из четырех человек.

Израильские руководители понимали, что операция в столице другого государства неминуемо подвергнется осуждению в ООН. Возможно, последуют экономические санкции. Но кровавые операции «Черного сентября» настраивали мировое общественное мнение против палестинцев.

В семь часов вечера 3 марта 1973 года машина с четырьмя боевиками из «Черного сентября» прорвалась через ворота посольства Саудовской Аравии в Хартуме, столице Судана. Безостановочно стреляя, боевики захватили посольство, где шел прием, устроенный в честь заместителя главы американского представительства Джорджа Кертиса Мура. Он завершал свою миссию в Хартуме и прощался с коллегами.

Это был двойной удар. Во-первых, палестинцы, взяв в заложники американского дипломата, наказывали Соединенные Штаты за поддержку Израиля. Во-вторых, они хотели помешать Саудовской Аравии отменить налог на всех палестинцев, работавших в ко-

ролевстве, который шел в кассу Организации освобождения Палестины.

Захват посольства был еще и попыткой реабилитироваться после неудачной операции в Бангкоке. Палестинцы хотели доказать, что по-прежнему способны наносить удар в любой точке земного шара и добиться поставленных целей.

Командовал восемью боевиками Селим Ризак, заместитель руководителя представительства ООП, которое открылось в Хартуме в 1969 году.

Правда, получилось не так, как замышляли руководители «Черного сентября». Прием заканчивался. Большинство гостей, находившихся в посольском саду, уже разошлись. В руках палестинцев оказались пятеро дипломатов: только что прибывший в Судан американский посол Клео Аллен Ноэль-младший, уже оставивший свой пост Джордж Мур, а также поверенные в делах Бельгии, Иордании и самой Саудовской Аравии — шейх Абдулла аль-Мальхоук и его жена.

Палестинские боевики опять представили список заключенных, которых они требовали освободить. Среди них значились палестинец Сирхан Сирхан, который застрелил американского сенатора Роберта Кеннеди, и западные немцы из группы Баадера—Майнхоф. В противном случае террористы угрожали убить всех заложников.

Американский президент Ричард Никсон отказался заключать сделку с террористами. Египетский президент Анвар Садат на сей раз пытался вмешаться, потому что хотел сделать приятное американцам. Он предложил прислать в Хартум самолет, на котором и боевики, и заложники перелетели бы в Каир для дальнейших переговоров.

Палестинцы отвергли предложение Садата.

2 марта, около восьми вечера, американскому послу Ноэлю разрешили позвонить в американское по-

.....

сольство. Под дулами автоматов он поинтересовался у дежурного дипломата, когда же прибудет высокопоставленный чиновник, который должен вести переговоры с террористами. Ему ответили неопределенно, что чиновник прибудет попозже.

— Возможно, он прибудет слишком поздно, — стоически заметил посол.

Когда истек срок ультиматума, около девяти вечера раздались звуки выстрелов. Боевики поставили обоих американцев и бельгийца к стене и хладнокровно расстреляли троих дипломатов из автоматов. Селим Ризак позвонил в Министерство иностранных дел Судана и сообщил, что заложники казнены. После этого боевики сдались суданцам.

Полиция обыскала штаб-квартиру ООП в Судане, и выяснилось, что представитель Арафата в стране Фаваз Ясин тоже участвовал в этой операции, а деньги дал лидер ливийской революции полковник Муамар Каддафи.

Захватившие заложников террористы вели переговоры с Бейрутом. Существуют записи этих разговоров, но они до сих пор не преданы гласности. Боевики не могли расстрелять дипломатов и сдаться, не получив на то твердых указаний. Специалисты считают, что указания давал сам Ясир Арафат.

Глава Судана Джафар Нимейри, который выручил Арафата из беды в Иордании, был вне себя. Он назвал действия ФАТХ преступными. Арафату пришлось улаживать отношения с Суданом.

Недовольны были и в Саудовской Аравии, которая давала столько денег палестинцам. Акция в Судане стала последней операцией «Черного сентября». Арафат убедился в том, что его собственные боевики начинают приносить ему одни неприятности. Он поспешил заявить иностранным журналистам:

— Мы должны сражаться за освобождение нашей родины, но только на оккупированных территориях.

Акция в Хартуме на два десятилетия отложила признание Вашингтоном Организации освобождения Палестины. Американцы были так возмущены убийством дипломатов в Судане, что закрыли глаза на израильскую спецоперацию в столице Ливана.

6 апреля 1973 года передовая группа израильтян появилась в Бейруте. Они прилетели из Лондона, Рима и Парижа под видом туристов с фальшивыми паспортами, сняли номера в двух разных гостиницах и взяли напрокат шесть машин («Рено», три белых «Бьюика», седан «Плимут» и автобус).

Операция предстояла ночная, нужно было приучить служащих отеля к тому, что эти постояльцы почему-то ночью путешествуют по Бейруту. Один из них, выдававший себя за англичанина, постоянно рассказывал, что его хобби — это ночной лов. Он каждую ночь покидал отель и возвращался утром довольный и со свежей рыбой.

Передовая группа обкатывала маршруты движения к цели и отхода.

9 апреля операция началась. Проводить спецназовцев в Хайфу приехали начальник генерального штаба израильской армии генерал-лейтенант Давид Элазар и начальник военной разведки генерал-майор Элияху Заир.

Давид Элазар, родившийся в Боснии, приехал в Палестину в 1940 году, вступил в Пальмах и в первую арабо-израильскую войну командовал батальоном. После войны поступил в Еврейский университет в Иерусалиме, изучал экономику и историю. В 1957 году получил под командование первую танковую бригаду, созданную в армии обороны Израиля. В 1964 году он стал командовать северным военным округом, граничащим с Сирией, и столкнулся с первыми вылазками боевиков Арафата.

Во время шестидневной войны генерал Элазар руководил боевыми действиями против Сирии. Разгромив египетскую армию, израильцы взяли за сирийцев, которые после первых же ударов утратили всю свою воинственность. Танки генерала Элазара были недалеко от Дамаска. Сирийцы утратили волю к сопротивлению. Только вмешательство советских руководителей спасло правящий режим Сирии.

После войны Элазар стал начальником оперативного управления генштаба, затем получил высший пост в армии...

Подчиненный ему Элияху Заир был одним из самых молодых генералов, ему присвоили генеральское звание, когда ему было всего сорок лет. Он родился в Хайфе. В семнадцать лет вступил в подпольные боевые формирования Пальмах — ударные роты. В Еврейском университете изучал экономику и статистику. Был начальником личной канцелярии Моше Даяна. Во время синайской войны 1956 года он служил в оперативном управлении генштаба. Дважды учился в США — в командном и командно-штабном колледже. Командовал воздушно-десантной бригадой. В разведке Заир служил с 1963 года — с перерывом на командировку в Соединенные Штаты, где он был военным атташе.

— Мы должны уничтожить этих мерзавцев, — коротко напутствовал генерал Элазар спецназовцев.

Скоростные катера отошли от причала военно-морских сил. Им понадобилось семь часов, чтобы дойти до Бейрута. На берег шестнадцать спецназовцев высадились с резиновых лодок; их встретила передовая группа, изображавшая поклонников ночной рыбалки.

Уже наступило 10 апреля. На берегу их ждали три машины. В первую сели Эхуд Барак и его помощник Йонатан Нетаньяху, которому предстояло летом 1976 го-

да стать героем спасательной операции в аэропорту Энтеббе, где он погибнет.

Все спецназовцы были в гражданской одежде; их отвезли в центр города. Технологически это была сложнейшая операция, требовавшая точной координации большого числа людей и технических средств.

Эхуду Бараку пришлось переодеться женщиной и натянуть парик, чтобы обмануть бдительность палестинских охранников и ливанских полицейских. Он даже воспользовался косметикой, а под лифчиком у него были гранаты. Он, правда, вынужден был отказаться от юбки, но в то время уже многие женщины носили брюки. На улице Барак для маскировки обнял одного из подчиненных за талию, и они благополучно миновали полицейский патруль. Достигнув условленной точки, они разделились на три группы.

Самой трудной целью был Абу Юсеф, которого тщательно охраняли. С него и начали. Первая группа, перескакивая через несколько ступенек, буквально взлетела на шестой этаж. На ходу израильтяне достали оружие и гранаты. Командир группы держал в одной руке автомат «узи», в другой «беретту».

Они заложили взрывчатку под дверь, и командир трижды нажал тумблером радиопередатчика, чтобы Барак знал — первая группа готова. Через мгновение две остальные группы тоже сигнализировали о готовности.

Барак отдал приказ действовать, пять раз нажав на тумблер. Руководители боевых групп считали сигналы, разгибая пальцы.

Получив приказ, первая группа разнесла дверь в квартиру Абу Юсефа. Они точно знали планировку квартиры и хорошо представляли себе, где может быть хозяин. Он появился на пороге своей спальни и тут же юркнул назад. Из разных дверей возникли трое телохранителей. Но у палестинцев не было ни одного шанса...

Через дорогу две остальные группы действовали так же стремительно. Камаль Насер спрятался под столом. Он успел выстрелить в одного из спецназовцев и ранить его в ногу, прежде чем был убит. Камель Адван тоже в последний момент схватился за «калашников», но выстрелить не успел.

Израильтяне искали и Абу Айяда. Он был целью номер один. Но ему повезло. В момент операции он совсем в другом месте разговаривал с тремя террористами, которые выжили после Мюнхена.

Звуки взрывов и выстрелов привлекли ливанскую полицию. Примчались три полицейских «Ленд-Ровера», но они были встречены таким шквалом огня, что предпочли не принимать боя.

Один из израильтян позвонил в городское полицейское управление, на безупречном арабском языке представился служащим муниципалитета и предупредил, что невоздержанные палестинцы опять устроили перестрелку:

— Они выясняют отношения между собой, так что будьте осторожны, а то попадете под перекрестный огонь.

Дополнительные силы ливанской полиции приехали не скоро, когда израильтяне уже были в безопасности.

Еще одним помощником Эхуда Барака в этой операции был Амнон Липкин-Шахак, тоже десантник по военной специальности. Со временем он, как и Барак, станет генералом, возглавит военную разведку, потом генеральный штаб.

Группа Липкина-Шахака взорвала шестиэтажное здание, битком набитое боевиками Демократического фронта освобождения Палестины. Это еще одна террористическая организация, которой руководил Найеф Хаватма...

После этого всех спецназовцев отправили назад к берегу.

Отход боевых групп прикрывали израильские вертолеты. Но задача состояла в том, чтобы в принципе избежать столкновений с ливанской армией.

Сотрудники Моссад позвонили еще и руководителям полиции и, выдавая себя за руководителей ливанской армии, объяснили, что ведут преследование неизвестных преступников. То же самое они сказали и пограничной страже... В результате ливанские власти были дезориентированы, и никто не помешал израильтянам беспрепятственно покинуть страну.

На максимальной скорости они промчались мимо ливанских бронетранспортеров, военные не обратили никакого внимания на вереницу машин, устремившихся к морю. Через несколько минут весь отряд был уже на борту ракетного катера израильского военно-морского флота.

Об операции, проведенной в Бейруте, писали и говорили решительно все. Израильтяне считали, что справедливость восторжествовала — преступники наказаны.

— Мы уничтожили убийц, которые собирались убивать вновь и вновь, — сказала Голда Меир в кнессете.

Палестинские вожди были напуганы. Они не думали, что с ними рассчитаются их же методами. Руководителей боевых отрядов окружили большим количеством телохранителей и обязали минимум раз в месяц менять квартиру. Жен отправили в Египет.

Больше всех боялся за свою жизнь Ясир Арафат. С того дня он больше никогда не ночевал два раза в одном месте. Потеря Наджара и Адвана была тяжелым ударом для Арафата. Заменить их было некем. Кроме того, в квартире Адвана израильтяне захватили секретный архив, который помог Шин-Бет вскрыть подпольную сеть ООП на оккупированных территориях.

ПАРИЖ, ИЮНЬ 1973 ГОДА

«Черный сентябрь» пытался наносить ответные удары. В конце апреля 1973 года палестинец Захария Абу Салех был отправлен в Рим с заданием отплатить израильтянам.

Он выследил итальянца Витторио Оливареса, который работал в израильской авиакомпании, и выстрелил ему в живот из пистолета с глушителем прямо в универмаге, забитом покупателями. Палестинцы считали, что Витторио работал на Моссад...

Тем временем в Париже обнаружили одного из самых известных террористов тех лет Мохаммада Будиа, ветерана освободительной войны в Алжире.

Война была необыкновенно жестокой — с обеих сторон. Пленных старались не брать. Во время одной из демонстраций алжирцев в Париже полиция убила больше двухсот человек, но об этом молчали. Тела тайно сбросили в реку. Эту акцию проводил тогдашний начальник полиции Парижа Морис Папон. Через несколько лет станут известны архивные материалы о его сотрудничестве с гестапо в годы нацистской оккупации.

Ударные части французской армии уничтожали восставших алжирцев с помощью массированного применения артиллерии и бомбардировочной авиации. Французы так долго не хотели отпускать Алжир на свободу, что лидерами алжирского общества стали люди, привычные к насилию.

Фронт национального спасения был столь же жесток во время войны за независимость. Причем алжирцы не смогли остановиться. Уже после того, как французы ушли, бойцы фронта уничтожили десятки тысяч алжирцев, которые сражались на стороне Франции. Им перерезали горло, их расчленяли на части — так, как это сейчас делают воинственные исламисты. По-

колени алжирцев воспитывалось в уверенности, что пытки и убийства безоружных — неотъемлемая часть жизни...

Когда война в Алжире закончилась, Мохаммад Будиа перешел к палестинцам, потому что уже не смог вернуться к нормальной жизни.

Будиа снабжал оружием и взрывчаткой чуть ли не всех европейских террористов — итальянские «Красные бригады», западногерманские «Фракцию Красной армии» и «Движение 2-го июня», турецкую «Народную освободительную армию».

Его разыскивала итальянская полиция по обвинению в организации взрыва на нефтеперегонном заводе в Триесте 5 августа 1972 года. Террористы заложили двадцать килограммов взрывчатки, сгорело двести пятьдесят тысяч тонн сырой нефти.

Будиа отправил в Израиль троих молодых девушек с заданием взорвать несколько отелей в самых посещаемых туристами районах Израиля. Он снабдил девушек одеждой, пропитанной различными химическими веществами. Соединенные вместе, они становились такими же опасными, как напалм. Но израильская контрразведка обратила внимание на странно ведущих себя девушек. Они были арестованы и на допросах описали человека, который их послал. Это был Будиа.

Мохаммад Будиа был крайне осторожен, постоянно менял внешность и имена. Нигде подолгу не жил, мастерски уходил от наблюдения. В Париже он обзавелся целым гаремом, так что снимать квартиры необходимости не было. Он ночевал у своих подруг, соединяя приятное с полезным. За его сексуальные подвиги израильтяне окрестили его «синей бородой».

Но это его не спасло.

Поздно вечером 27 июня 1973 года израильтяне засекли голубой «Рено» Будиа возле дома одной из его пассий. Известно было, что он боится быть взо-

рванным и всегда проверяет машину прежде, чем в нее сесть. Так что агенты Моссад вскрыли «Рено» и подложили взрывное устройство под водительское сиденье.

Утром 28 июня Будиа покинул свою подругу и спустился вниз. Он вышел на улицу и тщательно осмотрел свой голубой «Рено», заглянул в багажник и под капот, проверил выхлопную трубу и днище. Ничего подозрительного он не обнаружил, поэтому сел за руль и... взлетел на воздух.

ЛИЛЛЕХАММЕР, ИЮЛЬ 1975 ГОДА

Трое боевиков, выживших в Мюнхене, скрывались много лет. Но вечно прятаться невозможно.

Первым нашли Аднана аль-Гаши, того самого, который расстрелял из автомата беспомощных израильских спортсменов на военном аэродроме Фюрстенфельдбрюк. Через несколько лет после теракта Аднан отправился в одну из стран Персидского залива на заработки. Он рассчитывал на помощь двоюродного брата, давно там обосновавшегося.

В Моссад знали об этих родственных отношениях и много лет ждали, пока Аднан объявится. Как только он вышел из убежища, с ним сквитались за 1972 год.

Мохаммад Сафади попал в ловушку, когда связался со своими родственниками в Ливане.

Один Джамаль аль-Гаши продолжал скрываться. Самый молодой из террористов, он оказался самым осторожным и прожил дольше всех остальных.

Только с Али Хасаном Саламехом у Моссад вышла промашка. Саламех стал одним из самых близких к Арафату людей. Тот настолько доверял Саламеху, что поручил ему командовать своей личной охраной — «отрядом-17». О нем говорили как о возможном на-

следнике Арафата. Не зря Саламеха именовали «красным принцем».

Саламех не был похож на обычных палестинских боевиков, выросших в лагерях для беженцев. Он был сыном процветающего бизнесмена Хасана Саламеха, который посвятил жизнь борьбе против палестинских евреев. Али с юности знал, что пойдет по отцовским стопам. Он учился в Египте, затем в Западной Германии, получил диплома инженера.

Пример Саламеха доказывал, что террор — дело рук не обездоленных и обиженных, а весьма процветающих людей. В 1963 году в Каире он по настоянию матери женился, но образа жизни не изменил. Плейбой Саламех на полную катушку наслаждался жизнью. Он любил красивых женщин, дорогие спортивные машины и костюмы от модных дизайнеров. У него была вилла в Женеве и несколько домов на юге Франции.

Между делом он руководил террористами, причем приказывал убивать не израильских солдат, а безоружных граждан, считая, что главное уничтожить как можно больше израильтян.

Али Хасан Саламех потребовал от своих подчиненных ответить за смерть Мохаммада Будиа, который играл столь важную роль в европейских операциях палестинцев. В Вашингтоне палестинец прямо на улице подошел к помощнику израильского военного атташе и пять раз выстрелил в него.

Теракт в столице Соединенных Штатов не помешал Саламеху вступить в контакт с сотрудниками бейрутской резидентуры ЦРУ, которые в конце 60-х заинтересовались палестинцами и хотели наладить отношения с кем-то из влиятельных людей внутри организации Ясира Арафата ФАТХ.

Бейрутский резидент ЦРУ Роберт Эймс считал Саламеха умеренным интеллектуалом, рассчитывал с его помощью не только знать все, что происходит внутри

палестинской верхушки, но и влиять на нее. Роберт Эймс свободно говорил по-арабски, любил Ближний Восток и умел располагать к себе людей. Он погибнет в Бейруте от руки проиранских террористов...

Правда, жестокость, проявленная боевиками в Мюнхене, испугала американцев. Они и не подозревали, что Саламех, умеющий производить столь приятное впечатление, так легко отдает приказы убивать.

В Моссад давно хотели его убрать, но он оказался трудной мишенью. Его очень хорошо охраняли. Израильтяне гонялись за ним по всей Европе. Но он постоянно исчезал за железным занавесом — прятался в социалистических странах, где его оберегал аппарат госбезопасности. Он попадал в Западную Европу через ГДР, где Моссад не мог за ним наблюдать.

Израильская разведка получала массу противоречивых сообщений о его местопребывании и не знала, кому верить.

Надежной показалась информация о том, что 12 января 1973 года Абу Дауд и Али Хасан Саламех встретятся в швейцарском городке Гларус. Оперативная группа прибыла туда и обнаружила в условленном месте троих вооруженных арабов. В перестрелке всех троих застрелили. Но главные герои отсутствовали. Так и осталось неясным, то ли это был ложный вызов, то ли Саламех каким-то чудом успел исчезнуть раньше, чем приехали израильтяне.

Первая группа, которой поручили операцию возмездия, уже устала и нуждалась в отдыхе. Майк Харари набрал новую. Сам он выдавал себя за француза, у него был паспорт на имя Эдуарда Станисласа Ласкьера.

Его помощник Абрахам Геймер, который был первым секретарем израильского посольства в Париже, пользовался британским паспортом и выдавал себя за школьного учителя по имени Лесли Орбаум. Среди помощников Харари была Сильвия Рафаэль, которая

родилась в Южной Африке (она использовала канадский паспорт и выдавала себя за фотокорреспондента), а также Марианна Гладникофф, блондинка, имевшая двойное гражданство — израильское и шведское. Она жила в Скандинавии до переезда в Израиль и помогала остальным членам боевой группы адаптироваться к необычным для них условиям европейского Севера.

Майк Харари взял с собой Цви Швейнберга, выходца из Бразилии, и Майкла Дорфа как специалиста по связи. Еще один боевик, высокий блондин, свой среди скандинавов, пользовался фальшивым британским паспортом. Летом 1973 года в помощь группе взяли Дана Аэрбея, выходца из Дании.

Имена этих людей стали известны, потому что осуществленная ими операция закончилась смертью невинного человека и колоссальным провалом.

Передовая группа прибыла в Стокгольм 11 июля 1973 года. Израильцы сняли большую квартиру и запаслись постельными принадлежностями.

14 июля Майк Харари получил информацию о том, что Саламех находится в Норвегии и ждет курьера. Информация не подверглась сомнению, ее даже не стали перепроверять. Все оперативные возможности были использованы для того, чтобы найти курьера, который должен был вывести израильтян на Саламеха.

Боевая группа получила указание немедленно лететь в Скандинавию. Перед вылетом всем четырнадцати агентам еще раз напомнили о том, как важно найти и обезвредить Саламеха, одного из самых опасных террористов. Промашки не должно быть.

Курьер по имени Кемаль был найден.

Он сначала находился в Осло, а потом отправился в небольшой курортный городок Лиллехаммер с населением всего в двадцать тысяч человек. Это был странный маршрут для курьера, который, по словам

информаторов, вез что-то важное для руководителя террористической организации. Единственное возможное объяснение — именно там находится Саламех.

Несколько сотрудников оперативной группы Моссад взяли напрокат машины и отправились в Лиллехаммер. Эта акция была поручена новичкам, потому что основная команда была отправлена на отдых. Это была роковая ошибка. Более опытные оперативники не стали бы так спешить.

Сотрудники боевой группы обнаружили, что курьер остановился в небольшом отеле рядом с железнодорожной станцией. Вечером Кемаль сидел в гостиной на первом этаже и смотрел телевизор, выделенный для постояльцев. Двое израильских агентов, изображавших туристов, умудрились занять места рядом с ним.

На следующий день уже вся оперативная группа направилась в Лиллехаммер. А в самом городе израильтяне умудрились потерять курьера. Мобилизовав все силы, его обнаружили в центре города в кафе «Королина», где Кемаль беседовал с каким-то арабом.

Израильтяне не верили своим глазам — значит, встреча с Саламехом и в самом деле состоялась!

Марианна Гладникофф вошла в кафе и устроилась за свободным столиком. Ее снабдили фотографией «красного принца». Но это был очень плохой снимок. Лицо Саламеха было не в фокусе. Она не могла твердо сказать, действительно ли в кафе сидел Али Хасан Саламех. Но руководитель группы в этом не сомневался. Его не смутило даже то, что араб, выйдя из кафе, сел на велосипед, а не в дорогую спортивную машину, что было бы естественно для плейбоя и гедониста Саламеха.

Израильтяне так долго за ним гонялись, что невольно уверились в его необыкновенных способностях

уходить от преследования. Велосипед, решили они, всего лишь попытка сбить преследователей с толку.

Курьер сел на двухчасовой поезд и вернулся в Осло. Вся оперативная группа переключилась на араба, который уехал на велосипеде. Он отправился в бассейн. Марианна взяла напрокат купальник голубого цвета и последовала его примеру. Она заняла соседнюю дорожку и услышала, как этот самый араб беседовал с кем-то по-французски.

Израильтяне знали, что Саламех говорит по-французски. Все сошлось — это он! Когда он покинул бассейн, за ним пустили хвост. Выяснили, где он обосновался, и приступили к постоянной слежке.

Израильтяне продолжали следовать и за курьером. Он добрался до Осло, переночевал в гостинице и улетел в Женеву. Это неопровержимо означало, что его миссия в Норвегии завершена. Встречался он только с тем самым арабом на велосипеде.

Несколько членов боевой группы все же выразили некоторые сомнения. Но переубедить Майка Харари они не смогли. Он уверился в том, что человек на велосипеде и есть их цель.

21 июля в два часа дня ударная группа из троих человек прибыла в Лиллехаммер на темно-зеленом «Мерседесе». Они остановились в гостинице и стали ждать указаний.

Считается, что в город прибыл сам директор Моссад Цви Замир, на глазах которого в Мюнхене были убиты израильские спортсмены. Он должен был отдать приказ о ликвидации Али Хасана Саламеха.

Тем временем разыгралась еще одна драма с участием палестинских террористов.

Накануне, 20 июля, группа палестинцев при участии японца Маруока Осамы захватила самолет компании «Джапан эйрлайнс», летевший из Парижа в Токио через Амстердам и Аляску.

.....

Маруока был уже на прицеле у японской полиции. В апреле 1972 года он уехал на Ближний Восток и поступил в распоряжение руководителя японской «Красной армии» Фусако Сигэнобу. Она одолжила его палестинцам. После резни в аэропорту Тель-Авива палестинцы охотно привлекали японскую «Объединенную Красную армию» к различным акциям по всему миру.

Все началось после того, как самолет «Джапан эйрлайнс» покинул амстердамский аэропорт и взял курс на Аляску. В первом классе сидела пара, изображавшая молодоженов. Новобрачная путешествовала по перуанскому паспорту. Стюард принес ей шампанское. Она не могла разложить столик, чтобы поставить бокал. Стюард пришел ей на помощь. Когда новобрачная неудачно нагнулась, из кармана ее куртки выпала ручная граната и взорвалась.

Террористка погибла, стюард был ранен. Неудачный взрыв заставил остальных четверых террористов начать действовать раньше, чем они собирались.

Заложниками оказались двадцать два члена экипажа и сто двадцать три пассажира — почти все были японцами.

Главная проблема террористов состояла в том, что погибшая террористка была руководителем группы. Они захватили самолет, накрыли ее тело пледом, но не знали, что делать.

Организаторы теракта, боясь утечки информации, прежде всего заботились о конспирации. Поэтому она одна была посвящена в план действий, знала, какие требования предстоит предъявить и куда лететь. Остальные были просто исполнителями. Посовещавшись, они приказали пилоту требовать посадки в Бейруте. Но Ливан отказался принять самолет с террористами. В иракском аэропорту Басра ответили, что взлетно-посадочная полоса недостаточна для приема «Боинга-747».

В Израиле решили, что участие японцев в захвате самолета означает одно — палестинцы намерены использовать тактику камикадзе, пилотов-самубийц. Значит, террористы могут направить самолет, заправленный горючим под завязку, на один из израильских городов. Когда захваченный боевиками самолет вошел в воздушное пространство Италии, израильские истребители поднялись в воздух. Они были готовы перехватить самолет.

Но террористам разрешили приземлиться в Дубае, где японский «Боинг» простоял три дня, и несчастные пассажиры вместе с экипажем сходили с ума от жары и духоты.

Террористы требовали заправить самолет и разрешить им улететь. Саудовская Аравия отказалась их принять. В Ливане во второй раз сказали нет. Наконец, Ливия согласилась их принять. Здесь всех пассажиров наконец отпустили. Террористы взорвали самолет и с наслаждением наблюдали за тем, как он горит. Сгорело и тело погибшей террористки, которая оказалась столь неумелой. Считается, это была Кэти Томас из Ирака. Ей было 27 лет, она входила в состав Народного фронта освобождения Палестины...

Но пока террористы не уничтожили лайнер, появление в небе Израиля самолета-самоубийцы казалось более чем реальной угрозой. Моссад и остальные спецслужбы были по горло заняты этой историей. Некому было спокойно и вдумчиво оценить ситуацию в Лиллехаммере. Только этим можно объяснить вопиющую небрежность и непрофессионализм боевой группы, что привело к трагедии в норвежском городе.

Получив сообщение о том, что Саламех найден, в центральном аппарате ответили, что приказ о его ликвидации должен быть исполнен.

Только потом стало ясно, что произошла чудовищная ошибка. Ахмед Бучик, официант, приехавший из Марокко в Норвегию на заработки, был поразительно

похож на Саламеха. 21 июля, в субботу, десять оперативников из Моссад, сменяясь, весь день следили за невинным человеком. В их распоряжении были четыре автомобиля, взятых напрокат, так что они легко перемещались по городу.

Утром Ахмед Бучик позавтракал в маленьком кафе в центре города, побывал в бассейне, вечером отправился со своей женой Торелль в кинотеатр, где демонстрировали старый военный фильм.

Тем временем в город приехала группа ликвидации. Всех расселили в гостинице. В половине одиннадцатого вечера человек, которого считали Саламехом, сел со своей дамой в автобус и поехал домой. Следивший за ними оперативник по радио сообщил, что они уже в автобусе.

Когда они шли от остановки, перед ними остановилась белого цвета «Мазда». Двое оперативников остались в машине, двое выскочили с оружием в руках. Это были все те же «беретты» двадцать второго калибра с глушителем. Они всадили в несчастного официанта четырнадцать пуль и вернулись в свою машину. Подъехал еще один автомобиль — зеленый «Вольво». Убедившись, что цель поражена, водитель сказал по рации:

— Они его сделали. Все машины по домам.

В маленьком городке выстрелы прозвучали особенно громко. Соседи немедленно вызвали полицию, которая приехала в считанные минуты. Это было первое убийство в городе за сорок лет. Началось расследование.

Норвежские полицейские предположили, что убийство — результат разборок между торговцами наркотиками. Но выяснилось, что убитый не был замечен ни в чем предосудительном. Зато бдительные соседи отметили появление в городе как раз накануне убийства людей восточной наружности на машинах с неместными номерами.

Благополучно покинули Норвегию Майк Харари и те двое, кто стрелял в мнимого Саламеха, — потому что они уехали сразу. Боевая группа бросила «Мазду» на полпути и пересела в «Пежо», взятый напрокат. Вскоре они уже были в самолете...

Группа поддержки совершила непростительную ошибку. На следующий день на этой же машине Дан Арбел и Марианна Гладникофф тоже отправились в аэропорт Осло. На них обратил внимание служащий аэропорта и поделился своими подозрениями с блюстителями порядка.

Полиция их задержала. Расследование поручили отделу особо тяжких преступлений норвежской полиции.

Марианна не выдержала допроса. Это было ее первое серьезное задание в Моссад. Она призналась, что работает на правительство Израиля, и назвала адрес конспиративной квартиры. Там норвежцы задержали Сильвию Рафаэль и Абрахама Геймера, предъявивших канадские паспорта, оказавшиеся фальшивыми.

При обыске полицейские обратили внимание на то, что у Геймера был записан незарегистрированный телефонный номер, который, как выяснилось, принадлежал сотруднику представительства израильской авиакомпании «Эль-Аль» Игалю Цигалю.

Норвежцы действовали очень быстро. Полиция наведася в квартиру Цигаля, где обнаружила еще двоих израильтян — Цви Штейнберга и Майкла Дорфа. Цигаль объяснил полиции, что в реальности он является офицером безопасности израильского посольства, и предъявил свои документы. Он настаивал на том, что защищен дипломатическим иммунитетом, и потребовал, чтобы полиция покинула квартиру.

Полицейские ушли, но прихватили Дорфа и Штейнберга с собой. У них не было дипломатических паспортов. Зато у Дорфа обнаружилась телеграмма из штаб-квартиры Моссад с приказом немедленно воз-

.....

вращаться и позаботиться об уничтожении всех опасных материалов, имеющих отношение к проводимой операции.

У Штейнберга нашли ключи от квартиры в Париже. Французская полиция по просьбе норвежцев обнаружила там свидетельства операций Моссад против палестинцев на французской территории.

Арестованный норвежцами Дан Аэрбель страдал клаустрофобией. Для него заключение под стражу было невыносимым испытанием. Когда за ним захлопнулась дверь камеры, у него случился тяжелый нервный приступ. В обмен на перевод в большую камеру Аэрбель рассказал все, что знал. Он даже назвал телефонный номер Моссад, по этому номеру мог позвонить любой агент, если он нуждался в срочной помощи.

Для израильских руководителей убийство невинного официанта и арест всей группы были тяжелым ударом. Оправдались предостережения тех, кто говорил, что такая операция — это самосуд, и его жертвой может стать не причастный к мюнхенской трагедии человек.

В руках норвежской полиции оказалось шесть подозреваемых. Все они были агентами Моссад. Всех шестерых судили. Все они удивительным образом оказались непрофессионалами. И это не вязалось с репутацией Моссад как чуть ли не лучшей разведки мира.

На процессе стало ясно, что такая важная операция была поручена неопытным людям, поскольку основная группа смертельно устала и нуждалась в отдыхе. А израильским спецслужбам отчаянно не хватает людей. Ведь это маленькая страна с небольшим населением.

Майкла Дорфа норвежский суд оправдал.

Сильвия Рафаэль и Абрахам Геймер были приговорены к пяти с половиной годам тюрьмы. Отсидели они около двух лет.

Дан Аэрбель, несмотря на сотрудничество со следствием, получил пять лет, Марианна Гладникофф — два с половиной года, Цви Штейнберг — год. Они отсидели примерно по семь месяцев.

Расследование норвежской трагедии закончилось отставкой нескольких руководителей Моссад. Премьер-министр Голда Меир приказала прекратить операцию отмщения за Мюнхен.

РАБАТ, НОЯБРЬ 1973 ГОДА

Трагическое происшествие в Норвегии подарило Саламеху еще четыре года жизни. И он продолжал убивать.

5 августа 1973 года два молодых палестинца в афинском аэропорту подошли к стойке американской авиакомпании ТВА. Сотрудник безопасности попросил их открыть чемоданчики. Они выполнили его просьбу и достали автоматы. Несколько минут они поливали огнем мирных пассажиров, которым негде было укрыться. Спаслись те, кто сразу упал на пол.

Палестинцы полагали, что находятся среди израильтян, вылетавших из Греции в Израиль, и что убивают ненавистных им евреев. В реальности они стреляли в американцев, взявших билеты до Нью-Йорка. Они убили одного индуса и двоих американцев (еще одна шестнадцатилетняя девушка умерла от ран в больнице), пятьдесят пять пассажиров были ранены.

Террористы получили приказ не попадать в полицию живыми, но они предпочли смерти тюремное заключение. Обоих схватили и судили. Но за решеткой они оставались недолго. Палестинцы захватили греческое судно, и правительство в Афинах тут же согласилось обменять его на заключенных. Греки с радостью избавились от палестинцев.

Саламех, на руках которого была американская кровь, вновь установил тайные связи с сотрудниками ЦРУ.

«Вопрос о контактах с палестинцами, — вспоминал тогдашний государственный секретарь Генри Киссинджер, — не представлял большого политического значения для Соединенных Штатов. Он поднимался лишь время от времени, как правило, на невысоком уровне в интересах разведки».

Летом 1973 года американский посол в Иране Ричард Хелмс сообщил в Вашингтон, что в посольство обратился один из соратников Ясира Арафата и сказал, что Организация освобождения Палестины заинтересована в прямом диалоге с Соединенными Штатами.

Соратник Арафата выражал готовность признать право Израиля на существование, что противоречило Палестинской национальной хартии, призывавшей к уничтожению еврейского государства. И просил согласия американцев на создание палестинского государства на территории Иордании. В связи с этим палестинцы спрашивали, будет ли Америка возражать, если они превратят Иорданское Королевство в свою страну?

13 августа предложение вступить в диалог с Арафатом пришло американцам и от короля Марокко Хасана II.

В Марокко правила просвещенная и вполне разумная монархия. С королями стране повезло. И Махаммад V, и Хасан II были умными и гибкими монархами. Они ввели в стране конституцию и многопартийность, умело лавируя между населяющими страну арабами и берберами.

3 сентября король Хасан сказал прилетевшему в Рабат заместителю директора ЦРУ Вернону Уолтерсу, что может устроить встречу с представителем Арафата.

25 октября Киссинджер распорядился дать положительный ответ на предложение палестинцев. Он поручил провести встречу тому же генералу Уолтерсу, который уже имел опыт тайных контактов с китайцами и представителями Северного Вьетнама и мастерски исполнял щекотливые поручения.

Киссинджер сам инструктировал Уолтерса:

— Насколько возможно, выясните взгляды палестинцев. Не делайте никаких предложений и не давайте ответов, объясните, что как офицер разведки вы можете быть лишь передаточной инстанцией.

3 ноября 1973 года в Рабате Уолтерс встретился с Саламехом, который жаловался прежде всего на Иорданию. Саламех доказывал, что хашимитская династия должна быть свергнута, чтобы палестинцы могли создать собственное государство.

В своем докладе Киссинджеру генерал Уолтерс отметил, что палестинцы испытывают к королю Хусейну большую ненависть, чем к Израилю.

Чтобы сделать американцам приятное и заинтересовать их в продолжении диалога, Саламех от имени Арафата обещал больше не нападать на американцев.

Уолтерс прежде всего предупредил палестинцев:

— Я должен сказать вам со всей определенностью, что убийства американских граждан должны прекратиться. Иначе это приведет к ситуации, когда прольется много крови, и это не будет только американская кровь.

Эти слова прозвучали угрожающе и были правильно поняты.

Буквально через несколько дней Саламех предупредил ЦРУ о том, что другие палестинские группы попытаются сбить ракетой самолет государственного секретаря Генри Киссинджера, когда он прилетит в Бейрут. ЦРУ приняло меры.

На следующий год Ясир Арафат получил возможность приехать в Нью-Йорк и выступить перед Генеральной Ассамблеей ООН. Прибывшего с ним Саламеха сотрудники ЦРУ развлекали в гостинице «Уолдорф-Астория». Счастливый Саламех обещал, что не только ФАТХ, но и другие палестинские группировки перестанут нападать на граждан Соединенных Штатов.

Он превратился в важнейшего осведомителя американской разведки на Ближнем Востоке. В 1975 году, в разгар гражданской войны в Ливане, Саламех помог эвакуировать из страны несколько сот американцев. Он отрядил боевиков из личной охраны Арафата прикрывать колонну с американцами, направлявшуюся к порту, где их ждали корабли 6-го флота, и вторую, которая двинулась в сторону Дамаска. Все враждующие ливанские армии были предупреждены, что нападение на американцев будет равнозначно нападению на палестинцев.

Американцы щедро отблагодарили Саламеха. «Красный принц» был женат и имел двоих сыновей. В июне 1977 года он, не разведясь, женился еще и на недавней «мисс Ливан». ЦРУ оплатило молодоженам медовый месяц на Гавайях, а потом еще и исполнило давнюю мечту Саламеха. Агенты американской разведки свозили его в Диснейленд во Флориде.

Израильтяне знали об этих контактах. Они испугались, что Саламех может стать неприкосновенным, и обратились к резиденту ЦРУ в Париже за разъяснениями. Израильтяне напомнили резиденту: Саламех должен ответить за Мюнхен и другие убийства. Разумеется, Моссад не станет этого делать, если ЦРУ подтвердит, что Саламех работает на американскую разведку.

В ЦРУ попали в трудное положение. Американцы обязались не вступать в контакты с ООП, пока пале-

стинцы не признают право Израиля на существование. Окончательное решение принял Роберт Эймс, отвечавший в ЦРУ за Ближний Восток. Он объявил израильтянам, что Саламех не работает на ЦРУ. И тем самым подписал ему смертный приговор.

БЕЙРУТ, ЯНВАРЬ 1979 ГОДА

Операция была поручена все тому же Майку Харари.

Он избежал наказания за Норвегию, потому что добился успеха в угандийском аэропорту Энтеббе, куда террористы угнали самолет с израильтянами.

Харари сам отправился в Энтеббе, выдавая себя за итальянского бизнесмена, и мог снабдить ударную группу необходимой разведывательной информацией. Это он договорился с правительством Кении о дозаправке израильских транспортных самолетов, которые прилетели, чтобы забрать попавших в руки террористов пассажиров. Если бы он не добился этого у кенийцев, спасательная операция бы не состоялась.

Наученный горьким опытом, для новой операции Харари собрал только самых опытных работников. В конце 1978 года передовая группа высадилась в Бейруте. Израильтяне следили за Саламехом много недель. Они обнаружили, что Саламех стал более легкой целью. Уверенный в своем положении, он перестал бояться, больше не ночевал в бункерах и передвигался открыто. Он по-прежнему заботился о себе, регулярно занимался спортом и парился в сауне. Первоначально решили взорвать его, когда он отправится в сауну. Но от этой идеи отказались, опасаясь, что будут ненужные жертвы. Хватило и того, что погиб несчастный марокканский официант.

Операция началась в ноябре 1978 года. Агент Моссад, выдававшая себя за англичанку Эрику Чэмберс, приехала в Бейрут, чтобы поработать в палестинской благотворительной организации. Группа наружного наблюдения выявила, что Саламех постоянно ездит по одному и тому же маршруту — из дома жены до штаб-квартиры ФАТХ. Эрика Чэмберс сняла квартиру, которая выходила как раз на эту улицу. Она часами сидела у окна.

Через неделю в Бейрут прибыл еще один агент Моссад с фальшивым канадским паспортом, выпущенным на имя Рональда Колберга. Он тоже снял квартиру, взял машину напрокат и целыми днями разъезжал по городу, предлагая владельцам магазинов кухонную утварь из Канады.

Через день прибыл еще один агент с британским паспортом на имя Петера Шрайвера, который, как и остальные, вполне легально остановился в гостинице и взял напрокат «Фольксваген». К середине января 1979 года все было готово.

В один из январских вечеров двое израильских боевых пловцов спустили с борта израильского ракетного катера маленькую лодку и поплыли в сторону Бейрута. Они вышли на берег с тяжелым грузом взрывчатки и детонаторов.

На берегу их ожидали два израильских агента. Пловцы помигали им фонариком. Они вышли из своего «Фольксвагена» и забрали ценную посылку. Пловцы оттолкнули лодку от берега и, дружно работая веслами, направились к катеру, который их подобрал и исчез в темноте.

Агенты вернулись в квартиру, которую снимали, и распаковали взрывчатку. Это было пять килограммов мощного гексогена. Они заложили гексоген во взятый напрокат «Фольксваген». Через несколько дней припарковали его на Бекаа-стрит, по которой регулярно

проезжал Саламех. Агенты устроились неподалеку и стали ждать.

Все это время Майк Харари находился в открытом море неподалеку от Бейрута на ракетном катере, позависимствованном разведкой у военно-морских сил.

22 января 1979 года израильские агенты не промахнулись. Без четверти четыре дня Саламех попросился с женой — его ждали в родительском доме, чтобы отметить день рождения его племянника. В огромном шевроле его сопровождали двое хорошо вооруженных охранников, еще трое находились в «Лендровере» сопровождения.

Агент Моссад, несомненно, наблюдал за тем, как маленький конвой пустился в путь, и подал сигнал второму агенту. Конвой мчался с большой скоростью, но это не спасло «красного принца». Когда его машина свернула на Бекаа-стрит и проезжала мимо припаркованного «Фольксвагена», агент Моссад, находившийся в квартире, снятой Эрикой Чэмберс, нажал кнопку радиосигнала. Раздался взрыв.

Пять килограммов гексогена покончили с «красным принцем» и его телохранителями. Саламех был смертельно ранен, он выпал из машины и распростерся на земле. Его доставили в больницу при американском университете и сразу повезли в операционную. Острый кусок металла попал ему в мозг, и в начале пятого врачи зафиксировали смерть.

Той же ночью израильские боевые пловцы забрали на берегу двух агентов Моссад — женщину и мужчину. Когда они оказались на борту ракетного катера, женщина сказала Харари:

— Майк, он мертв.

Сто тысяч палестинцев провожали Саламеха в последний путь. Ясир Арафат выступал на его похоронах:

— Мы продолжим наш путь, ведущий в Палестину! Прощай, мой герой!

Из организаторов теракта в Мюнхене остались Абу Айяд, который вместе с Арафатом основал боевую организацию ФАТХ и «Черный сентябрь», и Абу Дауд, непосредственно руководивший террористами в Мюнхене.

АММАН, МАРТ 1973 ГОДА

Мохаммад Дауд (он же Абу Дауд) родился в Яффе в 1933 году. Внутри ФАТХ он почему-то считался «голубем».

Он постигал науку террора в Северной Корее вместе с Абу Нидалем. Четыре месяца они изучали тактику диверсионных действий у мастеров этого дела.

Тогда еще Абу Дауд дружил с Абу Нидалем, еще одной печально знаменитой фигурой палестинского терроризма.

Его настоящее имя — Сабри Халиль аль-Банна. Он быстро продвигался вверх в штабе Арафата. В нем ценили исполнительность, жестокость, честолюбие. Но он быстро захотел стать самостоятельным и извлекать из террора материальную выгоду.

За самодеятельность Абу Нидаля исключили из ФАТХ. Он создал собственную группу. Она не превышала четырехсот человек. Они были связаны между собой семейными, клановыми отношениями. К тому же Нидаля всегда верил в силу денег, в материальный интерес и платил своим людям вдвое больше, чем Арафат своим.

В Организации освобождения Палестины его считали психопатом, свихнувшимся на терроре. Ему нравилось убивать. Поссорившись со своим племянником, он подложил в его дом бомбу, которая убила жену и двоих детей. В конце концов суд Организации освобождения Палестины приговорил Нидаля к смерти...

Он был подчиненным Ясира Арафата, а потом несколько раз пытался его убить. Он организовал несколько акций против сирийцев, а потом стал служить сирийскому президенту Хафезу Асаду. Некоторое время он умудрялся иметь офисы одновременно и в Дамаске, и в Багдаде, хотя Ирак и Сирия непрерывно враждовали друг с другом.

Что касается Абу Дауда, то он не терял надежды расквитаться с иорданцами за поражение в сентябре 1970 года, а заодно добиться освобождения палестинских заключенных из местных тюрем.

Они с Абу Айядом придумали масштабный план. Шестнадцать боевиков должны были захватить канцелярию премьер-министра Иордании и взять в заложники не кого-нибудь, а главу правительства и министров.

Но в феврале 1973 года Дауда задержали в Аммане, куда он приехал на рекогносцировку. Его случайно остановили бедуины-полицейские. Они обратили внимание на то, что по паспорту Абу Дауд — отец шестерых детей. Но женщина, сидевшая рядом с ним и изображавшая его жену, была слишком молода для роли многодетной матери.

Полицейские вежливо пригласили Дауда проехать вместе с ними в участок и поговорить. Девушке, сидевшей рядом с ним, было всего пятнадцать лет. Видимо, занервничав, она выронила спрятанный под одеждой автомат и запасные магазины.

«Это осложнило дело», — меланхолично вспоминал через много лет Абу Дауд.

Обоих арестовали. На допросе Абу Дауд раскололся и рассказал все, что знал. 34 марта 1973 года Абу Дауда показали по амманскому телевидению. Он беспрекословно рассказал то, что от него хотели услышать.

— Нет такой организации — «Черный сентябрь», — поведал телезрителям Абу Дауд. — ФАТХ списывал свои операции на «Черный сентябрь». Все крупные

.....

операции проводят Абу Юсуф (аль-Наджар), Абу Хасан (Саламех) и Абу Айяд (Салах Халаф).

Несколько месяцев Абу Дауд сидел в иорданской тюрьме. Его приговорили к смертной казни. Но приговор не был приведен в исполнение.

5 сентября 1973 года пятеро палестинцев ворвались в посольство Саудовской Аравии в Париже. Это были люди Абу Нидаля. Они захватили тринадцать заложников и потребовали освободить Абу Дауда. Группа арабских послов три дня вела в Париже переговоры с террористами. Они отпустили четырех женщин, вместо них добровольным заложником стал иракский посол.

Французское правительство разрешило террористам вместе с заложниками улететь в Каир, где они дозаправились и перелетели в Кувейт. Здесь все и закончилось. Казалось, операция провалилась. В реальности все было не так просто.

Возможно, Дауду сильно повезло, что у пятерых палестинцев в Париже ничего не получилось. Говорили, что Абу Нидаля собирался не столько вызволить товарища из иорданских застенков, сколько заткнуть ему глотку. Абу Дауд выдал иорданцам секреты «Черного сентября», и товарищи хотели его просто убить...

Накануне арабо-израильской войны в октябре 1973 года иорданский король Хусейн восстановил отношения с лидерами Египта и Сирии и выпустил около тысячи заключенных-палестинцев. По совету руководителя иорданских спецслужб Абд аль-Расула Килани отпустили и Абу Дауда. Кувейт согласился заплатить за него двенадцать миллионов долларов. Король распорядился привести к нему Абу Дауда и на прощание ласково с ним беседовал.

В 1974 году «Черный сентябрь», исполнив свою миссию, перестал существовать.

Израильтяне искали Абу Дауда, но безуспешно. Арабские страны снабжали Абу Дауда документами на вымышленные имена, и он свободно путешествовал по Ближнему Востоку и социалистическим странам.

ПАРИЖ, ЯНВАРЬ 1977 ГОДА

В начале января 1977 года в Париже был убит один из его друзей. Абу Дауд решил лететь на похороны. Он получил въездную визу во французском посольстве в Бейруте, предъявив фальшивый иракский паспорт на имя Юсуфа Раджи Ханна. Об этом стало известно Моссад. Израильтяне уведомили власти ФРГ, которые хотели судить Абу Дауда за кровопролитие в Мюнхене. Боннские судебные чиновники попросили о помощи французскую контрразведку — управление охраны территории.

К этому времени Абу Дауд уже находился во Франции в составе официальной палестинской делегации, которую пышно принимали. Французские дипломаты попали в глупое положение, когда палестинца арестовали и посадили в парижскую тюрьму «Санте». В камере он оказался вместе с мелким воров из Бельгии и парочкой наркоманов.

Федеративная Республика и Израиль немедленно потребовали выдать им Абу Дауда.

Французские власти, узнав, с кем они имеют дело, испугались собственной смелости. Париж годами подкупал различные террористические группы, добиваясь, чтобы они действовали где угодно, только не во Франции. При этом Париж старался не злить террористов. История с Абу Даудом угрожала разрушить эту сложную игру.

Палестинца тут же повели в суд. Рассмотрение его дела продолжалось двадцать минут. Выяснилось, что

арестовали без соблюдения всех формальностей. Его тут же посадили в машину и с полицейским эскортом отвезли в аэропорт Орли, снабдили билетом первого класса и посадили на первый же рейс в Алжир, где его встретили как героя, вырвавшегося из вражеских застенков.

В Тель-Авиве перед зданием французского посольства выстроились дети убитых в Мюнхене спортсменов с фотографиями своих мертвых родителей. Они протестовали против трусости французских властей. Но это не произвело впечатления на Париж. Президент Франции Валери Жискар д'Эстен заботился и об экономических интересах страны. Сразу несколько арабских стран пригрозили забрать из французских банков свои вклады — около пятнадцати миллиардов долларов, нефтяные деньги. На следующий день после освобождения Абу Дауда Франция подписала с Египтом соглашение о поставке двухсот французских истребителей «Мираж».

После этой истории Абу Дауд предпочитал ездить только в социалистические страны, где ему ничего не угрожало.

ВОСТОЧНЫЙ БЕРЛИН, ВЕСНА 1979 ГОДА

Израильтяне охотились и за человеком, без которого не обходился ни один теракт палестинцев в Европе. Это бывший врач и член политбюро Народного фронта освобождения Палестины Вадди Хаддад. Он первым сообразил, что значительно эффективнее сражаться не с готовым к отпору Израилем, а с безоружными европейцами и американцами, не ожидающими нападения.

Вади Хаддад начал с угона израильского «Боинга-707» в Алжир в 1968 году. Это был первый в истории угон самолета. Палестинцы намеревались таким образом привлечь внимание всего мира к своей борьбе против Израиля.

Хаддад умел вербовать людей. На него работали террористы из западногерманской «Фракции Красной армии», боевики из Никарагуа и японцы из «Объединенной Красной армии».

В июле 1970 года израильтяне обстреляли ракетами бейрутскую квартиру Вади Хаддада, но две из четырех ракет не взорвались, и он не пострадал.

Хаддад, между прочим, присмотрел перспективного юношу из Венесуэлы, который происходил из семьи с давними революционными традициями. Его дедушка участвовал в венесуэльской революции 1899 года. Его отец Хосе Аллаграсия Санчес, марксист и миллионер, разбогатевший на сделках с недвижимостью, назвал троих сыновей Владимиром, Ильичом и Лениным.

Образование Ильич Санчес Рамирес получил в Советском Союзе и часто вспоминал потом о Москве, с видимым удовольствием объясняя соратникам по борьбе с империализмом и сионизмом разницу между черной и красной икрой. Он жаловался на то, что его вышвырнули из Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы за пустяшное дело.

В Москве Ильич познакомился с палестинцами, и их идея — добиться своего можно только вооруженной борьбой — очаровала его, как и многих других молодых людей в конце 60-х годов. Он подпал под дурманящее влияние кровавого терроризма. Абсолютное большинство европейских левых в те годы решили поддержать палестинское дело. Палестинцы и вьетнамцы были для них прямыми жертвами мирового империализма. Кроме того, палестинцы уже перешли от дискуссий к действиям. Радикалам это нравилось.

Представитель Народного фронта освобождения Палестины в Москве Рифаат Абул Аун пригласил недоучившегося студента посмотреть, как живут и сражаются палестинцы. В Бейруте Ильич пришел к Бассаму Абу Шарифу, который мастерски вербовал молодежь. Венесуэлец настолько понравился Абу Шарифу, что он уговорил юношу присоединиться к одной из самых непримиримых и жестоких групп — Народному фронту освобождения Палестины. И сразу же договорился об отправке Ильича в учебный лагерь, располагавшийся тогда на территории Иордании.

Абу Шариф предложил Ильичу взять боевой псевдоним. Венесуэлец попросил называть его Карлосом. Под этой кличкой он и вошел в историю современного терроризма.

Учебный курс занимал несколько недель. Карлос требовал, что его взяли в «настоящее дело».

Хаддад отправил Карлоса в Лондон, где жила его мать. Она ввела сына в высшее общество. Богатый латиноамериканец-плейбой ни у кого не вызывал подозрений.

Первую акцию Карлос провел через год после переезда в Англию. Он пришел домой к британскому предпринимателю Эдварду Зифу, известному своими симпатиями к Израилю, и выстрелил ему в лицо. Через месяц Карлос подложил бомбу в отделение израильского банка, в результате чего была ранена машинистка. Народный фронт освобождения Палестины с гордостью заявил о мощных ударах по «сионистскому врагу».

Взлет Карлоса начался в тот день, когда он стал преемником Мохаммада Будиа, который руководил европейской сетью Народного фронта освобождения Палестины. Когда Будиа взорвали, Карлос перебрался в Париж. Теперь он снабжал западноевропейских левых оружием, которое доставлялось в столицу

Франции в дипломатическом багаже из различных арабских стран.

Карлос, как и его предшественник, завел в Париже многочисленных любовниц, которые хранили взрывчатку и оружие, содержали конспиративные квартиры, думая, что это всего лишь любовное гнездышко. Главным союзником Карлоса в Европе стала западногерманская террористическая организация «Революционные ячейки».

Карлос подложил бомбы в редакции сразу трех французских газет, которые не поддерживали палестинское дело. Он помог японским друзьям захватить французское посольство в Гааге, чтобы заставить французское правительство выпустить одного арестованного японца. Сам Карлос прямо на улице в Париже бросил ручную гранату в группу молодежи, двое погибли, несколько человек были ранены. Карлос пообещал повторить акцию, и Париж сдался: японец был освобожден.

Французская полиция искала преступников среди палестинцев и западных немцев с радикальными воззрениями. На богатого венесуэльца внимания не обращали. Его квартиру на всякий случай обыскали, но ничего не нашли — все опасное хранили его любовницы.

Постепенно его имя обросло легендами. Ему приписывали то, к чему он не имел отношения.

Тщеславному Карлосу это нравилось. Он говорил:

— Чем больше небылиц пишут обо мне, чем опаснее они меня делают, тем лучше для меня, тем меньшим будет желание нормальных полицейских ловить меня. Для меня это своего рода гарантия безопасности.

Джентльмен со светскими манерами, хорошим гардеробом, говоривший по-английски, по-французски, по-русски и по-арабски, он казался молодым террористам некой разновидностью Джеймса Бонда. Он очень

заботился о себе. Необыкновенный чистюля, он пудрился и страдал из-за того, что полнеет. Он даже советовался с врачами-косметологами: не могут ли они убрать ему грудь, уже напоминавшую женскую.

Карлос с южноамериканским дипломатическим паспортом, выданным на имя Ахмета Адила Фавазы, преспокойно курсировал по всей Восточной Европе. И в Софии, и в Праге, и в Будапеште прекрасно знали, зачем Карлос приезжал к ним: восточноевропейские столицы были идеальным местом для встречи с будущими убийцами. Здесь Карлос передавал своим подчиненным оружие и взрывчатку, объяснял план действий. Сюда после выполнения задания бежали террористы, тут они получали новые документы и преспокойно улетали на Ближний Восток.

Печать социалистического блока не уставала обличать ЦРУ, уверяя, что террор организован американскими спецслужбами во имя обретения мирового господства.

На языке профессионалов это именуется «операцией прикрытия». Документы из архива Министерства госбезопасности ГДР не оставляют сомнений: социалистические страны всегда поддерживали международный терроризм. Причем это решение принималось на совещании руководителей спецслужб социалистического лагеря под руководством председателя КГБ Юрия Андропова.

Самой удобной точкой считался Восточный Берлин. С дипломатическими паспортами люди Карлоса беспрепятственно пересекали контрольные пункты, охранявшиеся американскими, британскими или французскими солдатами, и оказывались на Западе. А переходя из Западного Берлина в Восточный, они легко ускользали от преследовавшей их полиции.

Палестинские боевики жили в Восточном Берлине почти круглый год. В гостинице «Палас», где за свободно конвертируемую валюту селили иностранных

туристов, им был гарантирован особый сервис. В столице ГДР они вели себя, как дома. Ездили на красный свет, напившись, стреляли в гостинице в потолок. Карлос и в зрелые годы поддерживал репутацию плейбоя. В номер ему приводили веселых девушек.

Немцы пробовали жаловаться на его поведение сирийскому посольству. Сирийцы отвергли претензии. «Сирийской стороной было указано, что такой образ действий санкционирован высшими сирийскими инстанциями» — это один из многих документов, найденных в архиве МГБ ГДР.

Министерство госбезопасности тесно сотрудничало с псевдодипломатами из сирийского посольства. В отчете министру отмечено: «Установлен стабильный контакт с третьим секретарем сирийского посольства (сотрудником секретной службы). Он хранит материалы для группы (Карлоса), пистолет с боеприпасами, а также запасные паспорта. Он уполномочен сирийской секретной службой оказывать поддержку этой группе».

Основная деятельность группы Карлоса у немецких чекистов сомнения не вызвала. Единственная претензия — недисциплинированность: «Огорчает только то, что в группе отсутствует порядок и что они так мало внимания обращают на политические интересы и требования безопасности. Обещания соблюдать конспирацию очень часто остаются невыполненными».

В июне 1976 года Карлос организовал свою последнюю громкую акцию. Двое палестинцев и двое немцев — старый друг Карлоса Вильфрид Бёзе и его подружка Бригитте Кульман 27 июня захватили в Афинах французский аэробус, летевший из Тель-Авива.

Бригитте Кульман была студенткой педагогического института в Ганновере, ее арабская подпольная кличка «Халимех». Будучи студенткой, она заботилась о парализованных больных, считалась «необыкновенно чувствительной». А после захвата самолета она пре-

.....

вратилась в иступленную фанатичку и по отношению к заложникам вела себя «как надзирательница в концлагере», рассказывал друзьям сам Карлос.

Они посадили самолет в аэропорту Энтеббе на территории африканского государства Уганда и потребовали от Израиля освободить террористов, отбывавших свой срок в израильских тюрьмах. В противном случае они угрожали взорвать самолет и уничтожить всех пассажиров.

В Энтеббе прилетело все руководство Народного фронта освобождения Палестины, чтобы поздравить террористов с победой. Тогдашний глава Уганды кровавый маньяк Иди Амин поддержал террористов, поэтому надежды добиться освобождения заложников не было.

Моссад и военная разведка подготовили операцию по освобождению пассажиров захваченного самолета. Ночью в аэропорту Энтеббе сел самолет израильских военно-воздушных сил, который, никем не замеченный, перелетел через весь Африканский континент, чтобы спасти заложников.

Палестинцы, руководившие захватом пассажирского самолета, в ту ночь куда-то исчезли, зато погибли их немецкие помощники — террористы из ультралевой организации «Революционные ячейки», Бригитте Кульман и Вильфрид Бёзе, который когда-то играл во франкфуртском уличном театре и безуспешно пытался стать книгоиздателем.

Вильфрид Бёзе возглавлял «Революционные ячейки» и помог палестинцам подготовить убийство израильских спортсменов на Мюнхенской Олимпиаде в 1972 году. Вади Хаддад выделял «Революционным ячейкам» три тысячи долларов ежемесячно. Немцы должны были отрабатывать палестинские деньги. А палестинцы легко посылали немцев на смерть.

События в Энтеббе стали поворотным моментом в политической биографии молодого анархиста по име-

ни Йошка Фишер. Он шел по пути, который мог привести его к террористам. В 1973 году во Франкфурте-на-Майне он уже участвовал в избиении полицейского.

Йошка Фишер знал обоих немцев, которые помогали палестинцам угнать самолет «Эйр Франс» в Энтеббе. Он был потрясен тем, что они помогали палестинцам проводить «селекцию» — отделять пассажиров-неевреев от евреев. «Селекция» — термин из практики гитлеровских концлагерей.

В Энтеббе неевреев освободили. Евреев террористы обещали убить, если их требования не будут приняты. Исторические параллели казались настолько очевидными, что Фишер был потрясен. Многие его друзья во Франкфурте сожалели о смерти боевиков из «Революционных ячеек». Йошка Фишер считал иначе:

— Если немцы позволяют себе участвовать в селекции, выяснять, кто еврей, а кто нет, они ничего иного не заслуживают. Люди, которые начинали с протеста против фашистского прошлого своих отцов, пришли к тому, что сами говорят и действуют как нацисты.

Йошка Фишер стал со временем министром иностранных дел Федеративной Республики...

Но мы забежали вперед. Вернемся в Энтеббе.

Отряд израильского спецназа освободил заложников и погрузил их на самолет, который растворился в ночном небе. Эта блистательно проведенная операция стала сюжетом многих книг и кинофильмов.

Во время операции израильтяне потеряли только одного человека — командира группы спецназа подполковника Йонатана Нетаньяху. Смерть была большим горем для семьи, и его младший брат Биньямин, архитектор по профессии, решил заняться политикой, в чем и преуспел, став премьер-министром Израиля. Биньямин Нетаньяху, служивший в том же подразделении, что и его старший брат, всегда требовал принятия самых жестких мер против террористов...

Хабаш и Хаддад считали себя марксистами, и их революционная лексика производила сильное впечатление на руководителей социалистических стран.

Хаддад налажил особо удачные контакты с Министерством государственной безопасности ГДР. К немцам Хаддад и обратился, когда заболел. Его убила болезнь. Весной 1979 года он умер в берлинской больнице от лейкемии. Похоронили его в Багдаде.

ТУНИС, ЯНВАРЬ 1991 ГОДА

Абу Айяд, один из главных соратников Арафата, тоже обзавелся крепкими связями с Министерством госбезопасности ГДР и другими спецслужбами социалистических стран. Ему разрешали приезжать в социалистические страны, чтобы он мог отдохнуть, подлечиться и расслабиться. За железным занавесом он чувствовал себя в безопасности. Скажем, в Чехословакию он приезжал по приглашению Комитета дружбы с народами Азии и Африки.

Как и другие высокопоставленные палестинцы, Абу Айяд предпочитал Восточный Берлин, где останавливался в «Палас-отеле». Счет за его двухкомнатный люкс на восьмом этаже оплачивало Министерство государственной безопасности. Горничные изумлялись, видя, что гость держит под подушкой пистолет, но уполномоченный госбезопасности по гостинице велел им держать язык за зубами.

Абу Айяд боялся, что рано или поздно агенты Моссад доберутся до него. Но израильтяне перестали охотиться за ним, потому что он пришел к выводу, что надо отказаться от вооруженной борьбы и договариваться с израильтянами. Тогда его убили свои.

Утром 14 января 1991 года Абу Айяд, обосновавшийся в Тунисе, на вилле у океана, обсуждал кризис в Персидском заливе с двумя коллегами. Это были начальник его службы безопасности Факри аль-Умари (участвовавший в подготовке теракта в Мюнхене) и Хаэль Абд аль-Хамид из руководства ООП.

Срок ультиматума, предъявленного президенту Ирака Саддаму Хусейну, истекал. Палестинцы не знали, что делать. Поглощенный разговором, Абу Айяд не обратил внимания на то, что в комнату зашел телохранитель Абд аль-Хамида. Это был молодой человек по имени Хамза Абу Зейд, в руке он держал «калашников».

Хамид показал ему на еду и предложил взять, что тот хочет. Когда все трое вернулись к разговору, телохранитель внезапно поднял автомат и в упор расстрелял их. Главной целью убийцы был Абу Айяд, он получил четыре пули в живот и одну в голову.

Абу Айяд считался самым вероятным наследником Ясира Арафата на посту председателя исполкома Организации освобождения Палестины. Арафат находился в Багдаде. Он сразу же вылетел в Тунис, чтобы присутствовать на похоронах старого друга и преданного соратника.

Выяснилось, что убийца работал на Абу Нидаля, который убил палестинцев больше, чем Моссад. Неясно было, чей заказ выполнял Абу Нидаля, который не работал бесплатно. Похоже, заказчиком выступил Саддам Хусейн. Абу Айяд считал, что Саддаму нужно вывести войска из Кувейта и избежать большой войны. Во время переговоров с палестинцами в Багдаде Саддам даже потребовал, чтобы Абу Айяд вышел — иракский президент не желал его слышать. Тогда Ясир Арафат настоял на том, чтобы Абу Айяд остался. Саддам Хусейн нашел другой способ избавиться от человека, который ему не нравился.

ВАРШАВА, ИЮЛЬ 1981 ГОДА

В конце июля 1981 года Абу Дауд наслаждался теплым днем в кафе при гостинице «Виктория интерконтиненталь», где он остановился под именем гражданина Ирака Тарика Шакира Махди. Это был его любимый отель в польской столице.

Вечером в субботу, 1 августа 1981 года, Абу Дауд в черных очках и рубашке цвета хаки сидел в гостиничном кафе и ждал, когда ему принесут кофе и минеральную воду. К нему подошел молодой человек средиземноморской наружности и всадил в него пять пуль. Но стрелял он плохо, Абу Дауда не убил, зато ранил постороннего человека — туриста из ФРГ.

Палестинцу повезло — в госпитале министерства внутренних дел ему удачно удалили три пули, и он выздоровел.

Осталось неясным — кто стрелял в Абу Дауда: израильтяне или палестинцы? В пользу последнего предположения говорило то, что поляки так и не поймали покушавшегося на жизнь Абу Дауда. Как иностранцу удалось скрыться от госбезопасности в социалистической стране? Это могло произойти только в том случае, если стрелял тоже палестинец, такой же гость социалистической Польши.

Счастливо избежавший смерти Абу Дауд продолжал заседать в Палестинском национальном совете и в 1996 году проголосовал за исключение из национальной хартии призыва к уничтожению Израиля.

Он жил в Аммане, и израильтяне выдали ему документы, позволявшие беспрепятственно курсировать между Амманом и оккупированными территориями. Он работал в палестинской администрации в Рамаллах.

В 1999 году в Париже появились его мемуары «Палестина: из Иерусалима в Мюнхен». Он открыто при-

знал свою причастность к теракту в 1972 году и подтвердил это в интервью арабской телекомпании «аль-Джазира». Он хотел приехать в Париж, чтобы участвовать в презентации книги, но в аэропорту Орли его не впустили в страну.

После появления книги Федеративная Республика вновь выдала ордер на его арест. Израиль аннулировал его документы и запретил ему доступ на Западный берег, куда он ездил последние три года.

В Соединенных Штатах Говард Метценбаум, бывший сенатор от штата Огайо, обратился к владельцам американских книжных магазинов с просьбой не продавать книгу, написанную террористом. В сентябре 1972 года Говард Метценбаум наблюдал за трагедией по телевизору вместе со своими соседями по пригороду Кливленда, родителями убитого в Мюнхене спортсмена Дэвида Бергера.

«Мне больно сознавать, — писал бывший сенатор американским книготорговцам, — что преступник Абу Дауд на свободе. Но если он еще и заработает на книге, в которой похваляется своей ролью в убийствах, это будет ужасно».

Метценбаум напомнил о законе, который запрещает убийцам получать деньги от продажи своих книг или от фильмов, снятых по их историям. Его предупреждение возымело действие.

Абу Дауд скрылся. Утверждал, что живет на Кипре вместе с женой на пенсию, получаемую от палестинской автономии. Он дал в 2002 году интервью американским журналистам, которые связались с ним через Сирию.

Он подтвердил, что нападение на спортсменов в Мюнхене было одобрено Арафатом. Председателю ООП обо всем докладывал его ближайший помощник Абу Айяд. Арафат благословил теракт словами:

— Аллах вас защитит.

.....

По словам Абу Дауда, деньги для операции нашел Махмуд Аббас, он же Абу Мазен, избранный после смерти Арафата президентом палестинской автономии.

Абу Дауд сказал, что сейчас он не стал бы проводить такую операцию, но тогда она была очень полезной:

— Благодаря этой операции о палестинском вопросе узнали пятьсот миллионов человек, которых совершенно не волновала судьба палестинцев.

Узнав, что Стивен Спилберг снял фильм о сентябрьских днях в Мюнхене, Абу Дауд удивился, что режиссер с ним не посоветовался:

— Он должен был поговорить с теми, кто знает правду. Если бы меня спросили, я бы рассказал все, как было.

Палестинцы и по сей день считают теракт в Мюнхене самым успешным в своей истории.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

После каждой акции сотрудники Моссад навещали семьи убитых в Мюнхене израильских спортсменов и советовали внимательно посмотреть вечерние новости или прочитать завтрашние газеты. Они говорили вполголоса:

— Еще один за вашего сына...

Они, конечно же, хотели показать родным погибших, что их горе не забыто и что убийцы наказаны.

Семьи убитых спортсменов повторяли, что жаждут не мести, а справедливости. Они желали бы видеть убийц на скамье подсудимых. Но правосудие оказалось невозможным. Даже если участник мюнхенской бойни оказывался в руках полиции в какой-нибудь стране, его не сажали на скамью подсудимых, а поскорее отправляли назад, на Ближний Восток, где ему ничто не угрожало.

В 1993 году отставной генерал Аарон Ярив признал, что в 70-х израильские спецслужбы уничтожили от десяти до пятнадцати руководителей «Черного сентября».

— Никто не знает, сколько израильтян остались в живых благодаря тому, что мы сумели предотвратить новые трагедии и чудовищные преступления, запланированные террористами, — говорила премьер-министр Израиля Голда Меир.

.....

В 70-е и 80-е годы все осуждали Израиль за применение силы, за боевые операции на территории других государств, за нежелание договариваться с террористами. Времена изменились, когда не только Израиль, но и другие государства оказались жертвами большого террора.

Впрочем, кто теперь помнит мюнхенскую трагедию?

Работая над этой книгой, я беседовал со многими людьми, так или иначе связанными с событиями, которые произошли в сентябре 1972 года в Мюнхене. Один из наших замечательных спортсменов, вернувшийся из Мюнхена с золотой медалью, увлеченно рассказывал о своих победах и счастливых днях спортивного праздника.

— Да, но, к сожалению, — сказал я, — Мюнхенская Олимпиада запомнилась еще и трагической историей.

— Какой? — удивился олимпийский чемпион.

Я напомнил.

— Да что вы, — прервал он меня, — это эпизод. А вот как мы обставили американцев — это эпоха.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗАХВАТ	10
Мюнхен, август 1936 года	11
Мюнхен, август 1972 года	14
Мюнхен, май 1972 года	21
Восточный Берлин, весна 1972 года	26
Мюнхен, 5 сентября 1972 года	38
Кувейт, октябрь 1959 года	56
Западный берег реки Иордан, июль 1967 года	71
Амман, сентябрь 1970 года	88
Каир, ноябрь 1971 года	107
Тель-Авив, май 1971 года	111
Рим, июль 1972 года	117
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «ОНИ ВСЕ УБИТЫ!»	128
Мюнхен, 5 сентября 1972 года, утро	128
Иерусалим, 5 сентября 1972 года, утро	132
Мюнхен, 5 сентября 1972 года, полдень	133
Иерусалим, 5 сентября 1972 года, после полудня	140
Мюнхен, 5 сентября 1972 года, два часа дня	142
Мюнхен, 5 сентября 1972 года, шесть вечера	153
Каир, 5 сентября 1972 года	155
Мюнхен, 5 сентября 1972 года, семь вечера	161
Мюнхен, 5 сентября 1972 года, девять вечера	169
Военный аэродром Фюрстенфельдбрюк, десять вечера	172

.....

Военный аэродром Фюрстенфельдбрюк, половина одиннадцатого вечера	177
Военный аэродром Фюрстенфельдбрюк, полночь	186
Мюнхен, 6 сентября 1972 года, три часа утра	189
Мюнхен, 6 сентября, десять утра	194
Израиль, 7 сентября 1972 года	197
Москва, 7 сентября 1972 года	199
Мюнхен, 7 сентября 1972 года	205
Могадисио, 18 октября 1977 года	211
Триполи, сентябрь 1972 года	220
Иерусалим, октябрь 1972 года	223
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РАСПЛАТА	235
Иерусалим, сентябрь 1972 года	235
Иерусалим, октябрь 1972 года	240
Рим, октябрь 1972 года	255
Париж, декабрь 1972 года	256
Никосия, январь 1973 года	258
Афины, январь 1973 года	260
Рим, январь 1973 года	260
Париж, апрель 1973 года	266
Бейрут, апрель 1973 года	267
Париж, июнь 1973 года	279
Лиллехаммер, июль 1975 года	281
Рабат, ноябрь 1973 года	292
Бейрут, январь 1979 года	296
Амман, март 1973 года	299
Париж, январь 1977 года	302
Восточный Берлин, весна 1979 года	303
Тунис, январь 1991 года	311
Варшава, июль 1981 года	313
Вместо заключения	316

Леонид Млечин

МЮНХЕН 1972. КРОВАВАЯ ОЛИМПИАДА

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *Т. Кирпичева*
Корректор *Л. Зубченко*

ЛР № 065715 от 05.03.1998. ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.
Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, к. 5.
Тел.: (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменная ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.11.2005.
Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 16,8. Тираж 3100 экз.
Зак. № 1775.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ОСОБАЯ ПАПКА

В сентябре 1972 года, во время Мюнхенской Олимпиады, палестинские террористы захватили в заложники израильскую команду. В результате неудачной операции, проведенной западногерманской полицией, все заложники погибли. Уцелевшие террористы вскоре оказались на свободе. Тогда охоту за ними начали спецслужбы Израиля...

Об этой кровавой драме в свое время кричала вся мировая пресса.

Эта операция вошла во все учебники по борьбе с терроризмом.

На этот сюжет снят новый фильм самого знаменитого кинорежиссера современности Стивена Спилберга.

Вся правда о Мюнхенской трагедии и тайной деятельности израильских «ликвидаторов», досье террористов и секреты спецслужб, сенсационные подробности и малоизвестные факты – в новой книге популярного писателя и телеведущего Леонида Млечина.

ISBN 5-699-07344-2

9 785699 073443 >

